НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Д.М. КОТЫШЕВ

ОТ РУССКОЙ ЗЕМЛИ К ЗЕМЛЕ КИЕВСКОЙ

Становление государственности в Среднем Поднепровье в IX—XII вв.

Выпуск 18

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®

Новейшие исследования
по истории России

Челябинский государственный университет
Историко-филологический факультет

Д.М. КОТЫШЕВ

ОТ РУССКОЙ ЗЕМЛИ К ЗЕМЛЕ КИЕВСКОЙ

Становление государственности в Среднем Поднепровье IX—XII вв.

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)41
К73

16+

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Новейшие исследования по истории России» основана в 2016 г.

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Рецензенты: д.и.н., проф. кафедры истории России и зарубежных стран ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» Н.Н. Алеврас;
д.и.н., главный научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ И.Л. Измайлов;
д.и.н., проф. кафедры истории России института истории и социологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» В.В. Пузанов

Котышев Д.М.

К73 От Русской земли к земле Киевской. Становление государственности в Среднем Поднепровье. IX—XII вв. — М.: Центрполиграф, 2019. — 254 с. — (Новейшие исследования по истории России).

ISBN 978-5-227-08766-9

Ранняя история Русской земли является составной частью процесса зарождения древнерусского государства. Среднее Поднепровье в IX—X вв. стало ареной знаменательного исторического события: перехода восточных славян от варварства к цивилизации. Южная Русь X в. предстает громадным котлом, переплавившим различные племена. Из этой своеобразной социальной и этнической «крицы» был выкован уклад древнерусской эпохи. Время Владимира Святославича является тем самым рубежом, который отделяет позднепервобытную эпоху восточных славян от раннегосударственной. Последующий период — XI—XII вв. – это время расцвета и начала упадка Русской земли. Под влиянием целого ряда причин уже к середине XII в. она распадается на Киевскую, Черниговскую и Переяславскую земли.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)41

© Котышев Д.М., 2019
© «Центрполиграф», 2019
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

ISBN 978-5-227-08766-9

ОТ РУССКОЙ ЗЕМЛИ К ЗЕМЛЕ КИЕВСКОЙ

Становление государственности в Среднем Поднепровье IX—XII вв.

Оглавление

Введение 7

Глава 1. У ИСТОКОВ ДНЕПРОВСКОЙ «РУСИ»
§ 1. Русская земля — территория или государство? На стыке школ и мнений 14
§ 2. «Русская земля» или полянский союз племен: pro et contra . . . 20
§ 3. Ранняя история Киева: проблемы, поиски, решения 25
§ 4. Среднее Поднепровье в системе трансъевропейских связей . . . 35
§ 5. Норманны в Восточной Европе в IX—X вв. 41
§ 6. Среднее Поднепровье — варяго-славяно-хазарская контактная зона 48

Глава 2. «РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ»: ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ЗЕМЛИ В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ
§ 1. Русь Олега и Игоря на Днепре 53
§ 2. «Мы от рода русского...»: складывание потестарных структур в Поднепровье 65
§ 3. К вопросу о полюдье в середине X в. 69
§ 4. На пути к «державе Владимира»: от вождества к раннему государству 78

Глава 3. СТАНОВЛЕНИЕ «РУССКОЙ ЗЕМЛИ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XI В. ПРОБЛЕМА МЕЖДУКНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
§ 1. От «родового строя» к «родовому сюзеренитету»: становление и развитие междукняжеских отношений во второй половине X — начале XI в. 92
§ 2. Ряд Ярослава 1054 г.: оформление сеньората 101
§ 3. «Се буди мати градомъ руским»: проблема столичного статуса Киева в середине XI в. 105
§ 4. Киев и малые города Русской земли в конце X — первой половине XI в. 110

Глава 4. МЕЖДУ ДВУМЯ ПОКОЛЕНИЯМИ: РУССКАЯ ЗЕМЛЯ ОТ РЯДА ЯРОСЛАВА ДО ЛЮБЕЧСКОГО СЪЕЗДА
§ 1. От сеньората к «триумвирату»: взаимоотношения первого поколения Ярославичей 122
§ 2. Становление городской общины Киева во второй половине XI — начале XII в. 127
§ 3. Периферийные центры Русской земли и проблема титульных митрополий второй половины XI в. 136
§ 4. «Киевский сеньорат» Всеволода Ярославича: крах династического проекта 139
§ 5. Любечский съезд и его значение в истории Русской земли . . . 141

Глава 5. МОНОМАХ И ЕГО ПОТОМКИ: ПОСЛЕДНИЕ КНЯЗЬЯ РУССКОЙ ЗЕМЛИ
§ 1. Консолидация Русской земли как «династический проект» Мономаха 148
§ 2. На пороге кризиса: итоги киевского княжения Мстислава Владимировича 154
§ 3. Переяславский кризис 1132—1136 гг. 158
§ 4. «А се наш князь»: малые города Русской земли в борьбе за киевский стол 170
§ 5. Между Киевом и Черниговом: особенности династической политики Всеволода Ольговича 179

Заключение 185

Примечания 189

Введение

С какого момента можно говорить о возникновении древнерусской — точнее, восточнославянской — государственности? Широко отмеченный в 2012 г. «официальный» юбилей — 1150 лет российской государственности — внес в обсуждение этой проблематики довольно сильное оживление. Было проведено несколько международных конференций, выпущены сборники работ и монографии, немалое количество статей. Словом, информационных поводов к осмыслению (и переосмыслению) вопросов древнерусского политогенеза (процесса становления государственности) было создано более чем достаточно.

Однако состояние проблемы, ее восприятие образованной частью общества даже пять лет спустя не претерпело серьезных изменений. Безусловно, в среде историков-профессионалов за последние годы выработался определенный консенсус на предмет того, как можно описывать процесс формирования государства и становления политических институтов в восточнославянском ареале. Однако приходится констатировать, что указанный консенсус имеет характер «закрытого знания», практически не отражаясь на страницах вузовских, а тем более школьных учебников.

Мне же, как автору настоящей работы, приходится констатировать следующий факт. С одной стороны, свыше 18 лет сферой моих научных интересов является проблема возникновения и развития древнерусской государственно-

сти; исходя из этого в глубине души могу считать себя примкнувшим к кругу «адептов закрытого знания». С другой стороны — за плечами 12 лет работы в высшей школе и почти семь — в среднем образовании. И каждый новый учебный год начинался с опровержения существующих у абитуриентов и старшеклассников представлений об эпохе домонгольской Руси.

Представления эти, берущие начало со страниц школьных учебников, гласят, что на территории Восточной Европы со второй половины VIII в. существовало единое и обширное восточнославянское государство Киевская Русь со столицей в Киеве. Описанная картина восходит еще к учебникам советского времени, она отражала существовавшую тогда точку зрения официальной науки, сформулированную в первую очередь работами академика Б.А. Рыбакова[1].

Однако непредвзятое отношение к источникам уже в начале 1990-х гг. привело исследователей к утверждению, что «Киевская Русь — понятие ученое и книжное»[2]. И в этом есть определенный резон, поскольку в источниках, в первую очередь в отечественных, такого определения, как «Киевская Русь», нет. Повесть временных лет, описывая раннюю историю Руси, употребляет термин «Русская земля» и «Русь», но «Киевской Руси» она не знает.

Итак, в раннем летописании описывается некая общность, характеризуемая как Русь / Русская земля. Что это за общность? К какому типу общностей она относится — территориальной, этнической, социальной или конфессиональной? Немаловажным, на мой взгляд, вопросом является соотношение «Руси» и «Русской земли»: являлись ли они синонимами или же дополняющими друг друга, но в целом самостоятельными понятиями?

Для ответа на этот вопрос можно попробовать обратиться к раннему русскому летописанию. Оно представлено вводными частями Повести временных лет (далее — ПВЛ) и Новгородской I летописи младшего извода (далее — НIЛмл), отразившими, по меткому выражению А.А. Гиппиуса, «два начала Начальной летописи»[3].

Повесть временных лет

В лѣт 6360 (852) индикта еі наченшю Михаилу цсрьствовати нача ся прозывати Руская земля о семъ бо оувѣдахом яко при сем цсри приходиша Русь на Цсрьград яко же писашеть в лѣтописании Грѣцком тѣмь же и отселѣ почнем и числа положим[4].

Новгор. I летопись мл. изв.

Начало земли Рускои. Живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстех и странахъ, владѣюща кождо родомъ своимъ. <...> В си же времена бысть въ Грѣчько земли цесарь, именемъ Михаилъ, и мати его Ирина, иже проповѣдаеть покланяние иконамъ въ пръвую недѣлю поста. При семъ приидоша Русь на Царьград в кораблех, бещислено корабль; а въ двусту вшедше въ Суд[5].

Видно, что в том и в другом случае летописец выбирает своеобразный хронологический маркер, позволяющий ответить на вопрос, когда Русь «нача ся прозывати...». Ключевым моментом для него является первое упоминание «Руси» в византийских хрониках. Именно здесь видно первое увязывание «Руси» и «Русской земли». Но можно ли говорить о том, что «Русь» конца IX века представляет собой территориальную общность, будучи отождествляема с «Русской землей»?

Сопоставление текстов ПВЛ и НІЛмл не позволяет прийти к такому заключению — в дальнейшем, говоря о событиях конца IX — начала X в., летописцы, за редчайшими исключениями, употребляют только термин «Русь». Сам контекст понимания термина «Русь» в ранней летописной традиции говорит в пользу социального, а не этнического понимания данной общности.

Повесть временных лет

Сѣде Олегъ княжа в Кыевѣ <...> и бѣша оу него Словѣни и В(а)рязи и прочии прозвашася ***Русью***[6].

...и Поляне яже ннѣ зовемая ***Русь***[8]

Словѣнескъ языкъ и ***Рускыи*** одинъ. от Варягъ бо прозвашася Русью а пѣрвѣє бѣша Словѣне аще и Поляне звахуся но Словѣньская рѣчь бѣ Полями же прозвашася занеже в полѣ сѣдяху языкъ Словѣньскыи бѣ имъ єдинъ[9].

Новгор. I летопись мл. изв.

И сѣде Игорь, княжа, в Кыевѣ; и бѣша у него Варязи мужи Словенѣ, и оттолѣ прочии прозвашася ***Русью***[7].

И от тѣх Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася ***Русь***, и от тѣх словет ***Руская земля***[10].

В этом вопросе следует согласиться с исследователями, которые указывают на социальную природу общности «Русь» конца IX — начала X в.[11] Показательна также замена термина «вся Русь» на термин «дружина многа».

Повесть временных лет	**Новгор. I летопись мл. изв.**
изъбрашася триє брата с роды своими и пояша по собѣ ***всю Русь*** и придоша къ Словѣномъ[12].	Изъбрашася 3 брата с роды своими, и пояша со собою ***дружину многу*** и предивну, и приидоша к Новугороду[13].

Проходит половина столетия, и ситуация меняется. Характер этих изменений красноречиво описывает Константин Багрянородный в своем трактате «Об управлении Империей». В главе 37 «О народе пачинакитов» говорится, что «фема Харавои соседит с Росией, а фема Иавдиертим соседит с подплатежными стране Росии местностями, с ультинами, древленинами, лензанинами и прочими славянами» (τὸ δὲ θέμα τοῦ Χαραβόη πλησιάζει τῇ Ῥωσία, τὸ δὲ θέμα Ἰαβδιερτίμ πλησιάζει τοῖς ὑποφόροις χωρίοις χώρας τῆς Ῥωσίας, τοίς τε Οὐλτίνος, καί Δερβλενίνοις, καί Λενζενίνοις, καί τοίς λοιποῖς Σκλάβοις)[14]. «Росия» здесь употребляется как определение территории, имеющей свои границы, — χώρας τῆς Ῥωσίας; соответственно, росы определяются Константином Багрянородным как общность, проживающая на данной территории.

Можно предполагать на основании этих сведений, что к 940-м гг. «Росия» Константина Багрянородного является общностью уже не социальной, а территориальной, имеющей определенную географическую локализацию. Поэтому не случайно многие исследователи, изучавшие вопрос о возникновении и локализации Русской земли, за точку отсчета в своих рассуждениях брали как раз середину X в.

Родоначальником современной историографической традиции справедливо считается А.Н. Насонов. В своей капитальной работе он впервые поставил вопрос о Русской земле как своеобразной предтече Древнерусского государства, «колыбели» трех будущих княжений — Киевского, Черниговского и Переяславского[15]. Указанная работа А.Н. Насонова фактически положила конец длительным спорам о

первичности так называемом «широкого» и «узкого» понимания Русской земли. В дальнейшем исследования, посвященные Русской земле, двигались двумя путями: локализация границ Русской земли в пределах Среднего Поднепровья (поиск дополнительных аргументов в пользу концепции А.Н. Насонова) либо расширение этих границ до более значительных пределов (через включение в состав Русской земли населенных пунктов, расположенных за пределами поднепровских земель).

Последний подход характерен для работ, авторы которых определяют границы Русской земли на основании локализации населенных пунктов, упоминаемых в летописных текстах как принадлежащие к Русской земле. Речь идет в первую очередь о разысканиях Б.А. Рыбакова[16]. Гораздо позднее данную задачу попытался решить В.А. Кучкин. Его работы[17] преследовали целью пересмотр выводов Б.А. Рыбакова, но тем не менее, на мой взгляд, не привнесли ничего принципиально нового, хотя выявление большого количества неточностей, допущенных работами Б.А. Рыбакова, само по себе немаловажно. Расплывчатость формулировок работы В.А. Кучкина объясняется стремлением исследователя выбрать и проанализировать те выборки летописного текста, которые содержат конкретные географические локализации «Русской земли». Как полагает И.В. Ведюшкина, подобная выборочность чревата большими погрешностями в выводах. По ее мнению, представляется более целесообразным не исключать неоднозначные упоминания, а изучать весь корпус сведений целиком[18]. Итогом предварительных наблюдений исследовательницы стали выводы, идущие вразрез с построениями Рыбакова и его последователей. И.В. Ведюшкина отмечает «разительный контраст в семантике самоназвания между ПВЛ и более поздними летописными сводами (ПВЛ — преобладают общерусские и географически нейтральные названия, при полном отсутствии однозначно узких... летописные статьи второй трети XII — первой трети XIII в. — преобладают определенно узкие и узкие по контексту толкования, мало географически нейтральных, совсем единичны случаи общерусского понимания)...». Все это, по мнению И.В. Ведюшкиной, «заставляет поставить под со-

мнение целый ряд привычных стереотипов». Одним из таковых является «легенда о первичности узкого географического значения “Русской земли”»[19]. Исходя из сделанных выводов, И.В. Ведюшкина призывает перевести научные дискуссии на данную тему «с уровня концепций на уровень картотек».

При этом участниками дискуссий как-то не замеченной осталась статья Н.Ф. Котляра, посвященная изучению термина «Русь» в летописной традиции XII—XIII вв. Украинский исследователь уже в 1976 г. показал, что в 1130—1140 гг. изменяется само содержание термина «Русская земля», что «узкое» толкование в летописных текстах весьма неоднородно[20].

В вопросе истолкования территориального содержания понятия «Русская земля» подход И.В. Ведюшкиной представляется мне наиболее оправданным. Необходим учет *всех* упоминаний Русской земли, как явных, так и неявных, без оглядки на их географическую определенность. Каждый случай упоминания должен изучаться в составе текста и как его неотъемлемая часть, то есть в *контексте упоминания*.

Сплошной просмотр данных Ипатьевской летописи за XII в., осуществленный на этих принципах, выявил много дополнительной информации в пользу идей, высказанных Н.Ф. Котляром и И.В. Ведюшкиной, а также позволил уточнить ряд частных вопросов[21]. В целом, суммируя итоги этих наблюдений, можно сказать, что на протяжении XII в. Русская земля развивается не в сторону территориального расширения[22], а, наоборот, в сторону сужения. Если в составе Русской земли в начале XII в. числится почти вся территория Южной Руси, то к середине столетия намечаются устойчивые тенденции к отпадению сначала Переяславщины, а затем Черниговщины.

При этом процессы, замеченные и отмеченные южнорусским летописцем, получают подтверждение и «со стороны». Так, в НІЛ читаем под 6642 г.: «...и раздьрася вся земля Русьская». Далее новгородский летописец конкретизирует картину этого «раздрая»: «Ходи Мирославъ посадникъ из Новагорода мирить киян с черниговци и не успевъ

ничегоже... Яропълкъ к собе зваше новъгородьце, а черниговскыи князь собе». Подобная картина военного противостояния продолжалась достаточно долго — через полгода епископ Нифонт «иде въ Русь... с лучьшими мужи и заста кыяны съ черниговьцы стояще противу собе, и множьство вои...»[23].

Ситуация, зафиксированная в источниках, отражает процесс распада единого государственного образования на отдельные составляющие, активно враждующие друг с другом; причем процесс распада начался во второй четверти XII в. Целиком и полностью можно согласиться с И.В. Ведюшкиной, что ни о какой консервативности и архаичности летописной терминологии не может быть и речи; напротив, эта терминология «мобильна, динамична и адекватно отражает происходящие изменения»[24].

Следовательно, Русская земля охватывает на заре своего существования более значительные территории, чем под конец XII в., когда она территориально фактически «усыхает» до границ Киевской земли. Это положение будет являться основной опорной точкой для дальнейших рассуждений.

Глава 1
У ИСТОКОВ ДНЕПРОВСКОЙ «РУСИ»

§ 1. Русская земля — территория или государство? На стыке школ и мнений

Определение содержания термина «Русская земля» регулярно становилось задачей исторических разысканий еще с XIX в. На вопрос о том, что собой представляла Русская земля, пытался ответить еще Н.М. Карамзин, указывая на то, что «Русью тогда называлась собственно Киевская область»[25]. Эту мысль развивал и С.М. Соловьев, отождествляя Русскую землю «в тесном смысле» с Киевской землей[26].

Интересные мысли высказал в 1830-х гг. А.Ф. Федотов, подвергший анализу летописные свидетельства о Руси и Русской земле. Из его наблюдений следовало, что понятие «Русская земля» «с XI в. и еще более со второй половины XII столетия относится единственно к южным областям нашего государства, именно к Киевскому княжеству...»[27]. Однако изначально, по мнению А.Ф. Федотова, Русская земля относилась к Новгороду и только в начале X в. распространилась на южные области Руси[28].

Можно видеть, что вопрос о происхождении названия «Русская земля» и «Русь» на протяжении XIX в. и позже был тесно увязан с вопросом о происхождении древнерусской государственности, в том числе и с пресловутой «норманнской проблемой». Показательными являются в этом смысле работы С.А. Гедеонова, одного из «столпов» отечественного антинорманизма. Гедеонов утверждал, что слово «Русь» существовало в двух толкованиях. В одном случае

оно изначально распространялось на все восточнославянские племена. Это толкование Гедеонов называл «народным»[29]. Второе толкование определялось им как «племенное» и распространялось первоначально на полян, древлян и северян[30].

Из построений С.А. Гедеонова выходила следующая картина: изначально существовал союз славянских племен Среднего Поднепровья, потом это название распространилось на все восточнославянские племена и на завершающем этапе сузилось до пределов Киевской земли. Найти убедительное объяснение трансформации одного толкования в другое Гедеонову так и не удалось, но заложенная в его работе концепция послужила фундаментом, на котором последующие поколения исследователей воздвигали свои гипотезы.

Попытка разрешить противоречия между «узким» и «широким» толкованием понятия «Русская земля» определяла построения многих историков конца XIX и XX в. Так, М.С. Грушевский был склонен считать, что «небольшой треугольник Полянской земли имел и другое, весьма знаменательное имя — он был Русью по преимуществу. Киевская земля под именем Руси, Русской земли противополагается еще в XI—XII вв. ...даже наиболее близкой, неразрывно связанной с Полянской в одно политическое целое Древлянской земле». Хотя тут же историк отмечал, что понятие Руси «обнимало в XI—XII вв. всю Южную Русь и все восточное славянство, собранное киевскими князями в одно государство...»[31].

Как видно, в отличие от С.А. Гедеонова, М.С. Грушевский более четко выстроил соотношение узкого и широкого толкований «Русской земли». Изначальным, в его представлении, было узкое толкование, обозначавшее племенной союз полян. Впоследствии, когда поляне стали частью Киевской земли, «Русская земля» стала употребляться как ее синоним, и только изредка «Русская земля» применялась в качестве обозначения всей территории Древнерусского государства.

А.Е. Пресняков в своих рассуждениях о Русской земле был близок к точке зрения Грушевского, но не во всем. «То,

что мы весьма условно именуем “Киевской землей”, — писал Пресняков, — представлялось в старину сложным комплексом, состоявшим из небольшого киевского ядра (“Русской земли” в тесном смысле слова) и ее волостей»[32]. Таким образом, Русская земля виделась Преснякову основой Киевской земли, ее стержневой частью. Можно сказать, что узкое толкование термина «Русская земля» А.Е. Преснякову представлялось единственно верным.

Иного подхода относительно «Русской земли» придерживался М.Д. Приселков. В одной из своих последних работ, посвященных Киевскому государству X в., историк определил пределы Русской земли границами Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств[33]. Своей работой Приселков фактически заложил фундамент того подхода в изучении Русской земли, который впоследствии выразит в своей работе А.Н. Насонов.

Однако сразу после Второй мировой войны увидели свет две работы — М.Н. Тихомирова и Б.А. Рыбакова. Они заявили свою солидарность с первичностью «широкого» толкования «Русской земли». М.Н. Тихомиров фактически возродил концепцию А.Ф. Федотова, утверждая, что «название “Русь” — древнее прозвище Киевской земли, страны полян, известной уже в первой половине IX в. задолго до завоевания Киева северными князьями»[34]. В дальнейшем это название за Киевской землей, по мнению М.Н. Тихомирова, продолжает сохраняться и в XII—XIII вв.: «Можно с полным основанием считать, что в XII—XIII вв. название “Русь” обозначало определенную область — Киевскую землю в узком смысле этого слова»[35]. Точку зрения Тихомирова частично принял и Б.А. Рыбаков, который отождествил полян с Русью и вывел Русь непосредственно от антов: «Поляне, бывшие раньше ядром антского племенного союза, теперь стали ядром всех восточнославянских племен, стали той Русью, которая объединила многочисленные племена русской равнины»[36].

Работы Рыбакова и Тихомирова знаменовали начало нового этапа в изучении и интерпретации понятий «Русь» и «Русская земля» в отечественной исторической науке. О специфике этой интерпретации будет сказано позже. Пока же

мне хотелось бы остановиться на работе А.Н. Насонова, которая тоже стала этапной в изучении проблемы Русской земли.

Как и большинство предшествующих исследователей, А.Н. Насонов связал вопрос о происхождении термина «Русская земля» с вопросом возникновения государства. «В Среднем Поднепровье, — писал историк, — Киевскому государству предшествовало государство, сложившееся еще в IX в., в эпоху спада хазарского преобладания в южнорусских степях. Это государство получило название "Русской земли"». Эта Русская земля, по мнению А.Н. Насонова, представляла собой «объединение трех городов во главе с Киевом»[37].

Но концепцию Насонова от всех предыдущих построений отличала одна существенная особенность. Характеризуя Русскую землю в исторической ретроспективе, ученый указывал, что она являлась не просто территорией, а определенным этапом в развитии восточнославянской государственности: «Между полянской землей и Киевской областью XI—XII вв. эпохи Киевского государства хронологически стоит южнорусское государство с центром в Киеве, значительно отличавшееся от той и от другой. Это южнорусское государство — "Русская земля"...»[38] Фактически А.Н. Насонов еще в начале 1950-х гг. признал факт существования особой формы государственности восточных славян, являвшейся промежуточным звеном между первобытностью и эпохой XI—XIII вв. В своей работе он однозначно указывает, что «территория "Русской земли"... не была старой племенной территорией... перед нами следы неплеменного объединения». Основными центрами Русской земли, по А.Н. Насонову, были Киев, Чернигов и Переяславль, позже выделившиеся в самостоятельные княжения[39].

Сформулированные А.Н. Насоновым положения, на мой взгляд, создавали хорошую основу для разрешения вопроса о сущности Русской земли IX—XI вв. Исследователь указал на тесную взаимосвязь возникновения и развития Русской земли с процессами возникновения восточнославянской государственности.

Однако указанная гипотеза, к сожалению, не получила в отечественной науке достойного продолжения. Во второй

половине 1940-х гг. акценты в исследованиях начальной истории Руси были резко смещены. В вышедшей в 1949 г. очередной редакции «Киевской Руси» Б.Д. Грековым было провозглашено, что «...на основании археологических наблюдений устанавливается неразрывная цепь развития общества, сидящего в Поднепровье... цепь от скифов до Киевского государства включительно». По мнению Б.Д. Грекова, VI—VIII вв. представляют собой «период, без перерыва идущий в Киевское время»[40].

Был сформулирован новый тезис — восточнославянская государственность не возникает в IX в., она появляется гораздо раньше, в VI—VII вв. Одной из основных причин появления данного тезиса была развернувшаяся во второй половине 1940-х гг. борьба с норманизмом. Наиболее отчетливо это выразил П.Н. Третьяков, считавший, что невнимание к антскому прошлому Руси в XIX — начале XX в. объясняется засильем норманнской теории. «Богатое яркими событиями антское прошлое, — писал историк, — роль славян в судьбах Византии VI—VII вв., та характеристика антов и склавинов, которую дают им современники, — все это стояло в явном противоречии со взглядами норманистов». Поэтому, по мнению П.Н. Третьякова, «...представление о норманнах как создателях исторического бытия восточных славян не соответствует истине и должно быть отвергнуто»[41].

Собственно говоря, основные положения отечественного антинорманизма были сформулированы еще до войны в одной из работ того же Б.А. Рыбакова: «Начало в IX в. грабительских набегов норманнов... только что вступивших в ту стадию развития, которую приднепровские славяне уже изживали, никакой эпохи не составило и не могло составить. Варяги не могли создать никакой новой культуры, не могли повлиять на способ производства, на социальные отношения: горсточка искателей приключений попала в старую, устойчивую приднепровскую культурную среду и очень быстро совершенно растворилась в ней»[42].

Опровергнуть норманнскую теорию, по мнению Рыбакова, возможно через выявление следов государственности у восточных славян задолго до появления скандинавов в

Восточной Европе. Поэтому Б.А. Рыбаков сформулировал положение о том, что в «антах VI—VII вв. мы имеем прямых предков тех восточнославянских племен, из которых спустя несколько столетий сложилось Киевское государство»[43].

Указанное положение на долгое время стало основой для отечественного, советского антинорманизма, пережившего бурную пору своего расцвета во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. Развивая идеи, высказанные в 1939 г., Б.А. Рыбаков утверждал в 1947 г., что наблюдается «противоречие между маленькой территорией полян и их важным историческим значением»[44]. Исследователь отождествил территорию, занимаемую полянами, с территорией Русской земли, включавшей Киев, Чернигов и Переяславль, утверждая, что понятие «Русь» пришло на смену названию «поляне»[45].

Так было впервые употреблено определение «полянский племенной союз». Его история, по словам Б.А. Рыбакова, начиналась с первых веков н. э., начало полянской истории ученый возводит к эпохе полей погребальных урн[46].

В итоге к X в., согласно Рыбакову, древнерусская государственность переживает пору своего расцвета: «Поляне, бывшие ранее ядром антского племенного союза, теперь стали ядром всех восточнославянских племен, стали той Русью, которая объединила многочисленные племена Русской равнины»[47]. Идея о союзе славянских племен, возглавляемом полянами, была, если так можно выразиться, «поднята на щит» официальной наукой в ходе борьбы с «буржуазным норманнизмом». Ареал обитания полян получил статус «исконно славянского ядра» древнерусской государственности — в противовес «норманнистским» тезисам о значительном скандинавском влиянии. Ведь если доказывается, что государственность у восточных славян существовала задолго до появления скандинавов, то основные постулаты сторонников норманнской теории сразу оказывались лишенными всяких оснований.

Благодаря такому подходу идея автохтонности восточнославянской культуры и государственности стала одной из главных в исторических работах конца 1940-х — начала

1950-х гг. Особенно активно продолжал развивать ее Б.А. Рыбаков. В статье, посвященной проблемам древнерусской народности, исследователь заявил, что «область пальчатых фибул и других вещей V—VII вв., выделенных А.А. Спицыным, настолько полно совпадает с летописной Приднепровской Русью, что спицынские «древности антов» следует переименовать в «древности русов», признавая, что русы — часть антов»[48]. Район этого объединения, по мнению ученого, охватывал пересечение бассейнов Днепра и Северского Донца. В этом районе возникает «русский племенной союз», в состав которого, кроме антов-русов, входят поляне и северяне[49].

Обоснованию тождества антов и русов Б.А. Рыбаков посвятил еще одну, весьма обширную статью, итогом которой стало утверждение, что «...происхождение Руси — вопрос совершенно не связанный с норманнами-варягами, а уходящий вглубь веков от первого появления варягов»[50]. Термин «поляне» был окончательно провозглашен синонимом «Русской земли», которая в XII—XIII вв. отражала архетипические представления летописцев о единой территории сначала русского, а затем полянского союзов племен, предшествующих Древнерусскому государству[51]. И вплоть до 1980-х гг. указанный подход в отечественной исторической науке был господствующим.

§ 2. «Русская земля» или полянский союз племен: pro et contra

На первый взгляд это может показаться странным, но в своих построениях Б.А. Рыбаков вернулся к тем позициям, которые были характерны для летописцев XI — начала XII в. Судьба племенного союза полян была для составителя Начального свода одним из ключевых моментов древнерусской истории.

Именно полян летописец поместил в Среднем Поднепровье, сделав их фактически созидателями восточнославянской государственности. Картина восточнославянского мира не случайно открывается полянами — «и ти Словѣне

пришедше и сѣдоша по Дн҃пру и нарекошася Поляне»[52]. Полянская территория превращается в своеобразную точку отсчета древнерусской истории, в эпицентр восточнославянской ойкумены. Из этой точки повествователь устремляет свой взгляд вовне, к ней он постоянно возвращается.

Подобные установки первых историописателей Руси обусловили повышенный интерес к истории полян. Еще в конце XIX в. Н.П. Барсов определил область расселения славян на Правобережье Днепра, отделив их от северян на Левобережье[53]. Этот тезис развивали в своих работах М.С. Грушевский, С.М. Середонин и А.М. Андрияшев[54]. На страницах их работ поляне помещались на узком участке днепровского Правобережья от Десны до Кордня.

С началом XX в., когда археологические исследования Среднего Поднепровья значительно расширились, были предприняты первые попытки очертить землю полян по археологическим данным. Обращение к погребальным памятникам, приписываемых полянам, дало основание В.Б. Антоновичу и Д.Я. Самоквасову говорить о незначительности полянской территории на Правобережье Днепра[55]. Более осторожным в оценках был А.А. Спицын, подчеркнувший, что «...обряд погребения и вещи указывают на полную аналогию полянских курганов с одновременными волынскими и древлянскими»[56].

В первые десятилетия советской власти выводы о незначительном размере ареала полянского обитания пересмотру не подвергались. Исходя из более тщательного, чем у его предшественников, анализа курганных погребений Ю.В. Готье определил землю полян в границах треугольника рек Ирпень—Днепр—Поросье[57].

И только в 1930—1940-х гг., благодаря работам Рыбакова, поляне стали основным стержнем древнерусской истории, ее ключевым содержанием. Б.Д. Греков, Б.А. Рыбаков, М.Н. Тихомиров и П.Н. Третьяков отстаивали идею раннего происхождения полян и были склонны рассматривать восточных славян как автохтонов Восточной Европы.

Однако эта концепция автохтонности восточного славянства, рожденная стараниями Б.А. Рыбакова и его сподвижников, была воспринята научной общественностью

далеко не однозначно. Так, И.И. Ляпушкин, подводя итоги наблюдениям над памятниками днепровского Левобережья, указывал на то, что «ни одному из исследователей до сего времени не удалось проследить преемственность памятников славянской материальной культуры VIII—X вв. от памятников полей погребений»[58]. На материалах левобережья Днепра, по мнению ученого, ни о какой непрерывности исторического развития быть не может: между культурой полей погребений, исчезающей под натиском гуннов и роменско-боршевской культурой (достоверно славянской), «оказывается хронологический разрыв в три столетия»[59].

С таким же утверждением, но применительно к материалам днепровского Правобережья выступила Г.Ф. Корзухина. Она отказалась использовать византийские упоминания об антах в качестве письменного источника по истории Среднего Поднепровья, подчеркнув: «Не имея убедительных доказательств, что привлекаемые нашими исследователями письменные источники говорят именно о Среднем Поднепровье, я не считаю возможным использовать их для восстановления исторического прошлого данного района». Исследовательница пришла к неожиданному выводу о том, что «древности антов-русов» на самом деле отражают культуру двух совершенно разных этносов — кочевнического мира южнорусских степей и оседлого населения лесостепной полосы[60].

Это означало фактическое опровержение высказанных Б.А. Рыбаковым взглядов на проблему антов-русов и полян. Однако эта точка зрения уже получила к этому времени официальный статус в исторической науке, воплотившись в обширном разделе академического издания «Очерки истории СССР»[61]. В дальнейшем эта концепция была воспроизведена Б.А. Рыбаковым в большинстве обобщающих работ, посвященных истории Древней Руси. Точка же зрения его оппонентов (Г.Ф. Корзухиной, И.И. Ляпушкина и М.А. Артамонова) оказалась вытесненной на периферию научной дискуссии, отразившись лишь на страницах специальных научных работ.

Проблема «полянского союза племен» в последующие десятилетия стала одной из центральных тем научных ис-

следований. Усилия историков и археологов сосредоточились на установлении идентифицирующих признаков полян среди остальных племен. Выводы, к которым приходили ученые, были подчас различными.

Так, определяющим археологическим критерием полян Е.И. Тимофеев и И.П. Русанова считали курганные трупосожжения[62], располагающиеся преимущественно на днепровском Правобережье. Напротив, В.В. Седов полагал, что ключевым «полянским» признаком являются курганы с трупосожжением на глиняной подмазке. В своих выводах он следовал выводам Ю.В. Готье, однако, в противоположность оценкам последнего, территория полян под пером В.В. Седова увеличивается в несколько раз, соответствуя тем границам, которые были очерчены в работах Б.А. Рыбакова[63], и включает уже не только правобережные земли Днепра, но и территории, располагающиеся на его левом берегу.

Однако включение левобережных днепровских территорий в состав полянского культурного ареала вызывает определенные проблемы. Апеллирование В.В. Седова к распространению на Левобережье «срубных гробниц» наталкивается на аргументированное возражение А.П. Моци, который заключает, что «на Левобережье Днепра обряд погребения в срубных гробницах пришлый и появился он во времена великокняжеских дружин на Черниговщине»[64]. На основе многостороннего анализа погребальных памятников А.П. Моця приходит к очень важному, на мой взгляд, заключению: большинство «срубных гробниц» не является принадлежностью славянской эпохи IX—X вв., а целиком и полностью укладывается в хронологический отрезок середины — второй половины X в.[65] Эти наблюдения и выводы А.П. Моци о проникновении «срубных гробниц» в Среднее Поднепровье получили дальнейшее развитие в работах Е.А. Шинакова[66].

Следовательно, носители культуры «срубных гробниц» не имеют отношения к полянскому союзу племен VIII—IX вв., так как расцвет данной культуры приходится на вторую половину X в. Новейшее исследование К.А. Михайлова со всей убедительностью показывает, что культура «срубных гробниц» отражает формирование нового социального

слоя — «руси» — и не является этноопределяющим признаком[67].

Приходится констатировать факт, что «полянская проблема» на современном уровне археологических исследований далека от своего разрешения. «Полянская русь» или «племенной союз под предводительством полян» — оба этих понятия, на мой взгляд, являются скорее историографическими мифами, чем доказанными фактами. Созданный стараниями Нестора и его последователей летописный сюжет о полянах был использован сторонниками отечественного антинорманнизма для построения концепции автохтонной восточнославянской государственности. Основной целью таких построений было утверждение тезиса о существовании политических институтов и протогосударственных структур задолго до «призвания варягов». С точки зрения официального патриотизма советской эпохи данные построения выглядели наукообразно и убедительно, однако не прошли проверку временем и фактами.

На сегодняшний день археологическая наука не представила четких доказательств существования особой «полянской» археологической культуры. Как говорилось выше, все «древности русов», о которых рассуждал Б.А. Рыбаков, либо принадлежат к кругу пастырской культуры (речь идет о так называемых древностях антов), либо являются древностями Руси и отражают складывающуюся на протяжении X в. полиэтничную культуру элиты, включающую в себя скандинавские, хазарские (салтовские) и собственно славянские древности.

Проблема полян в Среднем Поднепровье достаточно многопланова; решить ее можно, на мой взгляд, лишь подвергнув анализу все ее аспекты. Один из этих аспектов — археологическое отождествление полян с «древностями Руси» — не выдержал проверку временем. Теперь предстоит рассмотреть сюжет о древнейшем Киеве как административно-политическом центре полян. Данный сюжет опирается в качестве доказательной базы на легенду о Кие, с одной стороны, и археологические свидетельства о древнейшей истории Киева — с другой. Рассмотрение данного сюжета предлагаю начать с вопроса о времени возникновения киевского городища.

§ 3. Ранняя история Киева: проблемы, поиски, решения

Проблема происхождения Киева с самых первых шагов его изучения тесно увязывалась с вопросом о возникновении Древнерусского (восточнославянского) государства, столицей которого Киев и провозглашался. Еще с XIX в. оформились две концепции возникновения и развития Киева. Первая полагала, что князь Кий, основатель города, являлся реальной исторической фигурой; данный постулат был сформулирован еще Н.М. Карамзиным[68]. Другая концепция относилась к летописной легенде об основании Киева с изрядной долей скептицизма, рассматривая Киев в лучшем случае в качестве племенного центра полян[69].

Скептицизм историков, разделявших эту точку зрения, понятен: вплоть до начала XX в. археологические данные, доказывавшие существование Киева в незапамятные времена, отсутствовали; летописная же легенда об основании города носила явные черты эпического предания[70].

Только с началом XX в., когда начались систематические исследования Киева раннеславянской и древнерусской эпохи, в руках исследователей оказался обширный археологический материал. Речь здесь идет о раскопках В.В. Хвойки[71] и Д.В. Милеева[72], имевших огромное значение для последующего изучения Киева.

Однако события 1914—1920 гг.: Первая мировая война, революция 1917 г. и гражданская война на Украине 1918—1920 гг. — привели к утрате большинства материалов исследований 1908—1914 гг. Полевая документация оказалась почти полностью утеряна, а последующие публикации сохранившихся в архивах материалов далеко не всегда позволяют воссоздать полную картину проводимых В.В. Хвойкой и Д.В. Милеевым раскопок.

В советское время археологические исследования Киева возобновились, однако и тут была своя специфика. Руководители раскопок на Замковой и Старокиевской горах С.С. Магура и Н.Ф. Молчановский были репрессированы в 1937—1938 гг. Это привело к фактическому выпадению из научного оборота полевой документации проводимых ими исследований.

В результате итоги археологических исследований Киева первой половины XX в. были обобщены только в работах М.К. Каргера[73]. Ученый сформулировал идею о том, что Киев как единый город возник только в конце X в. путем слияния трех родовых поселков[74]. Этот тезис М.К. Каргера лег в основу неизданной работы И.Е. Иванцова. Она не была опубликована при жизни автора[75], однако ее сведения активно использовались в своем труде М.К. Каргером, правда без указания на источник. Концепция И.М. Иванцова, сводившаяся к мысли, что ядром города стали три городища на Старокиевской, Замковой и Лысой горах, была изложена М.К. Каргером, позже ее восприняли М.Ю. Брайчевский[76] и М.Н. Тихомиров[77], отразив в своих работах. Позднее В.В. Мавродин и И.Я. Фроянов развили эту концепцию, предположив, что слияние древнейших киевских городищ в единое целое является проявлением общинного синойкизма, свойственного большинству раннеклассовых обществ[78].

Вместе с тем в 1970-х и в начале 1980-х гг. были предприняты серьезные попытки пересмотреть дату возникновения Киева в сторону ее удревнения. Эти попытки основывались на той концепции, которая была сформулирована в работах Б.А. Рыбакова.

Князя Кия Б.А. Рыбаков был склонен считать реальным историческим лицом, действовавшим в эпоху славянского расселения[79]. Опираясь на мнение, высказанное П.Н. Третьяковым[80], Б.А. Рыбаков утверждал, что в этом колонизационном потоке приняли участие не только южные, но и западные славяне[81].

Возникновение первичного поселения на днепровских высотах Б.А. Рыбаков связывал как раз с образованием племенного союза полян в VI в., когда, по его мнению, происходит слияние полян и русов в единый племенной союз[82].

Опираясь на исследования киевских археологов, в первую очередь П.П. Толочко[83], Б.А. Рыбаков предложил следующую схему возникновения древнего Киева. Первоначально поселение, связываемое им с резиденцией летописного Кия, возникло на Замковой горе; позднее укрепленное поселение возникает на Старокиевской горе, именно оно становится ядром будущего исторического Киева.

Основанием для такого утверждения стали проведенные на Замковой горе раскопки, в ходе которых были открыты материалы VI—VII вв.[84] Опираясь на эти данные, Б.А. Рыбаков поставил вопрос о передатировке времени возникновения Киева. Отталкиваясь от летописной легенды о Кие, ученый пришел к выводу, что в ней отразились реальные исторические события, а именно — заключение союза между Кием и византийским императором Анастасием Дикором. Медный фолис императора Анастасия, будучи найденным на Замковой горе, послужил одним из главных аргументов в пользу этой концепции[85].

Этот тезис о ранней дате основания Киева привлек внимание партийно-политического руководства УССР. Не без инициативы первого секретаря ЦК КП УССР В.В. Щербицкого и вице-президента АН УССР П.Т. Тронько было принято решение о праздновании в 1982 г. 1500-летнего юбилея города.

Практическим итогом этого юбилея стало утверждение в советской исторической науке положения о том, что уже в VI—VII вв. на правом берегу Днепра возникает поселение, которое интерпретируется как своеобразный «эмбрион города». На протяжении VIII—IX вв. это поселение превратилось в раннефеодальный город; уже в IX—X вв. город переходит в средневековую стадию[86].

Этой концепции соответствовала и та топографическая схема древнего Киева, которая была сформулирована в работе П.П. Толочко[87] Именно детинец, по мнению большинства ученых того времени, был ядром города, вокруг которого начал впоследствии формироваться посад. Окольные территории Киева практически не становились объектом археологических разысканий. Только в 1939—1940 гг. были предприняты раскопки на горе Киселевке[88]. Уже после войны, в конце 1940-х гг. в связи с работами по восстановлению Киева начала действовать экспедиция «Большой Киев». Основными задачами ее стали наблюдения и охранные раскопки в зонах проведения строительных работ.

Во время работ по прокладке газопровода в 1949 г. на Подоле был обнаружен мощный культурный слой древнерусского времени. Через год отрядом под руководством

В.А. Богусевича были осуществлены первые масштабные исследования на Подоле. Они показали непрерывность заселения данной территории на протяжении IX—XIII вв. и позднее. Слой древнерусского времени местами доходил до 2 м, в среднем составляя 1,5 м.

Результаты раскопок на Подоле, а также исследований на горе Киселевке 1948 г.[89] дали В.А. Богусевичу повод пересмотреть сложившуюся к этому времени историко-топографическую схему развития города. Исследователь отметил крайне низкий показатель заселенности Старокиевской горы до конца X в. и предположил, что «...киевский посад, находившийся между р. Почайной и Сенным базаром, был заселен гораздо раньше, чем стали строиться княжеские крепости и "города" Владимира, Ярослава, которые являются новыми частями по сравнению с лежащей к северу на холмах у Подола и Оболони значительно более древней по своей заселенности территорией»[90]. Развивая данную мысль, В.А. Богусевич пришел к необычному для того времени выводу: «Старокиевская гора, обычно рассматриваемая как древнейшая часть города, в действительности таковой не является»[91].

Однако идеи, высказанные Богусевичем, настолько радикально меняли сложившееся представление об этапах развития Киева, что были встречены в штыки и подвергнуты критике[92]. Но правота предположений исследователя стала очевидной после резонансных раскопок на Подоле 1971—1975 гг., когда была открыта городская застройка конца IX—X в.[93]

Критическая масса аргументов против концепции Рыбакова—Толочко подспудно накапливалась на протяжении всей второй половины XX в. Первый шаг был сделан, как это ни парадоксально, М.К. Каргером. Анализируя материалы раскопок на Киселевке 1940 г., исследователь указал на неправомерность датировки керамических материалов ранним временем[94]. Несколько позже А.М. Шовкопляс указала на то, что лишь незначительная часть керамики с раскопок на Киселевке 1940 г. может быть отнесена к культуре Корчак (VI—VII вв.), а подавляющее большинство фрагментов датируется VIII—IX вв.[95]

Совокупность данных по культурному слою Замковой горы была подтверждена и позднейшими исследованиями. Во время раскопок В.А. Харламова на северных склонах горы только один шурф из четырех дал керамику VIII—IX вв.; предметов более раннего времени обнаружено не было[96]. Интерпретация Замковой горы как древнейшего ядра города опирается на утверждение, что поселение, следы которого отмечены в VIII—IX вв., имеет непосредственное продолжение в VIII—IX вв.[97] Однако внимательное знакомство с опубликованными материалами раскопок 1940 г. позволяет поставить под сомнение это утверждение. В них отчетливо зафиксирован чистый слой глины, разделяющий слои VI—VII и VIII—IX вв.[98]

Данное обстоятельство позволило немецкому историку Э. Мюле поставить вопрос о соответствии концепции ранней истории Киева имеющимся фактам[99]. В пользу умозрительности концепции ранней истории Киева, выдвинутой Б.А. Рыбаковым, говорит следующее обстоятельство. Как уже упоминалось выше, одним из главных аргументов в пользу ранней датировки поселения на Замковой горе является факт находки медных византийских фолисов императоров Анастасия и Юстиниана. Однако при ближайшем рассмотрении материалов раскопок они оказываются отнесены к разновременным и случайным находкам[100], что не дает возможности использования указанных монет как датирующих признаков.

Момент истины для концепции раннего происхождения Киева настал в 1970-х гг., когда, как уже говорилось выше, на Подоле были открыты следы поусадебной застройки начиная с X в.

В этих условиях гипотеза В.А. Богусевича пережила второе рождение в работах М.А. Сагайдака. Вопреки концепции П.П. Толочко, М.А. Сагайдак предложил иную схему возникновения и развития Киева. Согласно этой схеме, первоначальное поселение было основано на Подоле, вблизи днепровской гавани. На Замковой горе располагалась крепость, прикрывавшая доступ к Подолу, а на Старокиевской горе находилось языческое кладбище[101]. Позже эту идею о Подоле как своеобразной «колыбели Киева» под-

держали в своих работах Ю.В. Писаренко, В.Н. Зоценко, К.А. Михайлов[102]. Чуть позже она была скорректирована Ф.А. Андрощуком[103].

Впоследствии к дискуссии подключился В.К. Козюба. Он критически отнесся к предположениям как В.Н. Зоценко, так и Ф.А. Андрощука о прекращении существования городища на Старокиевской горе (речь идет о первичном поселении) в VII в. По его мнению, следы относятся к раннеславянскому времени, являясь не ядром будущего города, а сторожевой крепостью, защищавшей подступы к Подолу[104].

А.В. Комар предложил рассматривать вопрос о киевских поселениях в более широком историческом контексте межэтнических и межкультурных взаимодействий в Среднем Поднепровье в VII—IX вв.[105]

В дальнейшем почти все указанные авторы были подвергнуты критике П.П. Толочко. Он по-прежнему отстаивает свою точку зрения и утверждает, что древнейшее киевское городище существовало в VI—VII вв.[106]

Материалы дискуссии, по моему мнению, показывают, что обсуждаемая проблема далека от своего окончательного разрешения. Поэтому попробую изложить результаты своих наблюдений над различными сценариями возникновения Киева; тем более что мне в свое время довелось посвятить истории раннего Киева отдельную статью[107]. Работа в архиве Института археологии НАН Украины в 2006 г. заставила меня пересмотреть многое из того, что было опубликовано годом раньше. Произошло это в первую очередь потому, что выводы ряда публикаций сильно разошлись с данными полевых отчетов. Поэтому основная задача работы, как мне представляется, состоит в сравнении различных сценариев зарождения и развития Киева и сопоставлении их с имеющейся на сегодня источниковой базой.

Начать свой анализ я полагаю целесообразным с поселения на Старокиевской горе, поскольку в сценарии развития Киева, который отстаивает П.П. Толочко, именно Старокиевская гора рассматривается как «эмбрион» города.

Речь идет об участке на северо-западном отроге Старокиевской горы вблизи здания ГИМ Украины. На этой тер-

ритории выявлены археологическими исследованиями остатки укреплений городища и несколько жилищ.

К жилищам раннеславянского времени, открытым на территории городища в 1939, 1958, 1965 и 1971 гг., относятся четыре объекта. Первое из перечисленных жилищ было открыто вблизи ГИМ Украины[108]. Опубликовавший материалы раскопок М.К. Каргер первоначально отнес это жилище к зарубинецкой культуре; однако в последующих работах он пересмотрел эту оценку, датировав найденное жилище и инвентарь VIII—IX вв.[109] А.В. Комар относит данную керамику, а вместе с ней и жилище к волынцевской культуре[110]. Однако из-за противоречивых данных однозначно отнести жилищный комплекс к роменскому или волынцевскому горизонту, на мой взгляд, затруднительно.

Второе жилище открыто раскопками П.П. Толочко и С.Р. Килиевич в 1958 г. на Андреевском спуске. В публикации материалов находок жилище было датировано VII—VIII вв. Но материалы полевых исследований, хранящихся в архиве ИА НАНУ, ставят под сомнение предложенную датировку. Из отчета явственно следует, что речь идет о хозяйственной яме с переотложенным культурным слоем[111]. Сами фрагменты керамики были определены А.М. Шовкопляс как относящиеся к культуре Луки Райковецкой[112]. Таким образом, принадлежность материалов из раскопок 1958 г. к жилищу VII—VIII вв. не является доказанной.

Следующим по времени обнаружения является комплекс — это жилище, открытое работами 1965 г. на склонах Старокиевской горы. В заполнении развала печи и вблизи него было обнаружено много фрагментов кружальной и лепной керамики. П.П. Толочко датировал эту керамику, а вместе с ней и жилище VII—VIII вв.[113] Материалы полевой документации оставляют двойственное впечатление: в большинстве случаев керамика VII—VIII вв. встречается в развалинах жилищ X—XI вв., куда она попала, по-видимому, при постройке[114]. Кроме того, жилище с печью из глиняных вальков и кусков песчаника, датируемое VII—VIII вв., как показывают материалы раскопок, оказалось разрушенным при строительстве оборонительного сооружения, определяемого как часть оборонительного рва

городища[115]. Присутствие в заполнении керамики VII—VIII и X—XI вв., на мой взгляд, говорит о том, что керамический материал мог попасть туда при строительстве рва с более верхних террас. Кроме того, в раскопках 1965 г. наблюдается сочетание лепной и кружальной керамики; причем в ряде случаев лепная керамика по своему характеру относится к роменской. Такое сочетание характерно для киевского Подола и датируется IX — началом X в.[116] Поэтому окончательная датировка жилища из раскопок 1965 г. остается под вопросом.

И наконец, четвертое жилище было открыто во время раскопок в 1971 г. недалеко от жилища, исследованного в 1939 г. В жилище сохранилась печь, наполненная фрагментами глиняных сосудов, относимых исследователями к пражской культуре V—VI вв.[117] Керамика из жилища, открытого в 1971 г., имеет сходство с керамикой, открытой на поселении Корчак и Зимно[118]. Однако это жилище единичное, синхронных с ней находок на территории Старокиевской горы практически не встречается[119].

Таким образом, обзор археологических материалов по раннеславянской истории Старокиевской горы приводит к следующему выводу. Однозначно ранним жилищем считается жилище из раскопок 1971 г., однако оно единично и не связано с городищем, укрепления которого относятся к более позднему времени. Следовательно, говорить о возникновении укрепленного поселения в эпоху пражской культуры на Старокиевской горе нет никаких оснований.

Единственным достоверным маркером служит жилище из раскопок 1939 г. Подтверждением существования на Старокиевской горе поселения в VIII—IX вв. является находка 2009 г.: жилище волынцевской культуры, аналогичное жилищу, исследованному в 1939 г.[120]

Появление укрепленного поселения на Старокиевской горе маркируется также сооружением укреплений, и в первую очередь древнейшего оборонительного рва. Он исследовался на различных участках трассы в 1908[121], 1936[122], 1939[123], 1965[124], 1969[125], 2008[126] гг. Относительно конструкции этого вала существуют довольно противоречивые мнения. Так, В.К. Козюба на основе неопубликованных

материалов раскопок Д.В. Милеева предложил реконструировать оборонительное сооружение как дерево-земляную стену, в основании которой находилась перекладная конструкция из положенных в горизонтальной плоскости перпендикулярно друг другу дубовых бревен. В.К. Козюба отмечает, что такой способ сооружения укреплений «встречается в насыпях валов на территории Древней Руси с конца X в.», указывая при этом на конструкцию Змиевых валов[127]. Такой способ сооружения вальных конструкций действительно отмечается исследователями у западных славян. Ю.Ю. Моргунов относит такой тип сооружений к крюковым и указывает, что на Руси они встречаются в конструкциях валов с XI в. и единичны, а вот при сооружении Змиевых валов использовались достаточно часто[128].

Сам В.К. Козюба склонен датировать конструкцию достаточно поздним временем — концом X в., указывая на то, что аналогичные конструкции встречаются у лужичан в VIII в. и на территории Польши столетием позже.

Подобный подход попытался оспорить А.В. Комар, предложив иной вариант реконструкции, связанный с тем, что большие промежутки между вертикальными кольями свидетельствуют о наличии в основе конструкции плетеных клетей, укрепленных глиной[129]. На основании этого историк полагает, что укрепления были возведены населением волынцевского периода и были разрушены до середины IX в.

Однако изучение рва в 2007—2011 гг. склонило исследователя принять точку зрения В.К. Козюбы, что и нашло отражение в новейшей коллективной монографии. На основании материалов новейших исследований А.В. Комар выделяет три этапа функционирования рва: он возникает в конце IX — начале X в., к середине X в. укрепление оказывается заброшенным, потом следует восстановление укреплений, связываемое с деятельностью княгини Ольги, и третий этап связан с заключительной реконструкцией, проведенной, предположительно, после печенежской осады 968 г.[130] Ров вместе с остальными укреплениями прекратил свое существование с момента строительства Десятинной церкви, когда он был засыпан и снивелирован.

Таким образом, изучение рва городища на сегодняшний день полностью опровергает утверждения о его существовании ранее IX в.

Конструктивные особенности вала с использованием деревянных клетей, прослеженные раскопками, имеют определенные аналогии с укреплениями городища Коровель близ села Шестовицы[131]. Это говорит, на мой взгляд, об отражении общих социальных и культурных процессов, происходивших в Среднем Поднепровье в IX—X вв.

Отсутствие в IX—X вв. застройки на Старокиевской горе, по меткому выражению А.В. Комара, «ставит в равное положение Старокиевское городище и Замковую гору»[132]. Таким образом, на этих высотах со второй половины IX в. существуют укрепленные поселения, но без массовой жилой застройки. В то же самое время уже с конца IX в. на Подоле, близ днепровской гавани возникает поселение с регулярной поусадебной планировкой. Нижняя хронологическая граница подольского поселения на сегодняшний день маркируется срубом на Житнем рынке, дендродата которого — 887 г.[133] Таким образом, археологические разыскания подтвердили предположения, выдвинутые в свое время еще В.А. Богусевичем, считавшим Подол ядром древнейшего Киева, а укрепленные поселения на Старокиевской горе — вторичными по отношению к нему. А.В. Комар убедительно полагает, что возникновение поселения на Подоле может быть отождествлено с деятельностью князя Олега, отраженной в летописи[134].

И только с этого времени (то есть с рубежа IX—X вв.) можно говорить о том, что киевское поселение приобретает определенный статус. До этой поры рассуждать о древнейшем Киеве как центре полянского объединения нет никаких оснований. ПВЛ, описывая сюжет с Аскольдом и Диром, сообщает: «Аколъдо же и Диръ остаста въ градѣ семь. И многи Варяги скуписта и начаста владѣт Польскою землею»[135]. При этом сама конструкция фраз и логика повествования не дают никаких оснований рассуждать о Киеве VIII—IX вв. как политическом центре «полянского» вождества. По словам автора ПВЛ, Аскольд и Дир «поидоста по Днѣпру и идуче мимо и оузрѣста на горѣ градок». Из

этой зарисовки следует, что в середине IX в. Киев представлял собой небольшое укрепленное поселение («градок»), явно не соответствовавшее статусу административно-политического центра.

Вся система укрепленных поселений на киевских горах, которые контролировали подступы к поселению на Подоле, формируется на рубеже IX—X вв. Летописное предание о захвате Олегом Киева отмечает лишь начало превращения небольшого славянского городка в аналог североевропейского вика. В этом смысле становление Киева как укрепленного поселения следует рассматривать в общем контексте истории Восточной Европы IX—X вв.

§ 4. Среднее Поднепровье в системе трансъевропейских связей

Еще в начале 1970-х гг. В.А. Булкин и Г.С. Лебедев выдвинули гипотезу о том, что начиная с VIII в. в Балтийском регионе возникает и развивается особый тип торгово-ремесленных поселений предгородского типа[136]. На сегодняшний день эта концепция принята большинством отечественных историков и археологов[137], которые говорят о существовании «циркумбалтийского региона»[138], объединенного единой системой политических и экономических связей.

Эта система представляла собой взаимосвязь западного (Британия, Ютландия и Скандинавский полуостров)[139] и восточного (Передняя Азия — Северный Кавказ — Волжский путь)[140] направлений трансконтинентальной системы торговых путей. По мнению Г.С. Лебедева, эти ветви на рубеже VIII—IX вв. «...смыкаются на Балтике, образуя уникальный в своем роде “серебряный мост”, перекинутый через североевропейский barbaricum и связавший пространства от Британии на Западе до Прикамья на Востоке, от окраинных областей Норвегии на севере до причерноморско-каспийских степей на юге Европы»[141].

Е.А. Мельникова предложила рассматривать процессы политогенеза на Руси и в Европе как результат включения восточноевропейских территорий в систему общеевропей-

ских и даже трансъевропейских коммуникаций[142]. По ее мнению, одним из ключевых подходов в объяснении политической и экономической ситуации в Европе середины — второй половины 1-го тысячелетия н. э. является «тезис Пиренна», заключающийся в том, что окончательный распад средиземноморской цивилизации произошел не от набегов германских варваров, а в результате арабских завоеваний, резко изменивших экономическую конъюнктуру Средиземноморского региона[143].

Развивая «тезис Пиренна», С. Булин и М. Маккормик отметили, что в результате кризиса, постигшего средиземноморскую экономику в VII в., столетием позже формируются две крупные экономические области — исламская на юге и каролингская на севере Европы[144]. Осмысливая идеи Г.С. Лебедева, Е.А. Мельникова отмечает, что интеграция Североморского и Балтийского регионов происходит в конце VIII — начале IX в.[145] Появление Ладоги означает не просто включение Северо-Западной Руси в орбиту циркумбалтийского региона, но и установление связей через Волжский путь с торговым регионом исламского мира.

Считая эти построения достаточно убедительными, хотелось бы внести в них некоторые коррективы, чтобы ответить на вопрос о роли системы трансконтинентальных связей в становлении и развитии Киева. На мой взгляд, А. Пиренн, оценивая роль арабских завоеваний в истории раннесредневековой Европы, исходил из привычного для западных историков «каролингоцентризма». Однако до VII в. Византия существовала как правопреемница Римской империи, что делало Средиземноморье «внутренним морем» империи, начиная с эпохи Юстиниана[146].

Арабские завоевания нанесли империи сокрушительный удар: в течение столетия были потеряны ближневосточные провинции и Северная Африка[147]. Последовавший вскоре иконоборческий кризис расколол единое религиозное пространство. Папство обратилось за поддержкой к франкам; союз папы и Карла Великого создал новую политическую реальность. Таким образом, совершился распад единого средиземноморского пространства на империю Карла Великого, Византийскую империю и халифат. Это породило

новые геополитические реалии, в которых и формировались те самые трансконтинентальные торговые маршруты.

8 июня 793 г. нападение скандинавских пиратов на монастырь Святого Кутберта на острове Линдисфарн возвестило о начале новой эпохи в истории Европы — эпохи викингов, продлившейся более 200 лет. Несколькими десятилетиями ранее хазары под натиском арабов оставляют территории Кавказа и занимают низовья Волги, Подонье, Приазовье, Крым. Наступает новый период в истории Хазарского каганата, и в это же время хазары соприкасаются со славянами.

Таким образом, на рубеже VIII—IX вв. Восточная Европа оказывается между двумя полюсами напряженности — с одной стороны Скандинавия, с другой — Хазарский каганат. Оба этих полюса генерируют импульсы военного, культурного и политического характера, оказавшие серьезное влияние на судьбы восточнославянского мира.

Одновременно с пиком активности норманнов на западноевропейском направлении, приходящимся на 860—890-е гг., шло активное проникновение викингов в Восточную Европу. «Искатели удачи и серебра» в стремлении наживы и подвигов продвигались все дальше на юг. И здесь им очень на руку оказались те изменения, которые происходили на Ближнем и Среднем Востоке.

Победа Аббасидов над Омейядами и перенос столицы халифата из Дамаска в Багдад положили начало расцвету халифата Аббасидов. Приход к власти новой династии был связан со значительными изменениями в жизни халифата. Аббасиды сделали ставку не на активную завоевательную политику, а на внутриэкономическое развитие страны. Период первых пяти аббасидских халифов — это время небывалого до того экономического расцвета; растут города, развивается внутренняя торговля[148]. Одним из главных последствий экономического бума стала массовая чеканка медной и серебряной монеты. В результате, как полагает А.В. Фомин, «...интенсивная чеканка перенасытила местное обращение денежными знаками. Возникли благоприятные условия для вывоза монеты за рубеж»[149]. Показателем возросшего экономического влияния халифата является пре-

вращение арабского золотого дирхема в своеобразный эталон для денежно-весовых систем Восточной и Северной Европы[150].

Около 759/60 г. эмир аббасидской провинции Арминия (Армения) женился на дочери хазарского кагана. Установление мира между Хазарией и халифатом открыло дорогу арабской монете из земель халифата через Закавказье и земли хазар в Восточную Европу[151]. С этим серебряным потоком и повстречались пришельцы с Севера. В силу этих обстоятельств уже с рубежа VIII—IX вв. начинает активно действовать Волжский торговый путь.

Как показывают современные исследования, из Ладожского озера, которое соединяется с Финским заливом Невой, до Волги можно было пройти тремя путями — Мариинской (Свирь—Вытегра—Ковжа—Шексна), Тихвинской (Сясь—Тихвинка—Соминка—Чагода—Молога) или Вышневолоцкой (Волхов—Мста—Цна—Тверца) транспортной системой[152]. Именно последняя оказалась наиболее активно используемой скандинавскими мореплавателями, чтобы проникнуть на Волгу[153], а оттуда на Каспий, являвшийся своеобразными торговыми воротами Арабского Востока. По этому маршруту и устремилось на Европейский Север арабское серебро, оседая на берегах Волжского пути в виде многочисленных кладов.

Балтийско-Волжский торговый путь становится основной магистралью транзитной международной торговли. Это обстоятельство дает возможность Е.А. Мельниковой утверждать, что «в жизни Северо-Запада Восточной Европы IX в. с отчетливостью вырисовывается главенствующая роль Балтийско-Волжского торгового пути». Именно он, по мнению исследовательницы, стал одним из главных факторов, определивших процессы политогенеза в Восточной Европе[154].

Против указанного тезиса активно выступает В.В. Пузанов. Он полагает, что «ошибочно... преувеличивать роль внешней торговли и недооценивать роль войны в жизни народов Скандинавии и Восточной Европы». Как полагает историк, «более важная, самостоятельная и универсальная роль в интеграционных процессах в Восточной Европе... принадлежала войне»[155].

На мой взгляд, сформулированные выше точки зрения во многом не противоречат, а дополняют друг друга. Действительно, провести четкую грань между торгово-посреднической деятельностью и военно-грабительскими операциями для раннего Средневековья нет никакой возможности. С одной стороны, те сверхдоходы, которые приносила международная торговля, издревле становились предметом ожесточенного военно-политического соперничества. Это соперничество велось за контроль над территориями, по которым пролегали транзитные торговые пути. С другой стороны, активная военная деятельность скандинавов по проториванию путей в страны Ближнего и Среднего Востока вызывала к жизни союзы между населением зарождающихся славянских вождеств и дружинами скандинавских конунгов.

Сам по себе Волжский путь был не просто торговым трактом, по которому сновали в обе стороны удачливые скандинавские находники. Как показывают данные археологии, уже с конца VIII в. те земли, по которым проходили торговые маршруты от балтийского побережья до Каспия, активно включаются в международную торговлю. Вдоль Волжско-Балтийского пути, на северо-востоке Европы возникает целая цепь поселений раннегородского типа — Изборск, Рюриково городище, Ладога, Тимерево, Сарское городище, Клещин и др. Эти поселения имели много сходных черт с такими скандинавскими центрами, как Бирка, Хедебю и т. п. Как уже было указано выше, в литературе подобный тип городищ выделяется в особую категорию[156].

В рамках сформировавшегося циркумбалтийского региона уже к началу IX в. сформировались механизмы меновой торговли, в которых скандинавским воинам и купцам выпадала нелегкая, но очень доходная доля транзитных перевозчиков. Совершенно правы С. Франклин и Дж. Шепард, указывая на то, что «скандинавы не были незаменимым звеном во встречном движении мехов и серебряных дирхемов. Главная роль в этом процессе принадлежала охотникам и установщикам капканов, которые были осведомлены о спросе на меха»[157].

Таким образом, на базе Волжско-Балтийского торгового пути и возникающих на нем ОТРП в IX в. формируется устойчивая система международного экономического обмена, нацеленная на страны мусульманского Востока и Хазарию. И не только торговля, а сложный комплекс политико-экономических связей подстегнул процессы межплеменной консолидации. В разворачивающихся процессах политогенеза скандинавы играли далеко не последнюю роль. Этот феномен, получивший в исторической традиции определение «призвания варягов», привел к возникновению на северо-западе России «северного союза племен» (по определению И.Я. Фроянова)[158]. Это объединение являлось двухуровневой иерархической структурой, представлявшей собой объединение ильменских словен и подчиненных им при помощи скандинавского конунга[159] окрестных племенных образований.

В то же самое время, во второй половине IX в., вслед за образованием сложного вождества на берегах Волхова меняется ситуация на всем Волжском пути. Это находит свое отражение в «первом кризисе серебра в Восточной Европе» (по выражению Т. Нунана)[160] — резком уменьшении дирхемов чеканки 870—900 гг. в составе восточноевропейских кладов.

Одной из главных причин снижения серебряного обращения стала военная активность венгров и печенегов, проникших из заволжских степей в Днепро-Донское междуречье. Хазарское владычество в южнорусских степях было серьезно поколеблено. Все эти события совпали с возвышением Волжской Булгарии, правители которой пытались установить дипломатические отношения с багдадским халифом. В итоге на рубеже IX—X вв. торговое сообщение по Волге между Европейским Севером и Средним Востоком оказалось затруднено. Попытки прорыва этой своеобразной торговой блокады предпринимались неоднократно. Отмеченный источниками поход «русов» на Каспий, закончившийся для них поражением, показал, что успешность подобного рода попыток была невелика.

В итоге скандинавские мореплаватели обращают свои взоры на юг Восточной Европы, пытаясь отыскать там но-

вые пути к манящим их сокровищам Востока. Переориентация с Волжско-Каспийского на Днепровско-Черноморский путь не была случайной.

Воцарение в 867 г. Василия I, основателя Македонской династии, открыло новую эпоху в истории Византийской империи. Позади остался период иконоборчества, ввергший страну в упадок в VII — первой половине VIII в. Уже при преемнике Василия I, Льве VI Мудром, Византия пережила экономический и политический расцвет, сопоставимый с расцветом халифата Аббасидов. Во многом эта ситуация была связана с тем, что с конца IX в. Византия сумела вернуть себе утраченное в VII—VIII вв. господство на Средиземном море (после захвата Крита арабами вплоть до конца IX в. арабский флот контролировал Восточное Средиземноморье). Константинополь в это время становится одним из крупнейших мировых производителей и продавцов престижных товаров — в первую очередь шелковых тканей и ювелирных изделий[161]. Понятно, что обосновавшиеся на севере Европы скандинавские купцы и воины начинают активно искать пути на юг, к портам и рынкам Царьграда.

§ 5. Норманны в Восточной Европе в IX—X вв.

Активный интерес скандинавов к югу Восточной Европы обусловил продолжительную по времени миграцию; ряд современных исследователей определяет эти миграционные процессы в широком диапазоне от полномасштабной завоевательной экспансии до внедрения (инвазии) северных пришельцев в местную восточнославянскую среду[162].

Следует отметить, что идеи о завоевании норманнами Восточной Европы были выдвинуты на повестку дня вскоре после Второй мировой войны, заняв свою историографическую нишу[163]. В последние десятилетия наблюдается своеобразная реанимация теории «норманнской колонизации», появившейся на свет в трудах Т. Арне[164].

Непредвзятый анализ восточнославянских и скандинавских древностей Восточной Европы, проделанный исследователями в 1990-х гг., позволил пересмотреть те оцен-

ки, которые были сформулированы еще в эпоху позднего СССР. По замечанию Ф.А. Андрощука, «стало очевидным, что их (скандинавских древностей. — *Д. К.*) количество несопоставимо огромно в сравнении с Западной Европой». Поэтому, по мнению историка, «...речь идет не о случайных приезжих, наемниках и эпизодических контактах, а в полном смысле колонизации скандинавами отдельных районов Восточной Европы»[165].

Данные положения, которые в среде зарубежных исследователей в последние десятилетия активно отстаивает И. Янссон[166], были приняты и современными российскими исследователями. Конечно, справедливости ради стоит отметить, что мысль о военном подчинении скандинавами восточных славян в наиболее полном виде была высказана А.А. Шахматовым[167] и впоследствии поддержана В.А. Мошиным[168], после чего в советское время на данную тему было наложено безусловное табу. Лишь только в начале 1980-х гг. М.А. Алпатову удалось озвучить для тогдашней научной аудитории ключевую мысль о том, что деятельность скандинавских находников в Восточной Европе ничем не отличалась от их деятельности в Западной Европе и Средиземноморье[169].

Наиболее последовательными сторонниками «норманнского завоевания / колонизации» в постсоветской исторической науке стали Р.Г. Скрынников[170] и В.В. Пузанов[171]. По справедливому замечанию последнего, «...было бы наивно полагать, что норманны, ставшие в описываемое летописцем время “бичом Божьим” Европы, доходившие до Италии и Сицилии... на севере Европы, то есть у себя под боком, ограничились лишь мелкими набегами на туземные племена, торговой деятельностью и службой в качестве наемников у восточнославянской и финской туземной знати»[172].

Таким образом, военная активность скандинавов, нацеленная на поиски оптимального маршрута к портам и рынкам Константинополя из Восточной Европы, рано или поздно должна была дать о себе знать. Первым хронологическим маркером, говорящим о появлении скандинавов на Днепровском пути, стало нашествие росов на Константинополь 18 июня 860 г.[173] В литературе существуют различные

оценки относительно происхождения организовавших набег «русов», а также места их обитания в Восточной Европе[174]. Насколько правомерно увязывать эту акцию с существованием так называемого «каганата росов» в Восточной Европе — отдельный и на сегодняшний день пока трудноразрешимый вопрос. Совокупность археологического и лингвистического материала позволяет, как мне думается, признать правоту исследователей, полагающих, что «...любые спекуляции на тему "русского каганата" первой половины IX в. в Киеве (Среднем Поднепровье) беспочвенны»[175]. Тем более что анализ византийских импортов с поселений вдоль днепровской магистрали не дает оснований говорить о том, что до середины X в. путь «из варяг в греки» функционировал в принципе[176]. Поэтому события 860 г. могут говорить только о том, что довольно значительные группы выходцев из Скандинавии уже проникли на юг Восточной Европы. При этом плацдармом для организации похода на Константинополь могли быть только территории, расположенные вблизи Днепра — основной водной магистрали, открывавшей дорогу в Черное море и дальше, до берегов Босфора.

С какого же времени можно говорить об освоении скандинавами/норманнами Среднего Поднепровья? Ответ на этот вопрос, как мне представляется, логично построить на анализе и сопоставлении имеющегося нарратива, с одной стороны, и археологических данных — с другой. Опорная дата, интересующая нас в раннем летописании, — 882 г. Под этим годом летописец изложил события, связанные с захватом Олегом Киева. Следует отметить, что эта тема имеет богатую историографическую традицию. С самых первых шагов советской исторической науки летописная дата захвата Киева была объявлена точкой отсчета в истории Древнерусского государства. Результатом появления скандинавов и словен на берегах Днепра, по мысли большинства советских историков, явилось объединение Северной и Южной Руси в единое целое.

Однако, несмотря на официальный характер этой точки зрения, практически с самого начала целый ряд исследователей был настроен скептически относительно самой идеи

существования государства в конце IX в.[177] Возражениям, высказанным в 1930-х гг. С.В. Бахрушиным, В.А. Пархоменко, Н.Л. Рубинштейном, находят сегодня дополнительные аргументы в своих работах И.Я. Фроянов и В.В. Пузанов. И.Я. Фроянов характеризует «Олегову дань» как разовую контрибуцию, наложенную предводителем скандинавской дружины на покоренные славянские племена, и указывает, что трактовка этой дани как элемента государственности неправомерна[178]. Дань-контрибуцию, а не ренту-налог усматривает в Олеговых поборах и В.В. Пузанов[179].

Если же попытаться на основе сохранившихся в раннем летописании свидетельств реконструировать основные этапы продвижения скандинавов на юг Восточной Европы, то получается следующая картина. ПВЛ (здесь и далее при цитировании используется считающийся наиболее эталонным список Лавр.) описывает события середины — второй половины IX в. следующим образом: «...и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ и бяста оу него 2 мужа не племени его ни боярина и та испросиста ся ко Црюгороду с родомъ своимъ и поидоста по Днѣпру и идуче мимо и оузрѣста на горѣ градок и оупращаста [и] прѣста чии се градокъ они же рѣша была суть 3 братья Кии Щекъ Хоривъ иже сдѣлаша градоко сь и изгибоша и мы сѣдимъ платяче дань родомъ и Козаромъ Аколъдо же и Диръ остаста въ градѣ семь и многи Варяги скуписта и начаста владѣт Польскою землею...»[180]

Обычно этот текст используется безальтернативно, поскольку традиционно считается, что текстов, предшествующих редакциям ПВЛ (отразившимся в Ипат. и Лавр.), за исключением фрагментов Начального свода (в Новг. I мл. изв. — далее НIМл) не сохранилось. Однако, по убедительному мнению В.К. Зиборова, высказанному еще в 1989 г.[181], ряд летописных текстов, дошедших до нашего времени, сохранил следы летописания, предшествующего ПВЛ и даже Начальному своду. Ресь идет об Устюжской летописи (УЛ), Архангелогородском летописце (Арханг.), отчасти Владимирском летописце (ВЛ) и Летописце Переяславля-Суздальского (ЛПС)[182]. Картина событий середины — второй половины IX в. в этих сводах отличается от изложенной в ПВЛ:

Устюжская летопись

И бѣста с ним пришли из варяг 2 человека: имя единому Аскольд, имя другому Дир; ни племени княжа, ни боярска, и не даст им Рюрик ни града, ни села. Асколд же и Дир испросистася у Рюрика ко Царюграду итьти с родом своим и поидоша из Новаграда на Днѣпър реку и по Днѣпру вниз мимо Смоленьск и не явистася в Смоленьску, зане град велик и многъ людьми, и приплыста под горы Киевские и узрѣста на горѣ градъ мал и вопросиста ту сущих людеи: «чии есть градок сеи?» Они же рѣста им: «были у нас здѣ 3 брата: Кии, Щок, Хорив да сестра их Лыбедъ, иже здѣлаша град сеи и изомроша; мы же сѣдим здѣ и даем дань козаром». Аскольд же и Дир рекоста им: «и мы есмя князи варяжские», и сѣдоста в городке том княжити, и многи варяги совокуписта, и нача владѣти Полянскую землю[183].

Архангелогородский летописец

И беста с ним пришли из Варяг 2 человека: имя единому Аскольд, имя другому Дир; ни племени княжа ни боярска, и не даст им Рюрик ни града, ни села. Асколд же и Дир испросистася у Рюрика ко Царюграду итьти с родом своим, и поидоша из Новаграда на Днепьр реку и по Днепру вниз мимо Смоленьск, и не явистася в Смоленьску, зане град велик и многъ людьми, и приплыста под горы Киевския, и узреста на горе град мал, и вопросиста ту сущих людей: «Чии есть градок сеи?». Они же реста им: «Были у нас зде 3 брата: Кии, Щок, Хорив да сестра их Лыбедь, иже зделаша град сеи и изомроша, мы же седим зде и даем дань козаром». Аскольд же и Дир рекоста им: «И мы есмя князи варяжские», и седоста в городке том княжити, и многи варяги совокуписта, и начата владети Полянскую землю и беша ратьми со древляны и со югрецы[184].

Вероятнее всего, текст, описывающий появление Аскольда и Дира в Среднем Поднепровье, фактически отражает, хотя в несколько метафоричной и иносказательной форме, сам процесс продвижения скандинавов на юг по Днепровскому пути. В сцене со Смоленском, который «град велик и многъ людьми», отразилось представление летописца XI в. о существовании в эпоху IX — начала X в. Гнёздовского поселения. Это предположение подкрепляется имеющимся на сегодняшний день археологическим материалом, согласно которому самое раннее из гнёздовских поселений возникло как раз в конце IX — начале X в.[185]

Гнёздовский археологический комплекс типологически принадлежит к кругу восточноевропейских ОТРП, существовавших как особый тип поселений в VIII—X вв.[186] Структурно гнёздовское поселение аналогично поселениям Ладоги,

Рюрикова городища, Шестовицы и Киева[187]. Хронология этих поселений как раз и маркирует освоение Восточной Европы норманнами. Ценность летописных свидетельств, процитированных выше, состоит как раз в том, что они показывают Гнёздово (Смоленск летописца XI в.) как один из опорных пунктов в деле освоения Днепровского пути.

Примечательно то, что только после закрепления на киевских горах Аскольд и Дир, согласно летописным версиям, предпринимают поход на Царьград; вопрос о реальном отношении летописных Аскольда и Дира к организации набега 860 г. продолжает оставаться открытым.

Лавр.	**Устюжская летопись**	**Архангелогородский летописец**
Иде Асколдъ и Диръ на Греки и прииде въ дı [лѣто] Михаила цря црю же отшедшю на Огаряны [и] дощедшю єму Черныє рѣки вѣсть єпархъ посла к нему яко Русь на Црьгородъ идеть и вратися црь си же внутрь Суду вшедше много оубіиство кртнмъ створиша и въ двою сотъ корабль Црьградъ оступиша[188].	Приидоста Аскольд и Дир ко Царюграду ратию и воеваша, многа зла сотвориша греком. Се услыша, царь Михаил и повел християном с Фотием мольбу сотворити в церкви святыя Богородица, и ризу ея изнесше в море и потопляше корабли руския и изверже их на брег и возвратишася без успеха[189].	Приидоста Аскольд и Дир ко Царюграду ратию и воеваша, многа зла сотвориша Греком. Се услышав, царь Михаил повеле християном с патриархом Фотием мольбу сотворити во церкви святыя Богородицы, ризу пречистыя изнесше в море и кресты омочивше и абие буря ста в море и потопляше корабля руския и изверже их на брег и возвратишася восвояси без успеха[190].

Каким же образом происходило внедрение (инвазия) скандинавов в пределы обитания восточных славян? Примечательно, что раннее летописание, сохранившееся, как уже было сказано выше, в Устюжском и Архангелогородском летописцах, показывает далеко не мирную картину. Аскольд и Дир, обосновавшись на киевских горах, «и начата владети Полянскую землю и беша ратьми со древляны». Это сообщение коррелирует с информацией Начального свода:

«И бѣста княжаща в Киевѣ, и владѣюща Полями; и бѣша ратнии съ Древляны и съ Улици». При этом летописец отмечает, что конфликт с древлянами восходит ко временам легендарного Кия: «По сих лѣтех братиа сии изгибоша; и быша обидими Древьляны, инѣми околними»[191].

Таким образом, можно сделать вывод, что древнейшее летописание сохранило предание о незначительности полян как племенного образования. Впоследствии сводчику начала XII в. пришлось изрядно потрудиться, чтобы «создать» из полян народность, стоящую у основания Древнерусского государства. Эти исторические построения позволяют, на мой взгляд, тем не менее увидеть в раннем летописании отражение событий рубежа IX—X вв., даже сквозь завесу ангажированности летописца.

Так, под 6406 г. в ПВЛ читается: «Бѣ єдинъ языкъ Словѣнескъ Словѣни же сѣдяху по Дунаєви ихже пріяша Оугри и Марава [и] Чеси и Ляхове и Поляне яже нынѣ зовомая Русь»[192]. Из этого явно следует, что поляне позже приняли имя руси, изначально таковой не являясь. Именно это обстоятельство подчеркивает летописец, разъясняя далее: «А Словеньскыи языкъ и Роускыи одно єст от Варягъ бо прозвашася Роусью а первоє бѣша Словене аще и Поляне звахуся но Словеньскаа рѣч бѣ»[193].

Фактически историческое бытие полян начинается с появлением в Среднем Поднепровье норманнов и началом функционирования южного отрезка пути из «варяг в греки». Почему-то мало кто из исследователей обратил внимание на следующий пассаж из космографического введения ПВЛ: «Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне... Поляномъ же живши особѣ по горамъ симъ бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру»[194]. Указанный фрагмент однозначно свидетельствует в пользу отождествления территории проживания полян с днепровским торговым маршрутом — поляне жили «по горам», вблизи проходившего пути «из Грек по Днепру».

На страницах летописи сохранился отголосок исторической памяти, прочно связывавшей легендарных полян с Днепром. Поэтому достоверные исторические следы полян вряд ли следует искать за пределами Среднего Поднепровья.

§ 6. Среднее Поднепровье — варяго-славяно-хазарская контактная зона

О попытках археологической локализации полян мне уже доводилось упоминать выше (см. § 3). Еще раз повторюсь: большинство исследователей рубежа XIX—XX вв., а также первой половины XX в. писали о незначительности занимаемой полянами территории. Выводы Н.П. Барсова, М.С. Грушевского, С.М. Середонина, А.М. Андрияшева в советское время получили поддержку в работах В.В. Мавродина[195]. При этом мнения историков основывались на исследованиях археологов, а не наоборот, как полагает В.В. Седов[196].

В.Б. Антонович и Д.Я. Самоквасов пытались выделить специфические полянские элементы в погребальном обряде, однако результат не оправдал ожидания[197]. Более удачным можно считать подход Ю.В. Готье, который отнес к полянскому погребальному обряду подкурганное трупосожжение с плотной глиняной площадкой. Такой тип погребений распространен от Киева до впадения реки Рось в Днепр[198].

Впоследствии Б.А. Рыбаков, считая, что отводимая полянам территория никак не соответствует «их важному историческому значению», решил пересмотреть ареал обитания полян. Определяющим критерием стал обряд трупоположения в подкурганных ямах[199]. В результате такой постановки вопроса территория, приписываемая полянам, охватила территорию Киева, Любеча, Чернигова, Переяславля и Стародуба, то есть ту территорию, которую чуть позже А.Н. Насонов определил как территорию «Русской земли»[200].

Идею, высказанную Б.А. Рыбаковым, пытались развить в своих работах Е.И. Тимофеев и И.П. Русанова[201]. Однако при картографировании и учете погребальных памятников в перечень были включены не только памятники IX—X вв., но и последующего периода — X—XI вв., эпохи древнерусской государственности. Подобный принцип базируется на допущении, что уже в государственную эпоху поляне сумели сохранить свой этнографический тип и свои особен-

ности. Однако это допущение противоречит существующим археологическим данным о формировании единой древнерусской культуры с рубежа X—XI вв.

Рассуждая об особенностях погребального обряда полян, И.П. Русанова критически отозвалась о предположении Г.Ф. Соловьевой, связавшей этот обряд с распространением в Среднем Поднепровье христианства[202]. При этом на составленной И.П. Русановой карте очень хорошо заметно соотношение распространения подкурганных погребений в ямах и погребений с глиняной обмазкой[203].

В.В. Седову, который вслед за Б.А. Рыбаковым, Е.И. Тимофеевым и И.П. Русановой продолжил включать в ареал обитания полян значительные территории Левобережья, тоже пришлось соглашаться с тем, что курганы с глиняными площадками, являющиеся, по его мнению, достоверно полянским маркером, занимают лишь днепровское Правобережье от устья Ирпеня до устья Роси[204].

Определенность в этом вопросе была установлена после работ А.П. Моци, который однозначно связал распространение обряда подкурганного трупоположения с проникновением христианства во второй половине X в.[205] То есть речь идет уже не о полянах, а о начальном этапе формирования территории Русской земли как раннего государства. Аргументы А.П. Моци поддержал и О.В. Сухобоков, указав на то, что данный погребальный обряд «...будучи обязан своим появлением раннему проникновению христианства... не может служить надежным этнографическим индикатором»[206].

Таким образом, полянская локализация вернулась к исходным посылам начала XX в., что более отвечает имеющемуся на данный момент летописному нарративу. Следует также отметить, что территория древнейшего Киева и часть узкой полосы днепровского Правобережья является, согласно сегодняшним данным, ареалом распространения волынцевской культуры, основной массив территорий которых находится на Левобережье. Речь идет о поселениях, известных еще с конца 1960-х гг. и расположенных от Киева вниз по течению Днепра до Роси (Ходосовка, Козакив Яр, Обухов II, Монастырек).

Изучение этих поселений началось еще с рубежа 1960—1970-х гг., вызвав большое оживление среди специалистов по истории ранней Руси. Причины такого оживления вполне понятны. Волынцевская культура традиционно считается принадлежащей северянскому Левобережью[207], поэтому ее присутствие в регионе, считавшемся ареалом обитания полян, вносило дезорганизацию в картину существования «полянской Руси».

С целью спасения этой картины был предпринят ряд трактовок. Так, правобережный ареал волынцевской культуры был объявлен «сахновско-волынцевским» и возведен к пражской культуре, то есть к одному культурному истоку вместе с культурой Луки-Райковецкой[208]. Главная задача такого логического построения, как справедливо отмечает А.В. Комар, состоит в том, чтобы аргументировать существование самодостаточного культурного ареала, отражающего археологическую культуру полян[209].

Однако идея «волынцевско-сахновских» древностей не получила широкого распространения. Устоявшееся мнение о генезисе волыцевской культуры на базе пеньковской и колочинской никто пока всерьез не оспаривал. Все это дает современным исследователям повод поставить вопрос о пересмотре общепринятых в литературе ареалов обитания племен и этнической атрибуции материалов археологических культур[210]. Одной из таких радикальных попыток стала концепция В.В. Седова о «Русском каганате» на Левобережье Днепра, большинством исследователей так и не принятая[211]. Но, несмотря на все нюансы, построения В.В. Седова отразили объективную реальность исторической науки в России конца XX — начала XXI в. Накопленная к этому времени сумма знаний свидетельствовала о том, что превращенная стараниями советских историков-антинорманнистов в центр восточнославянского этногенеза (и место обитания полян-«русов»[212]) зона Среднего Поднепровья на самом деле представляет собой некую «буферную» зону, место контакта степных и оседло-земледельческих культур. Волынцевская же культура, по справедливому замечанию Е.А. Горюнова, которое поддерживают Е.А. Шинаков и А.В. Комар, — результат проникновения в зону лесостеп-

ных земледельцев кочевого этноса; возникновение и развитие волынцевской культуры отражает продвижение на запад владений и политического влияния Хазарского каганата[213].

Следовательно, распространение волынцевской культуры на днепровском Правобережье отмечает западную границу Хазарского каганата, проходившую фактически по Днепру. Зона Среднего Поднепровья в VIII—IX вв. оказывается зоной активных культурных контактов, где сходятся, по словам В.Я. Петрухина, «импульсы из роменского (северянского) Левобережья, древлянского Правобережья (культура Луки-Райковецкой), Хазарии и даже Подунавья»[214].

Понимание Среднего Поднепровья как активной зоны контактов, вбиравшей в себя разнонаправленные импульсы, согласуется с концепцией «эффекта трибализации» как основополагающего фактора восточнославянского политогенеза. Обширный ареал от устья Десны до устья Роси в конце VIII — начале IX в. становится зоной активного славяно-скандинаво-хазарского культурного синтеза[215]. Особенно отчетливо это становится заметно с началом проникновения скандинавов в Среднее Поденпровье.

Это проникновение (инвазия), как свидетельствуют факты, было делом далеко не мирным. Причиной тому — столкновение интересов северных пришельцев с интересами каганата, традиционно контролировавшего эту территорию. Археологические исследования показывают, что как раз в первой половине IX в. сгорает поселение волынцевской культуры, расположенной на Старокиевской горе. В это же самое время прекращают свое существование и другие синхронные ему поселения, расположенные вниз по течению Днепра (Ходосовское I, Обуховское городища)[216].

Судьба днепровских полян при этом представляется современным исследователям двояко. По одной версии, они «...составляли небольшую локальную группу населения волынцевской культуры, отличаясь от северян лишь расположением за Днепром». После разгрома правобережных поселений волынцевской культуры в первой четверти — середине IX в. «остатки полян Правобережья, напротив, сдвигаются на юг, в Поросье... формируя синтезные памят-

ники типа Сахновки... уже во второй половине IX в. вливающиеся в культуру Луки-Райковецкой»[217].

Вторая версия исходит из того, что поляне являлись локальной группой, проживавшей на днепровском Правобережье, впоследствии ассимилированной населением волынцевской культуры. Позднее они оказались включены в сформированный полиэтничный анклав скандинавов-руси, сначала Аскольда и Дира, а потом уже Олега и Игоря[218].

На мой взгляд, данные версии не противоречат друг другу, а дополняют, описывая разные стадии событий в Среднем Поднепровье. Ранняя стадия охватывает проникновение хазар в приднепровский регион, что маркируется здесь находками кочевых погребений[219]. Последующая скандинавская экспансия приводит к тому, что часть полянского анклава сдвигается в Поросье, где возникает гибридный вариант сахновско-волынцевских памятников, позже инкорпорированных в состав культуры Луки-Райковецкой. Скорее всего, именно эти события кроются за словами летописца — «быша обидимы Древлями [и] инѣми околними»[220]. Другая часть полянского анклава, оставшаяся на киевских взгорьях, вошла в состав полиэтничной Руси, сохранив воспоминания о своем полянском прошлом — «Поляне яже нынѣ зовомая Русь»[221]. Предположение о наличии полянского квартала в Киеве XI в.[222], на мой взгляд, не так уж и далеко от истины: во всяком случае, летописец на рубеже XI—XII вв. прямо указывал, что «[и] нарицахуся Поляне от нихже єсть Поляне в Києвѣ и до сего дне»[223]. Но начало этому процессу было положено активным проникновением норманнов в Среднее Поднепровье, изменившим этническую и политическую карту региона. Подробнее об этих процессах — в следующей главе.

Глава 2

«РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ»: ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ЗЕМЛИ В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

§ 1. Русь Олега и Игоря на Днепре

Первая стадия норманнского проникновения в Среднее Поднепровье относится ко времени второй четверти — середины IX в. Эта стадия маркируется прекращением деятельности поселений волынцевской культуры на Правобережье Днепра. К этому же времени относятся и первые попытки проникновения скандинавов Днепровским путем в Черное море, нападения на крымские и малоазиатские владения Византии[224].

Однако активность росов отмечена не только на этих направлениях, но и в Европе. Речь идет о составленном в 870-х гг. в швабском монастыре Райхенау перечне народов Центральной и Восточной Европы, известном в науке под названием «Баварского географа». Сразу после народа хазар (Caziri) назван народ русь (Ruzzi)[225]. Достоверность данного сведения подтверждается грамотой короля Людовика II Немецкого от 863 г., в которой упоминается Ruzara Marcha[226]. Сопоставляя совокупность написаний имени «русь» в европейской и греческой традициях IX в., А.В. Назаренко предполагает, что «...те варяги, от которых впервые услышали это имя как в Византии, так и в Баварском Подунавье, то есть варяги, представлявшие РЗУС (Русская земля в узком смысле. — *Д. К.*), почему-то предпочитали не просто говорить по-славянски... но и употреблять славяноязычный вариант собственного этнического самоназвания»[227]. Это говорит, по мнению исследователя, об активной ассимиляции скандинавов первой волны славянским

окружением; это подтверждается, по мнению А.В. Назаренко, отсутствием скандинавских древностей IX в. в Среднем Поднепровье.

Исходя из имеющихся данных, я могу предположить, что скандинавов, освоившихся в Поднепровье, в указанный период времени мог больше привлекать не маршрут «по Днепру в греки», а трансконтинентальный маршрут из Европы до Булгара, Хазарского каганата и Каспия[228]. Вплоть до самого вторжения венгров в Европу в конце IX в. этот маршрут исправно функционировал через Великоморавское государство, Верхнее Повисленье до Среднего Поднепровья и дальше в Хазарию.

Возникшая впоследствии венгерская опасность привела к изменению маршрута в южном направлении, через Прагу. В это же самое время наметилась напряженность и на волжско-каспийском направлении; отголоском этой напряженности могут являться известия о неудачных походах русов на Каспий.

Начало второй волны скандинавской экспансии в Среднее Поднепровье в это же самое время вряд ли можно назвать случайным совпадением. Во всяком случае, такой вывод напрашивается из анализа описаний действий Олега и Игоря. Классический текст ПВЛ сообщает о том, что «[П]оиде Олегъ поимъ воя многи Варяги Чюдь Словѣни Мерю и всѣ Кривичи и приде къ Смоленьску съ Кривичи и прия градъ и посади мужь свои оттуда поиде внизъ и взя Любець и посади мужь свои [и] придоста къ горамъ хъ Кыевьскимъ»[229]. Начальный свод излагает указанные события более кратко: «И начаста воевати, и налѣзоста Днѣпрь рѣку и Смолнескъ град И оттолѣ поидоша внизъ по Днѣпру и приидоша къ горам кыевъскым»[230]. Как видно, отсутствует описание перечня Олегова воинства, которое, как и упоминание Любеча, является, по всей видимости, вставкой автора-составителя ПВЛ.

Ценность данного сообщения состоит в указании на ключевую цель всей Олеговой кампании — «и начаста воевати, и налѣзоста Днѣпрь рѣку». Из текста явно и недвусмысленно следует, что основной задачей похода являлось установление контроля над днепровской речной магистралью.

Смоленск, Любеч, Киев — указанные города отражают направление и этапы скандинавской экспансии второй волны. Отдельным вопросом является хронология указанных событий.

В последнее время все более отчетливым становится понимание обстоятельства, что хронология начального летописания, во всяком случае до начала XI в., является результатом работы летописцев рубежа XI—XII вв., когда даты создавались на основе случайной выборки хронологических маркеров из византийских источников[231]. В итоге на пространстве X в. в ПВЛ можно считать достоверными только две даты — это даты договоров Руси с Византией (911 и 944 гг.)[232].

Исходя из этого факта исследователи предполагают, что летописная дата захвата Олегом Киева весьма условна и является реконструкцией позднейшего сводчика. В силу этого предлагаются различные датировки указанного события с целью исправить «Мафусаилову генеалогию» первых Рюриковичей на более адекватную историческим событиям. С. Франклин и Дж. Шепард говорят об окончательном утверждении скандинавской Руси в Поднепровье между 890 и 910 гг.[233] Наиболее радикальный подход демонстрирует К. Цукерман, сдвигая приход Рюрика в Ладогу на 895 г., а правление Олега совместно с Игорем помещая между 911 и 941 гг.[234] Более осторожно подходит к делу А.С. Щавелев, относя захват Киева Олегом и Игорем к началу 900-х гг.[235] С его выводами соглашается и А.А. Роменский, хотя считает попытки точной датировки весьма спорными[236].

Позволю от себя внести некоторые корректировки в картину, сюжет которой вырисовывается в ходе дискуссии. Древнейшая хронология Подола, на которую ссылаются исследователи, выглядит следующим образом. Последняя четверть IX в. представлена находкой сруба на Житнем рынке в 1973 г. (сруб № 21); постройка прослежена на уровне одного венца, его дендродата дает 887 г. Но это единичная находка такого времени, о незначительной хозяйственной жизни в это время говорит и очень слабое заполнение постройки находками — обнаружено незначительное количество фрагментов керамики[237].

Зато следующий хронологический горизонт разительно отличается — раскопки выявили целую группу жилищно-хозяйственных комплексов: сруб № 7 (Контрактовая площадь) — 913 г.; сруб № 20 (Житний рынок) — 918; сруб № 2 и 3 (ул. Нижний Вал) — 921 и 904 гг.; комплекс построек (ул. Верхний Вал): сруб № 1 — 900 г.; сруб № 1а — 901 г.; сруб № 3 — 903 г.; сруб № 4 — 901 г.

Напрашивается однозначный вывод: на рубеже IX—X вв. и в самом начале X в. начинается активное хозяйственное освоение Подола. Дендродаты указанных построек вполне соотносятся с обнаруженным в этих постройкам инвентарем. К указанному времени относятся и первые клады восточных монет; во всяком случае, два клада из числа самых первых на текущий момент датируются в пределах 905—907 гг.[238] Не менее важным изменением представляется и возведение укреплений городища на Старокиевской горе, прикрывавшего подступы к поселению на Подоле. Эти укрепления, как уже отмечалось выше, возводятся в первой четверти X в.; исследователи указывают сходные черты в конструкции этих укреплений с фортификацией Рюрикова городища[239].

Четким маркером пребывания скандинавской знати в Киеве в это время является появление курганного могильника с элитарными камерными погребениями; эти погребения включают в себя оружие, престижный импорт и скандинавский инвентарь[240]. Указанные археологические маркеры, отмечающие появление скандинавов второй волны колонизации в Киеве, подтверждает и византийский нарратив, отмеченный А.С. Щавелевым[241]. В целях конкретизации последующих положений позволю себе более подробно остановиться на указанном нарративе.

Его основное содержание связано либо с упоминаниями народа Ῥῶς, либо с участием представителей данного народа в войнах Византии с арабами на стороне василевса. Одним из наиболее ранних свидетельств является информация, относящаяся к событиям 904 г. — разорению Фессалоник эскадрой арабского адмирала Льва Триполита[242]. Это событие подробно освещено в Хронике Симеона, Магистра и Логофета[243]. В одной из редакций семейства этой

хроники, известной как Хроника Псевдо-Симеона[244], сохранилась схолия, упоминающая народ Ῥῶς, именуемый οἱ Δρομῖται[245].

Анализируя это упоминание, ряд исследователей находит возможным говорить об отряде росов в составе византийской флотилии, посланной императором Львом VI против Триполита[246]. Косвенным подтверждением данного факта может являться упоминание народа Ῥῶς в «Тактике» Льва VI Мудрого (раздел XIX «Ναυμαχικά» — «О морских сражениях»)[247].

К концу первого десятилетия X в. участие росов в военных кампаниях империи становится очевидным. Трактат «О церемониях» Константина Багрянородного приводит роспись участников похода патрикия Имерия на Крит[248]. Среди участников похода называется отряд народа Ῥως численностью 700 человек[249]. Успешное участие росов в арабо-византийских конфликтах[250] привело в итоге к заключению полномасштабного русско-византийского договора 911 г. Невзирая на все спорные моменты с хронологией как Начального свода, так и ПВЛ, аутентичность договора, включенного в летопись, не вызывает сомнений у специалистов[251].

Договор, закрепивший исключительные преимущества русских купцов в Константинополе и гарантии их имущественной и личной безопасности, а также, помимо всего прочего, подтвердивший выплату империей значительной контрибуции, является документальным свидетельством возросшего влияния росов, обосновавшихся в Среднем Поднепровье. Что же они собой представляли в то время?

Начальное летописание весьма скупо описывает эпоху первой половины X в. Так как ранняя часть Начального свода в плане хронологии представляет попытку сводчиков конца XI — начала XII в. заполнить фактологический вакуум между несколькими опорными датами (каковыми являются даты русско-византийских договоров), то особую ценность для понимания событий, происходящих в первой половине X в. в Восточной Европе, по справедливому мнению А.В. Назаренко, приобретают зарубежные источники.

Наибольшей информативностью среди них касательно истории росов/русов отличается трактат «Об управлении

империей» Константина Багрянородного. Специалисты по текстологии указанного памятника уверенно относят первые 13 глав трактата непосредственно к творчеству Константина Багрянородного[252]. Глава же 37-я относится ко времени завершающего этапа правления Льва VI; во всяком случае, анализ содержащейся в этой главе информации о славянах и печенегах позволяет датировать главу в пределах 910—920-х гг.[253] Е.А. Мельникова предлагает более позднюю датировку указанной главы (в любое время после 920-х гг.)[254], опираясь на даты переселения уличей и «летописное время», отводимое составителем Начального свода Игорю. Против такой датировки возражает А.С. Щавелев[255], на мой взгляд вполне обоснованно. Проблема летописных уличей, которая выступает своеобразным хронологическим репером, нуждается, на мой взгляд, в отдельном комментарии.

Указанная информация содержится только в тексте Начального свода, отсутствуя в ПВЛ: «Игорь же сѣдяше в Киевѣ княжа, и воюя на Древяны и на Угличѣ. И бѣ у него воевода, именемь Свѣнделдъ; и примучи Углѣчѣ, възложи на ня дань, и вдасть Свѣньделду. И не вдадяшется единъ град, именемъ Пересѣченъ; и сѣде около его три лѣта, и едва взя. И бѣша сѣдяще Углицѣ по Днѣпру вънизъ, и посемъ приидоша межи Бъгъ и Днѣстръ, и сѣдоша тамо»[256].

Происхождение данного сюжета в раннем летописании, на мой взгляд, требует отдельного исследования; однако выявить его историческую подоплеку вполне реально. Для начала следует обратиться к отражению деятельности Олега и Игоря в текстах более ранних традиций, чем ПВЛ и, возможно, Начальный свод.

Начальный свод (НІЛмл)	**ПВЛ (Лавр.)**
И сѣде Игорь, княжа, в Кыевѣ; и бѣша у него Варязи мужи Словенѣ, и оттолѣ прочии прозвашася Русью.	В лѣт 6390 (882) И сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ и <...> бѣша оу него Варязи и Словѣни и прочи прозвашася Русью...
В лѣто 6448 [940]. В се лѣто яшася Уличи по дань Игорю, и Пересѣченъ взят бысть. В се же лѣто дасть дань на них Свѣнделду.	Въ лѣт 6391 (883) Поча Олегъ воєвати Деревляны и примучи вои имаша на них дань по черн кунѣ.

И бѣ обладая Олегъ Поляны и Деревляны [и] Сѣверены и Радимичи а с Уличи и Тѣверци имяше рать.
В лѣт 6421 (913) поча княжити Игорь по Олзѣ <...>и Деревляне затворишася от Игоря по Олговѣ смерти.
В лѣт 6422 (914) иде Игорь на Деревляны и побѣдивъ а и возложи на нь дань болши Олговы.

Устюжский летописец

В лето 6391. Иде Олег на древляны, и на северы, и на козары, и наложи на них дань по черной кунице с человека на гот[257].
В лето 6420. Седяшу Игорь в Киеве. Княжа и воюя на древляны и на улицы. <...>И бе у Игоря князя воевода во Олга место именем Свиндел. И не вдаше Игорю единому именем Пересечен. И седе Игорь около его три лета, но едва взят его. И бе седяще улицы по Непру внис. И по сем поиде по Непру и седе тамо.

В лето 6448. Яшась уклицы под дань Игорю. В сем же лете взять бысть Пресечен град, и дань их даст Свинделу ж[258].

Архангелогородский летописец

В лета 6391. Иде Олг на древляны, и на северы, и на козары, и наложи на них дань по чорной кунице с человека на год[259].
В лето 6420. Седяше же Игорь в Кииве, княжа и воюя на древляны и на улицы <...> И бе у Игоря князя воивода, во Олга место имянем Свиндел. И не вдаяшеся Игорю единому град имянем Пересечен, и седе Игорь около сего 3 лета, но едва взят его. И беша седяще улицы по Днепру вниз, и посем поиде по Днепру и седе тамо.
В лето 6448. Яшася улицы по дань Игорю. В сем лете взят бысть Пересечен град, и дань их даст Свинделу же[260].

Наблюдение за вышеприведенными текстами позволяет сделать следующие выводы. Первоначальное освоение Олеговой русью Среднего Поднепровья знаменовало собой подчинение древлян (упоминаются также северяне и радимичи). В дальнейшем по смерти Олега Игорю снова приходится подчинять своей воле древлян. Ко времени же Игоря Начальный свод относит покорение уличей Свенельдом и взятие ими Пересечена.

Разброс дат в летописях, датирующих указанные события, заставляет обратиться к ранним сведениям трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей».

В 37-й главе, о датировке которой уже говорилось выше, указывается: «τὸ δὲ θέμα τοῦ Χαραβόη πλησιάζει τῇ Ῥωσίᾳ, τὸ δὲ θέμα Ἰαβδιερτίμ πλησιάζει τοῖς ὑποφόροις χωρίοις χώρας τῆς Ῥωσίας, τοίς τε Οὐλτίνος, καί Δερβλενίνοις, καί Λενζενίνοις, καί τοῖς λοιποῖς Σκλάβοις» («фема Харавои соседит с Росией, а фема Иавдиертим соседит с подплатежными стране Росии местностями, с ультинами, древленинами, лензанинами и прочими славянами»)[261]. Это известие очень ценно сразу по нескольким причинам.

Во-первых, Ῥωσία впервые используется как хороним, χώρας τῆς Ῥωσίας имеет свои границы, которые указываются в трактате. Во-вторых, текст трактата точно указывает те славянские племена, которые являются «подплатежными» (ὑποφόροις χωρίοις) Росии — это Οὐλτίνος (ультины), Δερβλενίνοις (древленинаны) и Λενζενίνοις (лензанинаны). Современные исследователи определяют их как уличей, древлян и полян[262]. И в-третьих, локализация Росии и зависимых от нее территорий позволяет очертить первичные контуры того предгосударственного образования, которое возникает в Среднем Поднепровье.

Если с локализацией полян и древлян вопросов не возникает, то локализация летописных уличей — вопрос, открытый по сей день. Кроме собственно историко-географического аспекта темы, немаловажным остается и другое: почему именно покорению уличей в Начальном своде уделено столько внимания?

Существующая в отечественной исторической науке традиция, следуя за сообщением ПВЛ, размещает уличей в междуречье Днестра и Буга. Основой для данных построений послужило космографическое введение ПВЛ, где указано, что «Оулучи Тиверьци сѣдяху бо по Днѣстру присѣдяху къ Дунаєви бѣ множьство ихъ сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря [и] суть гради их и до сего дне да то ся зваху от Грекъ Великая Скуфь»[263].

Опираясь на эти сведения, И.И. Надеждин посчитал необходимым разместить уличей в Нижнем Поднестровье[264]. Данная точка зрения была поддержана Н.П. Барсовым[265]. С.М. Середонин же полагал объединить уличей и тиверцев в одно племя, которое занимало территорию вдоль Днестра[266].

С этими доводами решительно не согласился А.А. Шахматов; исходя из ранних летописных сведений, он считал, что первоначальная история уличей связана с Днепром, где они названы соседями древлян и полян. По мнению А.А. Шахматова, ранний ареал обитания уличей находился в низовьях Днепра[267].

Б.А. Рыбаков, сведя воедино всю информацию об уличах и развивая высказанную А.А. Шахматовым мысль, локализовал их ареал первоначального обитания ниже Киева по течению Днепра[268]. На основании поздних (относящихся к XII в.) сведений Ипат.[269], а также списка Воскресенской летописи под названием «А се имена градомъ всѣмъ Русскимъ, далнимъ и ближнимъ»[270] Б.А. Рыбаков уверенно помещает Пересечен на Стугне рядом с Василевом[271].

Отождествить Пересечен с каким-либо конкретным археологическим памятником Б.А. Рыбакову не удалось. Однако попытки археологической локализации Пересечена в Среднем или Нижнем Поднепровье предпринимались неоднократно. Так, П.П. Толочко, М.П. Кучера, Л.Е. Махновец и И.И. Мовчан отождествили Пересечен с Китаевским городищем, расположенным в 12 км южнее Старокиевской горы[272]. Однако исследования Китаевского комплекса, осуществленные в 1970—1990-х гг., не дают для таких предположений весомых оснований[273].

Выявленные на этом комплексе памятники относятся к разным эпохам: так, селище, расположенное вблизи городища, возникает только в XI в.; в рамки конца X—XII в. укладывается основное число погребений Китаевского могильника. И только ранние слои городища относятся к IX—X вв. Эти слои бедны, содержат минимальное количество находок; кроме того, следов плотной застройки и иных признаков обитания многочисленного населения на городище не выявлено[274]. По своим характеристикам Китаевское городище близко к типу городищ-убежищ, встречающихся на территории Руси в VIII—X вв.[275]

Малые размеры, отсутствие следов постоянного проживания значительного числа людей, а самое главное — отсутствие последствий осады и разорения (вряд ли долговременная осада Свенельда не отразилась бы в стратиграфической

истории городища) — все эти обстоятельства, на мой взгляд, достаточно убедительно позволяют отвергнуть отождествление уличского Пересечена с городищем близ Китаево.

Кроме того, расположение Китаевского городища не свидетельствует в пользу его значимости, во всяком случае в X в. Значение крепости, защищавшей подступы к Киеву от нашествия кочевников, Китаевская крепость приобретает в самом конце X в. Упорная осада Пересечена войсками Игоря и Свенельда говорит о том, что этот племенной центр уличей играл весьма значительную роль в Среднем Поднепровье. А.С. Щавелев выдвигает интересную гипотезу, отождествляя Пересечен X в. с городищем Монастырек на Днепре, расположенным близ летописного Заруба[276].

Насколько такое отождествление правомерно? Городище Монастырек представляет собой комплекс памятников, состоящих из двух городищ и селища; само оно относится к типу сложномысовых. Исследования 1970—1980-х гг. выявили наличие укреплений в виде рва и остатков вала. Сами укрепления и жилища погибли во время пожара. Примерное время данного события можно датировать по ряду находок, в частности, восточных дирхемов (наиболее ранние датированы 761—762 гг., поздние — 914 г.)[277].

Таким образом, гибель городища вполне укладывается в промежуток между 910 и 920 гг. Авторы раскопок полагают, что что разрушение городища Монастырек связано с вторжением в Поднепровье печенегов[278]. Первое вторжение печенегов в пределы Руси отмечено как раз под 6423 (915) г.[279] Однако участие печенегов в походах руси на Византию в качестве союзников позволяет поставить под сомнение это утверждение. О союзе пачинакитов с росами говорит и 37-я глава трактата «Об управлении империей». Поэтому мне предсталяется, что разрушение городища Монастырек — как раз результат акции руси, обосновавшейся в Киеве. А.С. Щавелев обоснованно полагает, что Пересечен блокировал путь вниз по Днепру, являясь помехой для руси Олега и Игоря в деле установления контроля за днепровской магистралью[280]. Справедливость этого предпо-

ложения подтверждается еще и тем, что расположенный вблизи Монастырека летописный Заруб, возникший в XI в., контролировал не только путь по Днепру, но и брод через реку, находившийся рядом[281].

В связи с данной гипотезой локализации Пересечена становится понятно то упорство, которое киевские князья проявили в деле покорения уличей. Овладение Пересеченом открыло приднепровской Руси дорогу до Черного моря и способствовало оживлению контактов с Византией. Поэтому неудивительно, что активизация русско-византийских отношений в начале X в., завершившаяся заключением договора 911 г., совпадает по времени с подчинением уличей и установлением контроля Руси за Днепром.

Есть еще один факт, на который хотелось бы обратить внимание. В 9-й главе трактата «Об управлении империей» указывается, что конечной точкой сбора флотилии росов перед отправкой в Константинополь являлась τὸ πακτι-ωτικὸν κάστρον — «пактиотическая» (то есть зависимая или союзная) крепость под названием Βιτεβζέβη. Эту крепость современные исследователи отождествляют с Витичевом[282]. Остатки древнего городища Витичев расположены сравнительно недалеко от городища Монастырек. Из этого следует два предположения. Первое состоит в том, что после покорения уличей киевские князья основывают крепость для обеспечения контроля за покоренным районом. Второе предположение исходит из того, что «пактиотический» Витичев — один из местных племенных центров, расположенных на Днепре и признавший власть киевских русов. В силу слабой доказательной базы на сегодняшний день оба этих предположения могут считаться равновероятными[283].

Таким образом, подчинение древлян, полян и уличей, отразившееся в нарративе, позволяет примерно очертить границы первичной политии, зародившейся в Среднем Поднепровье, которую 37-я глава «Об управлении империей» именует χώρας τῆς Ῥωσίας (страна Росия). Речь идет о прилегающих к Киеву территориях с юга (предположительно от Витической крепости) к северу до Днепро-Деснинского междуречья. В этом ареале присутствие Руси определяется

четким археологическим маркером — особыми поселениями и погребальными комплексами при них. В современной исторической литературе они определяются по-разному — «открытые торгово-ремесленные поселения»[284], «погосты»[285], «дружинные лагеря»[286] и даже «многофункциональные военизированные поселения»[287]. Более приемлемой мне представляется характеристика, данная этому типу поселений А.Н. Бондарем, который определяет их как «укрепленные центры начального этапа становления Древнерусского государства»[288]. К подобным поселениям на днепровском Правобережье относятся в первую очередь киевское городище на Замковой горе[289] и Китаевский комплекс под Киевом[290]; левобережная территория представлена памятниками Табаевки[291], Шестовицы[292], Клонова[293], Седнева[294], Пересажа[295] и Гущина[296].

Впервые на возможность использования дружинных погребений в качестве маркера, очерчивающего границы Русской земли, обратил внимание В.Я. Петрухин. К погребениям такого типа исследователь относит камерные гробницы, представляющие собой «дружинные погребения Руси, еще сохранявшей скандинавские традиции»[297]. В то же время было сформулировано определение дружинной погребальной культуры, сегодня признанное большинством исследователей[298]. Сама эта культура носила полиэтничный, эклектический характер, являясь отражением неоднородного этнического состава руси[299].

Сама русь к указанному времени все более утрачивала исходный скандинавский облик, превращаясь в определенную социальную общность-дружину, господствовавшую над местными славянскими объединениями. Эта эволюция и определила дальнейшую судьбу Русской земли. По точному замечанию А.С. Щавелева, русы вполне могли бы стать одной из периферийных народностей Восточной Европы, воспроизведя в других исторических условиях судьбу ранних исландцев[300]. Однако сложившиеся условия направили эволюцию руси в иное русло: она не стала отдельной разновидностью «континентальных скандинавов», а начала превращаться в высший социальный слой, элиту формирующейся политии.

§ 2. «Мы от рода русского...»: складывание потестарных структур в Поднепровье

Каким же образом можно определить характер этой политии, сформировавшейся на землях Среднего Поднепровья? Определенные зачатки властных отношений в восточнославянской среде существовали и до появления скандинавов в Восточной Европе. Развитие производящего хозяйства в среде славян создало определенные условия для первичной политической консолидации. Речь идет о том, что на VIII—XI вв. выпал период так называемого малого, или средневекового, климатического оптимума[301]. Это позволяло даже при достаточно примитивной аграрной технике подсечного земледелия получить повышение урожайности зерновых культур, что, в свою очередь, не могло не сказаться на общем уровне благосостояния и развития восточнославянских социумов. Родоплеменные общинные образования начинают под влиянием факторов внутреннего развития, связанных с повышением прибавочного продукта, трансформироваться в первичные потестарные структуры[302].

Источники наглядно подтверждают данный тезис: к моменту своего появления на исторической арене славяне находились на стадии поздней первобытности. Как отмечает Иордан, характеризуя славян VI в., «hi paludes silvasque pro civitatibus habent» («вместо городов у них болота и леса»)[303]. Это подтверждает и Прокопий Кесарийский, говоря о том, что славяне «...живут... в жалких хижинах, располагаясь далеко друг от друга и каждый меняя насколько можно часто место поселения... Да и имя встарь у склавинов и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали „спорами“, как раз из-за того, думаю, что они населяют страну, разбросанно расположив свои жилища. Именно поэтому они и занимают неимоверно обширную землю»[304]. Это прямо указывает на отсутствие в данное время укрепленных славянских городищ[305]. Примечательно, что археологические культуры этого периода, отождествляемые со славянами, характеризуются наличием небольших поселений, население которых не превышало в среднем 60 человек[306].

Подобные поселения образовывали собой компактные группы, в археологической литературе именуемые «гнездами поселений»[307]. Сама структура этих поселений соответствовала стадии позднеродовой общины — жилища группировались вокруг хозяйственных построек, образуя крупные дворохозяйства. Границы этих хозяйств можно проследить по остаткам заборов[308]. Предполагается, что именно в рамках подобных структурных образований, археологически определяемых как «гнезда поселений», начинают консолидироваться первичные племена. Первые признаки движения в направлении складывания управленческой иерархии, зачатков политической администрации приходятся на VII в. Именно в это время в ареале восточнославянских племен зарождаются первые образования протогородского типа.

Считается на сегодняшний день общепризнанным, что возникновение протогородских поселений в среде локальных сельских общин — первый шаг на пути к государству. Протогородские (или раннегородские) образования являлись в первую очередь центрами сосредоточения, реализации и перераспределения прибавочного продукта, то есть выполняли политико-административные функции[309]. Именно способность не только производить прибавочный продукт, но и накапливать, а также перераспределять его стала тем самым маркером, который зафиксировал момент превращения племенных структур в вождестские[310]. Следовательно, урбанизация может рассматриваться как один из достоверных критериев процесса политогенеза. Более того, на мой взгляд, и политогенез, и урбанизация являются разными гранями одного и того же явления[311].

Первые признаки формирования административно-иерархических структур, сопоставимых с первичными вождествами, отмечены в славянских землях в VII в. К числу этих признаков в первую очередь можно отнести появление укрепленных городищ, наиболее изученными из которых являются Зимно на Волыни, Колочинское и Будище на Днепре[312]. Следующим этапом славянского политогенеза становится VIII — первая половина IX в., когда формируются более сложные социальные организмы, представляю-

щие собой объединения первичных «племенных» структур. С точки зрения иерархической концепции Г. Джонсона, такие восточнославянские объединения являлись двухуровневой системой иерархических связей: несколько «гнезд поселений» вокруг надобщинного центра второго уровня.

Говоря об археологических критериях сложных или комплексных вождеств, надо указать, что таковыми являются компактные скопления памятников тех или иных археологических культур, расположенных в бассейнах рек или водоразделах рек[313]. Эти «гнезда поселений» стали объектом специального научного интереса еще в 1950-х гг. Изучавшая их тогда Г.Ф. Соловьева предположила, что каждая из таких групп или «гнезд поселений» является первичным славянским племенем, совокупность их представляет уже племенной союз[314]. Идея, высказанная Г.Ф. Соловьевой, быстро завоевала популярность в отечественной науке. Отождествление «гнезд поселений» и славянских племенных союзов в своих работах проводили И.И. Ляпушкин, Б.А. Рыбаков, В.В. Мавродин, И.Я. Фроянов[315].

В 1970—1980-х гг. «гнезда поселений» стали предметом внимательного изучения историка и археолога Б.А. Тимощука. В своих работах ученый создал методику анализа и изучения «гнезд поселений». На восточнославянском материале Б.А. Тимощуком практически впервые было проведено систематическое и сплошное обследование памятников целого региона. Таким регионом стали Пруто-Днестровское междуречье и Буковинское Прикарпатье.

На обследованной территории изучению подверглись 34 «гнезда поселений» второй половины 1-го тысячелетия н. э. Полученные в ходе обследований материалы позволяют проследить этапы формирования «гнезд поселений», их структуру и топографию. Для всех без исключения «гнезд поселений» характерна группировка селищ вокруг определенного центра. По наблюдениям Б.А. Тимощука, таким центром могло являться «самое крупное в гнезде поселение с развитым ремеслом, городище-убежище, городище — административный центр, городище-святилище». При этом исследователь отмечал интересный факт своеобразного дуализма — наличия у некоторых «гнезд поселений» двух

центров, разнесенных территориально и выполнявших разные функции[316].

Наиболее детально структура «гнезд поселений» изучена на материалах Черновского гнезда-общины, расположенного в водоразделе и вытянутого с севера на юг на 14 км и занимавшего в ширину 4—6 км. Общую площадь «гнезда поселения» Б.А. Тимощук оценивал в 70 км^2, причем эта площадь приблизительно равна площадям других «гнезд поселений» Пруто-Днестровского бассейна[317]. Своеобразная «эталонность» Черновского «гнезда поселений» объяснима еще и тем, что на нем отчетливо прослежены три стадии эволюции общины — от большесемейно-кровнородственной к соседско-территориальной.

Описанные выше наблюдения над массовым археологическим материалом дают возможность «овеществить», опредметить рассуждения о процессах политогенеза. Исследования Б.А. Тимощука наглядно показали, как выглядит на материалах украинского Прикарпатья процесс консолидации общин из позднепервобытных образований в потестарно-политические.

В самом деле, возникновение общинных центров в «гнездах поселений» говорит не только о зарождении элементов публичной власти, но также и о появлении иерархии в среде общинных поселений. Иерархическая же структура — первый и основной признак складывания вождества.

Объединение «гнезд поселений» вокруг так называемых «межплеменных центров» — это уже следующая стадия интеграции; превращение простых вождеств в сложные (или комплексные)[318]. Следующие стадии развития характеризуют трансформацию сложного вождества в раннее государство.

Мне представляется весьма знаменательным, что в те же самые годы, когда Г. Джонсон и Г. Райт разрабатывали на древневосточном материале методику выделения археологических критериев возникновения вождеств, схожая работа и схожие выводы были сделаны Б.А. Тимощуком при исследовании восточнославянского региона[319]. Это дает возможность, взяв за основу используемые ими методы, взглянуть на развитие Среднего Поднепровья в IX—X вв.

На пространстве от Горыни до Днепра (территория современной Житомирской области Украины) археологи выделяют городища и селища близ сел Пилиповичи и Дружба, Гульск и Несолонь Новгород-Волынского района[320]; в селе Бараши Емельчинского района[321]; в Олевске и Городце Овручского района[322]; на Городище Малинского района[323]; в Яроповичах Андрушевского района и Мирополе Дзержинского района[324]. Эти «гнезда поселений» принято отождествлять с первичными объединениями летописных древлян. На территории полян (современная Киевская область Украины) выделяются компактные группы близ Киевских гор, у сел Китаево и Вышгород[325], а также в Белгородке[326] и Василеве[327]. Указанные «гнезда поселений», по моему мнению, вполне возможно идентифицировать как иерархии второго уровня. А вот «дружинные лагеря», о которых говорилось выше, являлись по отношению к «гнездам поселений» структурами третьей степени сложности. Их возникновение было связано с дальнейшим развитием института полюдья.

§ 3. К вопросу о полюдье в середине X в.

Полюдье — это тот институт восточнославянского (позднее — древнерусского) общества, которому «повезло» в историографии. На основании 9-й главы трактата «Об управлении империей» в науке утвердилось мнение о том, что полюдье представляло собой «взимание князьями разных поборов в процессе объезда подчиненных территорий»[328].

Начиная с Б.А. Рыбакова ряд исследователей склонен был считать полюдье зародышем фискальной системы Древнерусского государства[329] и одновременно ключом к пониманию становления политической системы Руси[330]. Не вдаваясь в пересказ дискуссии и существующих точек зрения, мне хотелось бы отметить, что наиболее оптимальным вариантом является рассмотрение полюдья в рамках потестарных практик Восточной и Северной Европы. Речь идет о таких институтах, как польский stan или скандинавская

veizla. Но при этом восточнославянское полюдье имело свою специфику.

Связана эта специфика, на мой взгляд, с характером проникновения скандинавов в Среднее Поднепровье. Диапазон оценок этого проникновения достаточно велик. Так, П.П. Толочко считает, что факт появления Олега и его дружины в Киеве можно рассматривать как поступление пришлых наемников на службу киевской знати[331]. Прямо противоположная оценка исходит из факта завоевания Поднепровья скандинавами на рубеже IX—X вв.[332] Компромиссной можно считать оценку, данную Г.С. Лебедевым. Он полагал, что «...союз вождя дружины викингов с князьком чужого племени, когда военно-тактическое превосходство норманнов оказывается решающим в межплеменной распре, — модель отношений, реализованная не только в Фенноскандии, но и в Прибалтике, и на Северо-Западной Руси»[333].

Мнение, высказанное Г.С. Лебедевым, отразило формирование в 1980—1990-х гг. представления о том, что имело место объединение Киева и Новгорода как двух центров формирующейся восточнославянской государственности. В результате этого объединения, по мнению целого ряда исследователей, и возникает Древнерусское государство. Наиболее определенно данная точка зрения была сформулирована еще Б.Д. Грековым: «Под Древнерусским государством мы понимаем то большое раннефеодальное государство, которое возникло в результате объединения Новгородской Руси с Киевской Русью»[334].

Схожие положения высказывали и другие историки — В.В. Мавродин[335], А.В. Куза[336], П.П. Толочко[337], Н.Ф. Котляр[338], В.Л. Янин[339] и др. В оценке этих высказываний оправдан скепсис И.Я. Фроянова, указывающего на то, что летописные данные о границах власти Олега[340] совершенно не соответствуют всем вышеназванным ученым построениям[341]. Более того, из тех же самых летописных данных с очевидностью следует, что вплоть до середины X в. Новгород не входил в орбиту влияния киевских князей. Единственное известие о княжении Святослава в Новгороде, сообщаемое Константином Багрянородным, относится к

концу 940-х или началу 950-х гг. Поэтому в дискуссии о том, какой регион — Север или Юг — стал центром формирования восточнославянской государственности, на мой взгляд, чаша весов склоняется в пользу Юга, то есть Среднего Поднепровья. Именно здесь прибывшие с севера росы/русы подчинили своей власти окрестные славянские племена.

Подчинение росами славян принимало, как правило, либо форму прямого военного грабежа, либо даннической эксплуатации. Об этом прямо свидетельствуют известия арабских авторов. Ибн-Русте, описывая ситуацию начала X в., говорит, что «они (то есть русы. — *Д. К.*) нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются и забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают»[342].

Здесь напрямую указывается работорговля как основной источник дохода русов/росов. В исторической литературе традиционно считается, что главной экспортной статьей торговли русов являлись пушнина, рабы, мед и воск. При этом пушнина выдвигалась на первый план; ряд исследователей полагает, что именно поиск источников ценного меха привел скандинавов в Восточную Европу[343]. Однако, как справедливо отмечает Е.А. Мельникова[344], эти экспортные статьи были достаточно диверсифицированы: меха высоко ценились в арабском мире[345], являясь престижной ценностью; в то же время Византия отдавала предпочтение не мехам, а «живому товару»[346].

Такая установка, вероятно, связана с возросшей ролью работорговли в европейской экономике, отмечаемой современными исследователями[347]. Это стимулировало активный товарообмен Византии с росами, которые поставляли на греческие рынки рабов в большом количестве[348]. Показательно, что все ранние русско-византийские договоры упоминают росов и их невольников При этом об остальной номенклатуре товаров тексты договоров упоминают крайне редко.

Таким образом, вплоть до середины X в. система эксплуатации русами окрестных славян балансировала между неконтролируемым грабежом и неустоявшейся традицией

сбора дани. Хрестоматийная история с древлянской данью Игоря и последующими действиями Ольги в отношении древлян демонстрирует эволюцию даннических отношений в сторону их упорядочения. По свидетельству ПВЛ, «иде Вольга по Дерьвьстѣи земли съ снмъ своимъ и съ дружиною оуставляющи оуставы и оуроки [и] суть становища єѣ и ловища и приде въ градъ свои Кыєвъ»[349]. Из текста прямо следует, что размеры даней подвергаются определенной регламентации.

На основании этих сообщений в отечественной историографии сформировалась точка зрения, согласно которой действия Ольги определялись как серьезная реформа, стоящая чуть ли не у истоков Древнерусского государства. Подобной точке зрения советская историческая наука обязана Б.Д. Грекову и В.В. Мавродину, которые усматривали в поездке Ольги в Древлянскую и Новгородскую земли организационные меры, направленные на создание княжеского домена и административно-хозяйственного аппарата управления им[350].

Из этой же посылки исходили и историки, стремившиеся увидеть в «уставах и уроках» Ольги действия, нацеленные не просто на нормирование взимаемых повинностей, но и на создание неких письменных княжеских постановлений[351]. Данная позиция пережила кончину советской исторической науки и воскресла уже в работах науки российской. Согласно точке зрения, высказанной В.Я. Петрухиным, «древлянское восстание и смерть Игоря оказываются стимулом для установления государственных правовых норм от Среднего Поднепровья до Новгорода»[352]. Особый упор на «реформаторской» деятельности Ольги делает А.Н. Сахаров, называя ее деятельность в древлянской земле «административно-налоговой реформой»: «При Ольге архаичная система полюдья, повсеместно распространенная прежде, была отменена и заменена систематической уплатой дани, которая собиралась в административных центрах (погостах) специальными чиновниками правительства (тиунами)»[353]. Сходной точки зрения придерживается и Н.Ф. Котляр[354].

Указанные подходы были решительно оспорены И.Я. Фрояновым. Петербургский историк указал на очевидную на-

тянутость существующих построений, обусловленную приверженностью вышеупомянутых исследователей концепции раннего возникновения феодализма[355]. По мнению И.Я. Фроянова, «законодательство» Ольги, «...выводимое нашими историками из летописных известий о ее “уставах” и “уроках”, относится к кабинетным изобретениям, а не к реальной исторической действительности»[356]. Ученый склонен считать, что «...нормирование древлянской дани, произведенное Ольгой, осуществлялось не в рамках ее пресловутой реформы, а в соответствии с традицией, сложившейся в процессе длительного развития даннических отношений в восточнославянском мире»[357].

Следует отметить, что вопрос о нововведении или восстановлении традиции Ольгой продолжает оставаться открытым. Во всяком случае, прямых свидетельств о существовании во времена Игоря каких-либо норм взимания дани, которые мог бы нарушить киевский князь, текст летописи не приводит: «[и] послуша ихъ Игорь иде в Дерева в дань и примышляше къ первои да[н]и». Речь идет о том, что Игорь собрал вторую дань после Свенельда, и этот сбор мало чем отличался от обычного грабежа — «[и] насиляше имъ и мужи єго возьємавъ дань поиде въ градъ свои»[358]. Перед нами, следовательно, не нарушение сложившихся традиций, а как раз наоборот — иллюстрация обычной практики взаимоотношений скандинавских дружин с покоренным местным населением[359]. Вряд ли здесь может идти речь об «архаичном государственном праве»[360] и его реформировании.

Поэтому к утверждениям о том, что Ольга своими действиями восстанавливала разрушенную Игорем систему даннических отношений, следует относиться осторожно, поскольку фактов, достоверно подтверждающих существование, к примеру, полюдья ранее 940-х гг., нет. Поясню этот тезис подробнее. Согласно выводам современных исследователей трактата «De Administrando Imperio», сам текст произведения был создан в промежутке между 948 и 952 гг.[361] К этому основному массиву текста относится и 9-я глава. Следовательно, «кружение» росов, определяемое информаторами Константина при помощи славянского

слова «полюдье», характеризуется как явление, существовавшее во второй половине 940-х — начале 950-х гг., то есть уже после древлянского похода Ольги. Если обратиться к главе 37-й, которая, как уже было отмечено выше, создана в промежутке между 910-ми и 920-ми гг., то никакого упоминания о полюдье в ней не встречается. Речь идет о росах и славянах, пактиотах росов; о зимних объездах росами и их архонтами славянских земель нет ни слова.

На мой взгляд, такое умолчание показательно. Оно говорит о том, что в начале X в. росы не прибегали к полюдью как к организационной форме сбора дани; эта форма возникает как результат введения княгиней Ольгой уставов и уроков. Ее мероприятия в Древлянской, а потом и в Новгородской земле, вопреки мнению ряда советских историков, не упразднили полюдье, заменив его системой налогообложения, но, напротив, сделали его основным инструментом взаимоотношений между росами и славянами.

Такое утверждение отнюдь не означает, что полюдье было создано в результате упорядочения взимания дани в середине 940-х гг. Современные исследования позволяют считать, что полюдье представляет собой достаточно архаичный институт, восходящий к позднепервобытной традиции дарообмена и является одним из способов становления потестарных отношений в обществах, стоящих на пороге государственности[362]. На этом этапе существования как позднепервобытных обществ, так и обществ ранней государственности коммуникативная функция полюдья, основанная на ритуальном подношении даров правителю, хорошо прослежена у ранних франков, норвежцев и западных славян[363].

Аналогичный характер полюдье носило и у восточных славян, это отмечают даже те исследователи, которые были склонны усматривать раннее зарождение феодальных отношений в восточнославянском социуме[364]. При этом ряд историков не делает разницы между данью и полюдьем, рассматривая их как одно целое[365]. Другие, напротив, разграничивают эти понятия, понимая их как совершенно разные формы социальных отношений[366].

Полюдье как одна из архаических форм потестарных отношений характерна для многих догосударственных об-

ществ Восточной, Центральной и Северной Европы, что зафиксировано источниками. Не составляют исключения и земли восточных славян, во всяком случае, ряд ранних сообщений арабских авторов, в частности Ибн-Русте[367], рисует картину полюдья гораздо более раннего времени, чем Константин Багрянородный; при этом данная форма полюдья трактуется как наиболее архаичная[368].

Установление даннических отношений приднепровских славян по отношению к руси, обосновавшейся на киевских горах, первоначально не затрагивало полюдье. И только после событий 945 г. возникла необходимость в адаптации славяно-русских взаимоотношений к местным условиям. У правящей верхушки, иноплеменной по происхождению, не было большого выбора: либо продолжать противостояние (в том числе и вооруженное) с окрестным населением, что было чревато утратой власти, либо встать на путь тесной интеграции с традиционными славянскими институтами, используя их для укрепления системы даннических отношений.

Как показали последующие события, был выбран второй путь. Днепровская русь начала использовать славянское полюдье для упорядочения сбора дани, выстраивая таким образом новую экономическую систему. Эта система, на которой основывалась возникшая в начале X в. «Русская земля», складывалась, по мнению Е.А. Мельниковой, «...из двух компонентов: присвоения прибавочного продукта производящего хозяйства (в форме дани → фиксированной дани → податного обложения) и получения престижных ценностей непроизводящими способами, главными среди которых в период образования Древнерусского, как и других раннесредневековых европейских государств, были война и торговля»[369].

К процитированному мнению мне бы хотелось сделать от себя несколько замечаний. Во-первых, речь нужно вести не о различных компонентах, а о своеобразных уровнях той экономической системы, которая была создана со второй половины 940-х гг. в Среднем Поднепровье, а потом стала вовлекать в свою орбиту окрестные земли. Первый, или низовой, уровень включал в себя производящее хозяйство

славянских общностей, которые можно определять как сложные вождества. К числу таковых может быть отнесена и Древлянская земля, имевшая в середине X в. достаточно сложную структуру. В рамках этих общностей еще до появления руси существовали определенные механизмы сбора и перераспределения прибавочного продукта, а именно — система раннего полюдья, о котором говорилось выше.

Во-вторых, с приходом руси и установлением даннической зависимости на эту производящую славянскую экономику накладывается другая система, которую исследователи экономической антропологии именуют военно-торговой экономикой[370]. При этом существовавшая система перераспределения прибавочного продукта восточных славян (полюдье) превращается в источник снабжения военно-торговой экономики. Суммируя сведения источников о Русской земле середины X в., можно нарисовать следующую картину.

На территории Среднего Поднепровья с конца IX — начала X в. выделяется несколько первичных объединений восточнославянских племен — «славиний». Это первый уровень межплеменной интеграции, позволяющий говорить о существовании вождестских структур. Указанные славинии в период 910—920-х гг. оказываются в подчинении у росов и их архонтов, взимающих со славян дань. После событий 945 г. росы от прямого сбора дани, который мало чем отличался от обычного грабежа (а иногда и являлся таковым), переходят к контролю подвластных земель при помощи системы полюдья, опиравшейся на разветвленную сеть погостов и становищ.

Основная задача системы полюдья состояла в изъятии и накоплении прибавочного продукта в виде даней и поборов. Накопленные ценности реализовывались росами на международных рынках, как правило константинопольских или багдадских. Вырученные от этой реализации доходы распределялись между членами корпорации росов-руси.

Следовательно, Русская земля в Среднем Поднепровье вплоть до конца X в. может рассматриваться как потестарная структура с двухуровневой системой принятия решений — то, что в литературе называют сложным вожде-

ством. Русская земля как вождество представляла собой редистрибутивную систему, построенную на ксенократической основе — господстве росов-руси над славянами-пактиотами. Следы этой двухуровневой структуры прослеживаются в сообщении Константина Багрянородного о «внутренней» и «внешней» Росии. Это упоминание породило обширную историографическую традицию. Авторы комментариев к трактату «Об управлении империей» склонны соглашаться с высказанной в свое время А. Поппэ точкой зрения о том, что «внутренняя Росия» — это земли в Среднем Поднепровье, ближайшие к империи; соответственно, под «внешней Росией» понималась отдаленная от византийских пределов Новгородская земля[371]. Такой принцип выстраивания описания свидетельствует, по мнению историков, о следовании Константином античному принципу стратификации внутренней и внешней части описываемого региона[372].

Не так давно А.В. Назаренко, характеризуя термин ἡ ἔξω Ῥωσία, предположил, что оппозиционная пара «внешняя/внутренняя» (ἔξω/ἔσω), используемая Константином, обозначает не традицию античной хорографии, а местную действительность, отделяя «внутренних» росов, постоянно проживающих в Киеве, от «внешних росов», сидевших по перечисленным в трактате «крепостям»-κάστρον[373].

Насколько справедливо такое предположение? Если попытаться локализовать указанные Константином крепости, то получается следующая картина:

Νεμογαρδάς	Новгород
Μιλινίσκα	Смоленск
Τελιούτζα	Любеч
Τζερνιγῶγα	Чернигов
Βουσεγραδέ	Вышгород
Κιοάβα	Киев

Картографирование этих названий дает следующий расклад: все указанные города, включая Киев-Самватас, контролируют речные магистрали, сходящиеся к Киеву. Соотнесение данных получившейся карты с картой славянских объединений конца IX в.[374] дает весьма интересный резуль-

тат. Границы «внешней» Росии, очерчиваемые вышеуказанными крепостями, в целом (хотя и не полностью) совпадают с так называемой «серой зоной» вдоль Днепра, на стыке границ славянских союзов.

Следовательно, Ῥωσία середины X в. представляет собой территориальную общность, консолидирующуюся вокруг транзитных торговых путей и имеющую двухуровневую структуру — собственно росы и славяне, их «пактиоты» (οἱ δὲ Σκλάβοι, οἱ πακτιῶται)[375]. Определять такую конструкцию, как государство, пусть даже раннее, на мой взгляд, неправомерно.

§4. На пути к «державе Владимира»: от вождества к раннему государству

С какого момента вождество начинает трансформироваться в раннее государство? Данный вопрос в специальной (политантропологической) литературе уже много лет является предметом активной дискуссии. Ряд исследователей в ходе данной дискуссии выразил сомнение в самой возможности фиксации момента превращения вождества в раннее государство.

На мой взгляд, поводов для пессимистических выводов в этом вопросе нет, это доказали многолетние исследования археолога Г. Джонсона, изучавшего становление раннего государства на Древнем Востоке (на примере Сузианы). В ходе своих разысканий Джонсон разработал методику определения уровня сложности социума, о которой говорилось в предыдущем параграфе.

Одно- или двухуровневая структура определяются исследователем как простое и сложное вождество. На первом уровне речь идет о группе сельских поселений с одним укрепленным центром; второй уровень представлен группой первичных укрепленных центров, консолидирующихся вокруг центра регионального. Третий же уровень, когда возникает общий для ряда регионов политический центр (столица), означает, по мнению Г. Джонсона, возникновение государства.

Таким образом, появление столицы является одним из определяющих маркеров государственности. Но этот маркер не единственный. К числу прочих относятся усложнение внутренней политической и территориальной структуры, а также определение государственных границ. Каков же будет результат, если эти критерии применить к анализу развития Русской земли на рубеже второй половины X и начала XI в.?

Остановлюсь на первом маркере — появлении столицы. Когда говорится о возникновении столичного центра, то речь идет не сколько о возникновении Киева, сколько о превращении существовавшей на Подоле и киевских горах группы поселений в единый комплекс. Вплоть до конца X в. киевские поселения существовали как автономные единицы. Современные исследования показывают, что поселение на Подоле, возникшее в самом начале X в., динамично развивалось. Об этом говорит содержание строительных горизонтов, выявленных в ходе исследований Подола[376]. Такое активное развитие вполне объяснимо, потому что главным объектом киевской инфраструктуры X в. была гавань в Почайне[377], где формировались торговые караваны для отправки в Византию.

Первоначальная резиденция киевских князей располагалась, вероятно, на Замковой горе[378], а не на Старокиевской, как это пытались представить в большинстве исследований 1970—1980-х гг. Исследования, проведенные вокруг Десятинной церкви в 2005—2010 гг., показали, что древнейшие укрепления, возведенные на рубеже IX—X вв., прекратили свое функционирование и были разобраны в первой половине X в.[379] Вместо них на большей части территории Старокиевского плато располагается курганный могильник[380]. Эта ситуация продолжает сохраняться до конца X в.

На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что вывод М.К. Каргера, к которому исследователь пришел в 1940 г.[381], выдержал проверку временем. Попытки ряда советских и украинских историков опровергнуть это утверждение[382] на сегодняшний день нельзя до конца признать убедительными. Так, П.П. Толочко, стремясь поста-

вить под сомнение сам факт консолидации нескольких поселений, предшествовавших Киеву, пишет: «О каком слиянии идет речь? О структурно-градостроительном? Но такого в силу топографических особенностей киевской территории не произошло и позднее. О политическом? Но к указанному времени Киев уже более 150 лет являлся столицей Киевской Руси, объединяя все восточнославянские земли в единой государственной системе»[383].

Приведенная аргументация, на мой взгляд, более чем сомнительная. Апелляция к тезису о Киеве как столице Киевской Руси еще с середины IX в. не может быть признана удачной. Само удревнение восточнославянской государственности является априорным посылом, не получившим сегодня подтверждения системой научных взглядов, и, следовательно, лежит в плоскости не научных, а публицистических аргументов[384].

Рассуждая о политическом центре в Среднем Поднепровье в X в., во всяком случае во второй половине столетия, следует принимать во внимание, что это понятие связывалось с местопребыванием князя (данное положение хорошо иллюстрируется сюжетом о попытке Святослава перенести свою резиденцию из Киева на Дунай[385]). Подобная практика была характерна для Восточнофранкского, а затем Германского королевства X—XII вв., когда управление страной принимало форму объезда монархом своих резиденций, разбросанных по территории королевства. Эта система управления в современной европейской медиевистике получила определение Reisekönigtum или Wanderkönigtum («разъезжающая королевская власть»)[386].

Добавлю, что в условиях «сецентричности» власти отпадала необходимость в политическом центре классического типа. Поэтому преобладающее значение Киева заключалось в другом: комплекс поселений на Подоле и окрестных горах располагался в ключевой точке днепровской магистрали, запирая собой весь верхнеднепровский бассейн. Это удачное положение Киева определило его значение как редистрибутивного центра — средоточия, где концентрировалась и перераспределялась собираемая росами славянская дань.

Редистрибутивные и военно-административные функции обусловили возвышение Киева над остальными территориями. Это обстоятельство сыграло решающую роль в том, что сыновья Святослава — вначале Ярополк, затем Владимир — выбирают Киев местом своего пребывания. За те тридцать лет, что прошли с 945 г., система эксплуатации русами славян обновилась и окрепла. Концентрация в Киеве основных доходов, получаемых как от славянско-земледельческой, так и от военно-дружинной экономики, дала в руки киевским правителям значительные средства. Их можно было вкладывать не только во внешнеторговую деятельность, но и в развитие собственно славяно-русского социума, его экономики и инфраструктуры.

Можно сказать, что с этого момента существующая в Среднем Поднепровье политийная структура начинает превращаться в мультиполитийную. Происходит переход от подчинения, основанного на взимании дани, к интеграции восточнославянских общностей в эту новую мультиполитийную структуру управления.

Немаловажную роль в деле консолидации Русской земли, превращения ее из вождества в раннее государство сыграло принятие Русью христианства. Крещение Руси, осуществленное по инициативе Владимира Святославича, на мой взгляд, следует рассматривать гораздо шире рамок религиозных и конфессиональных взаимодействий. По меткому выражению известного византиста Д. Оболенского, принятие христианства по восточному (византийскому) обряду означало включение Руси в состав «византийского содружества наций»[387]. Принимая крещение, Владимир не просто укреплял свою власть посредством новой религии, но и конструировал Русскую землю подобно Византии как христианскую державу со всеми ее атрибутами: церковной организацией, законодательством, налоговой системой и т. д.

Созданная в конце X — начале XI в. административно-территориальная структура древнерусской митрополии[388] стала одной из цементирующих основ Русской земли. Как будет показано далее, столичный статус Киева сформировался как статус центра религиозного, а не политического.

Как столица Киев эпохи Владимира Святославича вырос вокруг нового сакрального центра — возведенной посреди плато Старокиевской горы церкви Богородицы Десятинной.

Сама топография строительства была далеко не случайна: Десятинная церковь была преднамеренно построена над компактно расположенной группой знатных захоронений; при этом сами захоронения были сохранены в процессе строительства. По вполне обоснованному предположению К.А. Михайлова, «на месте строительства храма Богородицы Десятинной мог находиться родовой погребальный участок представителей киевского княжеского дома или членов рода Рюриковичей, умерших до официального принятия христианства в 988 г.»[389]. Все остальные постройки Старокиевской горы были возведены вокруг Десятинной церкви как планировочного центра[390]. По времени своего возведения они не выходят за нижние границы сооружения храма; новейшие исследования исторического ядра «города Владимира» показали, что о монументальной архитектуре довладимирова периода на сегодняшний день говорить не приходится[391].

Планировка сооружений и одновременность их возведения (во всяком случае, в пределах конца X — начала XI в.) позволяет согласиться с мнением, что «размещение в Верхнем городе комплекса монументальных сооружений было не расширением княжеского двора, а сознательным актом создания нового градостроительного центра»[392]. «Город Владимира», как новый градостроительный центр, с одной стороны, отчетливо противопоставляется Подолу[393], а с другой стороны — объединяет существующие поселения в одну коммуникативную структуру.

Строительная деятельность Владимира Святославича обозначила превращение Киева из редистрибутивного центра в центр религиозный и административно-политический, не только для ближайшей округи, но и для всей Русской земли.

Появление столицы как административного и политического центра означало и изменение в территориальной структуре Русской земли. В первую очередь это касается процессов консолидации власти на подконтрольных столи-

це территориях. В эпоху Владимира особенно отчетливо наблюдается процесс, получивший в науке несколько определений. Речь идет о так называемом «окняжении территории» — термине, рожденном советской исторической наукой, и «переносе городов» — характеристике, возникшей в начале 1980-х гг.[394] Указанные понятия под разными углами зрения описывают одно и то же явление — появление в землях, находящихся в сфере влияния Киева, новых крепостей-поселений, являющихся опорой киевской власти на местах.

Наглядным примером является история летописных древлян и Погорины — основной территории днепровского Правобережья, входившей в состав Русской земли. Анализ результатов многолетних исследований данных районов позволяет прийти к следующим выводам. Во-первых, структура расселения IX—X вв. представляет собой систему «гнезд поселений», расположенных в бассейнах Случи, Гуйвы, Горыни и Тетерева. Сплошное картографирование памятников, осуществленное Б.А. Звиздецким и Б.А. Прищепой, позволяет локализовать от пяти до семи таких «гнезд», отождествляемых с первичными потестарными структурами древлян и волынян[395]. Во-вторых, на рубеже X—XI вв. возникают городища, которые являются уже не «племенными» центрами, а опорными пунктами киевской власти. Показательно, что большая часть «племенных градов» в то же самое время приходит в упадок либо прекращает свое существование[396]. Рядом с этими городищами возникают новые центры, которые уже представляют собой не поселения, предназначенные для функционирования системы полюдья (определяемые в науке как «дружинные лагеря» или «укрепленные центры начального этапа становления Древнерусского государства»[397]), административно-политические центры раннего государства.

Показательно, что «дружинные лагеря» на протяжении своего существования претерпевают определенные изменения. Если в первой половине X в. для этого типа поселений были характерны легкие укрепления, то во второй половине столетия ситуация меняется. На смену легким укреплениям приходят совершенно иные конструкции. Если для

раннеславянских городищ VIII—X вв. и дружинных лагерей раннего времени был характерен насыпной вал и сооружение на его краю укрепления в виде частокола[398], то сооружения дружинных лагерей отличались более сложной конструкцией. Они представляли собой, как правило, незамкнутые трехстенные срубы (иногда встречались полноценные бревенчатые клети), засыпанные грунтом. Сооружения могли возводиться в несколько ярусов. Подобные конструкции прослежены при раскопках Старокиевского городища в 1908—1911 г.[399], городищ Оргощ и Звеничево конца 1970 — начала 1980-х гг.[400], а также в Старой Ладоге в 1998—2000 гг.[401]

В последние десятилетия X в. в Среднем Поднепровье распространяется новый тип укреплений, представленных городищами Белгорода[402], Василева[403], Заречья, Переяславля-Южного[404], Воиня[405], а также, предположительно, Киева[406]. Эти укрепления представляли собой конструкцию валов в виде ряда клетей-городней, забутованных материковым суглинком; с наружной стороны клети были укреплены мощным панцирем из горизонтальных рядов сырцовых кирпичей, плотно прилегавших к стенам клетей.

Указанная техника не имеет аналогов в оборонительных сооружениях Восточной и Северной Европы; по справедливому замечанию Ю.Ю. Моргунова, она восходит к фортификации болгаро-византийского круга[407]. Узкий хронологический период бытования подобной строительной техники на Руси (конец X — начало XI в.) позволяет утверждать, что эта техника напрямую связана с активной строительной деятельностью Владимира[408]. Таким образом, совокупный анализ данных позволяет говорить о том, что новые строительные приемы были связаны с активной деятельностью византийских инженеров, широко привлекаемых Владимиром Святославичем в рамках обширной программы государственного строительства.

Такой подробный экскурс в разновидности оборонительного зодчества далеко не случаен. Именно оно, наряду с другими признаками, является одним из определяющих характеристик укрепленных поселений. А на пространстве Среднего Поднепровья, в пределах Русской земли, на от-

резке IX—X вв. подобных поселений существует три типа. Тип первый — раннеславянские укрепленные центры. Тип второй — центры сбора дани и полюдья («дружинные лагеря»), и, наконец, тип третий — укрепленные центры эпохи ранней государственности.

Примечательный факт — если городские центры первого и второго типа на определенном хронологическом отрезке сосуществовали, то возведение «владимировых крепостей» приводит к тому, что большинство славянских племенных центров и «дружинных лагерей» перестают существовать. Как показывают археологические обследования этих городищ, в целом ряде случаев их финал был далеко не мирный[409].

Таким образом, налицо еще один признак складывания ранней государственности. Наряду с возникновением столицы происходит формирование новых центров власти, что отражает изменение политической и территориальной структуры. Происходит окончательный распад родовых отношений и выстраивание территориальных связей. Идет выстраивание мультиполитийной структуры: полития, выдвинувшаяся на первое место, подчиняет себе окрестные. Это находит выражение в ликвидации автономности локальных племенных союзов и подчинении их власти главной политии. Это подчинение и олицетворяли возводившиеся вблизи разрушенных племенных центров новые города, в которых пребывали представители киевской администрации. Не случайно именно в это время возникает посадничество — новый институт, не существовавший ранее конца X в.

Следует отметить, что большинство городов древнерусского времени вырастает из крепостей, основанных как раз на рубеже X—XI вв. В связи с этим нельзя обойти вопрос о преемственности между древнерусскими поселениями XI—XIII вв. и предшествовавшими им славянскими городищами VIII—X вв. Одна из попыток развернуто ответить на данный вопрос была предпринята в начале 1990-х гг. И.Б. Михайловой. Развивая точку зрения, выдвинутую И.Я. Фрояновым в работе 1991 г.[410], исследовательница решила рассматривать поселения Южной Руси как «поли-

функциональные средоточия жизни», то есть административно-политические и сакральные центры[411].

В Среднем Поднепровье И.Б. Михайлова выделила четыре района «гнезд поселений», отождествив их с малыми племенами. Центрами этих образований, по мнению исследовательницы, являлись Белгород, Вышгород, Витичев, Китаево, Василев[412]. Дальнейшая история региона представлялась И.Б. Михайловой следующим образом: «до середины IX в. кияне добились победы в полянском племенном союзе и их город стал центром правобережного региона, ограниченного Ирпенем, Тетеревом и Росью. Укрепленные поселения других славянских племен превратились в его (то есть Киева. — *Д. К.*) пригороды)»[413].

Достоинство подобной концепции в том, что она пытается представить непрерывными процессы политического развития Русской земли от конца IX до начала XI в. и представить древнерусскую политию как логическое развитие славянских племенных союзов, а древнерусское вече — как законного преемника славянских племенных собраний. Недостатком же этой схемы является несоответствие имеющимся фактам. Ни одно из указанных И.Б. Михайловой поселений в Среднем Поднепровье не являлось славянским племенным центром. Китаево представляло собой поселение, возведенное как «дружинный лагерь» в рамках установления росами/русами Олега и Игоря контроля за примыкающими к Киеву территориями. Витачев как крепость был основан, вероятнее всего, во второй четверти X в. как центр, контролирующий Днепровскую магистраль и переправу через нее после разрушения Пересечена (отождествляемого с городищем у села Монастырек). Культурный слой Вышгорода относится к X в.; предположение В.И. Довженко о его существовании в IX в., на которое ссылается И.Б. Михайлова, на сегодняшний день археологически не подтвердилось[414]. Белгород же и Переяславль представляют собой крепости, возведенные по инициативе Владимира в конце X в.[415]

Таковы реальные факты, касающиеся поселений Среднего Поднепровья на Правобережье. Аналогичная картина вырисовывается и на Левобережье, где к числу славянских

племенных центров И.Б. Михайловой были отнесены городища, имеющие иное происхождение и социальный статус. Есть замечания, связанные и со способом картографирования, когда единым рядом представляются памятники VIII—X в.[416] Выбранный хронологический отрезок, на мой взгляд, слишком велик, чтобы в этом диапазоне можно было составить адекватную картину о возникновении и эволюции «гнезд поселений». Вероятнее всего, такой подход был обусловлен использованием материалов сводного каталога древнерусских поселений Среднего Поднепровья, где на главной карте отмечены все памятники в диапазоне от IX до XIII вв.[417] Однако в тексте каталога при этом четко указывается, к каким периодам относится то или иное городище (IX—X, X—XII или XII—XIII вв. либо является многослойным). Эту особенность учли в своих работах Б.А. Звиздецкий и Б.А. Прищепа, представив городища, датируемые указанными периодами, в качестве отдельных планов[418]. Представленные данные, особенно по составу и размерам «гнезд поселений», значительно отличаются от той картины, которая предстает со страниц работ И.Б. Михайловой.

Проведенный разбор аргументов позволяет утверждать, что никакой генетической связи у древнерусской политийной структуры со структурой потестарной (родовой эпохи) не наблюдается, во всяком случае в пределах Русской земли.

Значительную роль в становлении Русской земли как раннего государства сыграл внешнеполитический фактор — печенежская опасность. Наличие постоянной кочевой угрозы ускорило размежевание «сфер влияния» на южных рубежах Русской земли и наметило границу, которую необходимо было укреплять. Эта необходимость нашла свое выражение в масштабном строительстве пограничных оборонительных сооружений, также затеянном Владимиром. На южном пограничье Русской земли, которое на Левобережье Днепра проходило по Суле, а на Правобережье — по Стугне, были возведены оборонительные линии из валов и городищ. На Левобережье была возведена одна, Посульская линия[419]; на Правобережье таких было три —

Витянско-Бобрицкая, Стугнинско-Ирпенская и Ирпенско-Тетеревская[420].

Такое масштабное строительство с использованием новых приемов фортификации потребовало мобилизации значительных людских сил и материальных ресурсов. Это обстоятельство говорит о возникновении раннего государства, которое оказалось в состоянии реализовать крупные инфраструктурные проекты для защиты собственных границ и развития своей территории. Следовательно, третий признак ранней государственности — определение границ, отделяющих территорию родившегося государства от всего остального мира, — также подтверждается имеющимися фактами.

Значение эпохи Владимира Святославича в становлении восточнославянской/древнерусской государственности трудно переоценить. Если в середине X в. Русская земля представляла собой территориальный анклав, консолидированный вокруг южного отрезка торгового пути «из варяг в греки», то к концу столетия она превращается в раннегосударственное образование, контролирующее континентальный торговый маршрут от низовьев Днепра до Волхова. Наиболее отчетливо рост территориальной структуры Русской земли отразился в летописном рассказе о посажении Владимиром сыновей в разных городах. Представление этой информации в табличном виде дает следующие результаты.

Новгород	Вышеслав / Ярослав
Полоцк	Изяслав
Туров	Святополк
Овруч	Святослав
Владимир (Волынский)	Всеволод
Тмутаракань	Мстислав
Ростов	Ярослав / Борис
Муром	Глеб

Географическое размещение указанных городов приводит к интересным выводам. Распределяя своих сыновей по городам, Владимир стремился упрочить контроль Киева за

территориями, расположенными по оси Киев—Новгород, то есть вдоль торгового пути из варяг в греки. Другая ось контролируемых территорий может быть условно прочерчена направлением Волынь—Киев—Ростов. Здесь напрашиваются следующие предположения. С одной стороны, это направление условно совпадает с древнерусским отрезком торгового пути Регенсбург—Киев—Булгар. С другой стороны, посажение Владимиром сыновей в Ростове и Муроме может свидетельствовать о стремлении взять под контроль и часть Волжского пути.

На примере очерченных территорий можно видеть отличие раннего государства эпохи Владимира от предшествующего времени. Если полития начала — середины X в. в Среднем Поднепровье может быть с полным основанием охарактеризована как сегментарная полития[421], то на исходе столетия нашим глазам предстает иная картина.

Ясно вырисовывается ядро нового государственного образования — та самая Русская земля в Среднем Поднепровье. Опираясь на военную силу и формирующийся институт князей-наместников, киевская администрация подчиняет Русской земле политии, расположенные с ней по соседству. Сама структура раннего государства эпохи Владимира состоит из двух компонентов: четко оформленного среднеднепровского ядра, очерченного несколькими оборонительными линиями, и подконтрольной этому ядру периферии. Периферия эта уже не является текучей и изменяющейся, поскольку имеет свои локальные центры власти и подчиненную этим центрам территорию.

Такую конструкцию Н.Н. Крадин определяет как мультиполитию[422], что в принципе довольно точно отражает ситуацию. Этот этап в развитии Русской земли можно для удобства определить как «державу Владимира» (по аналогии с определением «Державы Рюриковичей», предложенной С.В. Бахрушиным).

Особенностью возникновения «державы Владимира», на мой взгляд, является ее синтезный характер. С одной стороны, основу для формирования раннегосударственных отношений в рамках Русской земли составили политические институты и практики, характерные для государств Северной и

Центральной Европы. С другой же, конструирование государственных отношений в рамках «державы Владимира» шло по византийским образцам. Используя определение П.В. Шувалова, можно сказать, что имел место своеобразный «импорт политтехнологий»[423] — усвоение восточнославянским обществом идеи и государственной модели от римско-христианского мира (в данном конкретном случае — от Византии). Наиболее показательным примером такого усвоения являются те новации в области права, которые внедрял Владимир Святославич во время своего правления.

В свое время Л.В. Милов, изучая историю древнерусского перевода Эклоги, пришел к выводу, что этот перевод был выполнен не в Болгарии, а на Руси[424]. Более того, этот перевод был приурочен к деятельности Владимира по реформированию законодательства, которая отразилась в статье ПВЛ под 6504 (996) г.: «Живяше же Володимеръ в страѣ Бжьи и оумножишася [зело] разбоєве и рѣша єпспи Володимеру се оумножишася разбоиници почто не казниши ихъ он же реч имъ боюся грѣха они же рѣша ему ты поставленъ еси от Ба на казнь злымъ а добрымъ на милованьє достоить ти казнити разбоиника но со испытомъ. Володимеръ же отвергъ виры нача казнити разбоиникы»[425].

Согласно этому сообщению, вскоре после крещения Владимир Святославич при непосредственном участии епископов-греков отменяет систему судебных штрафов в виде вирных платежей. Вместо этого вводится система физических наказаний за преступления, позаимствованная из Византии. Древнерусский перевод Эклоги стал юридическим основанием этой реформы[426].

Однако как явствует из текста статьи 6504 (996) г., отмена вир нанесла сокрушительный урон бюджету новообразованного государства: «и рѣша єпспи и старци рать многа оже вира то на оружьи и на кони буди и реч Володимеръ так боуд и живяш Володимеръ по устроєнью отьню и дѣдню»[427]. В создавшихся условиях Владимиру Святославичу и его окружению пришлось отказаться от столь радикальных преобразований и вернуться к системе штрафов-вир.

Возврат к традиционным правовым практикам вызвал появление на свет Правды Ярослава как результат коди-

фикации обычного права[428]. Одновременно, по мнению Л.В. Милова, происходит определенная переработка основных положений Эклоги и ее адаптация к системе вирштрафов. Итогом этой адаптации стало появление церковного Устава Владимира[429].

Таким образом, импорт правовых (а не только политических) технологий из Византии, несмотря на всю кажущуюся неудачу, на самом деле стимулировал развитие собственного древнерусского законодательства. Появление Правды Ярослава (Древнейшей Правды) и церковного устава Владимира говорит о том, что нормы византийского права были использованы в качестве образца для кодификации обычно-правовых норм, бытовавших в восточнославянской среде.

Появление писаного права — завершающий штрих к картине становления ранней государственности (вместе с возникновением письменности как таковой). К концу первого десятилетия XI в. «держава Владимира» уверенно контролировала подчиненные территории, одновременно отразив и в значительной мере нейтрализовав печенежский натиск. Дальнейшее развитие Русской земли будет определяться несколькими факторами. Среди них наиболее значимыми являются эволюция отношений внутри княжеской корпорации Рюриковичей и возрастание роли населения политий во внутриполитической жизни. Об этом будет сказано в следующих главах.

Глава 3

СТАНОВЛЕНИЕ «РУССКОЙ ЗЕМЛИ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XI В. ПРОБЛЕМА МЕЖДУКНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

§ 1. От «родового строя» к «родовому сюзеренитету»: становление и развитие междукняжеских отношений во второй половине X — начале XI в.

Одним из ключевых моментов формирования политической системы Русской земли является зарождение и эволюция междукняжеских отношений. Эта тема находится в фокусе внимания отечественных историков, начиная с середины XIX в., когда увидела свет основополагающая работа С.М. Соловьева[430]. С этого момента нашим глазам предстает своеобразный историографический «калейдоскоп», в котором «родовая теория» Соловьева сменялась «лествичным восхождением» и «городовой теорией» В.О. Ключевского[431], чтобы потом подвергнуться критике со стороны М.С. Грушевского и А.Е. Преснякова[432].

Определенное своеобразие в эту мозаику внесла и советская эпоха. Несмотря на известную ангажированность, засилье официальной теории феодализма и классовых отношений в древнерусскую эпоху, целому ряду историков удалось прийти к интересным выводам, открывшим дорогу к непредвзятому пониманию междукняжеских отношений в 1980—1990-х гг.[433]

Нельзя не упомянуть о работах И.Я. Фроянова и его школы, в которых междукняжеские отношения рассматриваются через призму становления древнерусских политий — городов-государств[434]. Не менее важную роль сыграли наблюдения А.В. Назаренко, уже в 1980-х гг. открыто за-

явившего о доклассовом характере междукняжеских отношений[435]. Таким образом, и теория городов-государств, и концепция «родового сюзеренитета» на исходе советской эпохи стали новым словом в деле изучения междукняжеских отношений, предвосхитив междисциплинарные и политико-антропологические разыскания рубежа конца XX — начала XXI в.[436]

Детали историографических перипетий данного вопроса мне доводилось рассматривать ранее, посвятив этому отдельные публикации[437]. Потому отмечу, что анализ обширной историографической традиции, опирающийся на непредвзятый анализ источников и сравнительно-исторические сопоставления, позволяет отказаться от трактовки княжеской власти в IX—X вв. не только как феодального института, но и политического института в принципе.

В эпоху Владимира Святославича восточнославянское общество переживало процесс эволюции от позднеродовых структур к раннегосударственным. Шел процесс превращения потестарных структур в политические; он хорошо изучен этнологами и антропологами на материалах примитивных обществ[438] и отчетливо прослежен современными исследованиями в Древней Руси[439].

Княжеская власть также переживала время эволюции, превращаясь из института позднепервобытного социума в одну из властных структур раннего государства. Как «коллективный феномен», княжеская власть представляла собой вариант «большой семьи», обладающей сакральным статусом и правом на власть. Этот феномен коллективного властвования на стыке «родового» и «семейного» начал не является открытием Новейшего времени. К пониманию этого обстоятельства отечественная историческая наука подступила еще со второй половины XIX в. Другой вопрос — каково было понимание на концептуальном и методологическом уровнях?

Подход Соловьева и Ключевского, развивавших положения «родовой теории», был, на мой взгляд, излишне формализованным в описании и анализе явления. Особенно это касается привлечения для интерпретации отношений между Ярославичами местнических норм XVI—XVII вв.[440]

О местнических нормах применительно к родовым отношениям писал и И.Е. Забелин, но при этом он отчетливо различал отцовскую и братскую семьи, выведя братские отношения за рамки местничества[441], полагая их семейными, а не родовыми. К этой же идее пришел и Ф.И. Леонтович, считавший, что «княжеские роды и династии образуются по тем же началам, как и простые задруги»[442].

В.О. Ключевский, формализуя, с одной стороны, характер междукняжеских отношений, с другой стороны, склонен был полагать, что «когда умирал отец, тогда, по-видимому, разрывались все связи между его сыновьями...». По мнению историка, «...между отцом и сыновьями действовало семейное право, но между братьями не существовало, по-видимому, никакого установленного, признанного права»[443].

Именно эти положения стали основной мишенью критики А.Е. Преснякова. Главной особенностью междукняжеских отношений вплоть до середины XI в. было, по мнению исследователя, «полное отсутствие... каких-либо преимуществ первородного сына»[444]. Эта мысль, опиравшаяся на многочисленные параллели из истории славянских стран Европы, оказалась не только провидческой, но и во многом предвосхитившей свое время. Фактически к этому положению вернулся в середине 80-х гг. XX в. А.В. Назаренко. Он усмотрел полную схожесть в положении князей-сыновей под властью отца и после его смерти на Руси второй половины X — начала XI в. и во франкском государстве VIII — первой половины IX в. Характеризуя состояние дел у франков, А.В. Назаренко отмечает, что смысл отношений в правящей королевской семье состоял в «...непременном участии всех наличных братьев в управлении королевством по смерти отца, что выражалось в территориальных разделах между ними, в создании королевств-уделов при сохранении государственного единства»[445]. Такой порядок, определяемый европейской медиевистикой как corpus fratrum, исследователь предлагает характеризовать как «родовой сюзеренитет».

Эта специфика отношений в рамках королевской семьи у франков и княжеской семьи на Руси, отмеченная А.В. На-

заренко, является, на мой взгляд, не чем иным, как частным проявлением принципа «конического клана».

«Конический клан», или «рэмдеж», как форма общественной структуры был впервые изучен и описан на материалах Полинезии Р. Фирсом и П. Кирхгофом[446]. Наиболее четкое и развернутое определение «конического клана» принадлежит перу М. Салинза, трактующего это явление как неэкзогамную внутренне стратифицированную однолинейную генеалогическую группу. По мнению антрополога, «расстояние от старшей линии потомков общего предка служит критерием стратификации»[447]. Позднее это определение было принято Л.Е. Куббелем, проследившим эволюцию «конического клана» и на африканском материале. Л.Е. Куббель внес уточнения в характеристику «конического клана». Он полагал, что «...такие структуры строились на двояком принципе: старейшинства в диахронном плане и степени удаленности от вертикальной линии прямых потомков родоначальника, считавшейся старшей, — в синхронном»[448].

Сформулированные принципы взаимоотношений в рамках «конического клана» позволяют более детально понять смысл такого феномена междукняжеских отношений, как описанный А.В. Назаренко Answachungsrecht — «право остающихся в живых братьев на удел умершего брата через голову потомства последнего»[449]. Примеры действия этого принципа на франкском материале встречаются в работе ученого: первый пример — это положение короля Северной Италии Бернхарда, сына Пипина и внука Карла Великого, а второй — судьба аквитанского короля Пипина II, сына Пипина I Аквитанского и внука Людовика Благочестивого. И Пипин Итальянский, и Пипин I Аквитанский были старшими сыновьями в семье, но скончались при жизни отцов. Их потомство оказалось в подчиненном положении от своих дядьев и к семейным разделам допущено не было. Бернхард до конца своих дней пробыл королем Италии под властью своего дяди Людовика, а Пипин II не был допущен к участию в Верденском разделе 843 г., ограничившись уделом отца[450].

История междукняжеских отношений на Руси знает подобные прецеденты. Речь идет об Изяславе Владимировиче

и Владимире Ярославиче. Первый из них — второй по счету сын Владимира Святославича, получивший после крещения Полоцкую землю и скончавшийся в 1001 г.[451] Второй — старший сын Ярослава Владимировича; он скончался на новгородском княжении в 1052 г.[452] В обоих случаях их потомство было выведено за пределы общего наследования — потомство Изяслава было ограничено в своих владениях Полоцким княжеством, а судьбу Ростиславичей — внуков Владимира Ярославича — специально решал Любечский съезд.

Таким образом, в основе corpus fratrum, или «родового сюзеренитета», лежат принципы организации власти в обществах потестарного (вождистского) типа. Основополагающий принцип систем такого рода — представление о коллективном характере власти, выражавшемся в обязательном участии всех членов правящего рода в управлении подвластной территорией[453].

Ничего удивительного в таком явлении не наблюдается, более того, на стадии перехода от родовых отношений к раннегосударственным подобная концентрация власти в руках одного из правящих кланов — непременный признак политической централизации. Еще Р. Карнейро заметил, что главной проблемой составных (сложных, а иногда и суперсложных) вождеств является структурный сепаратизм и редкие политии оказываются способными его преодолеть. Ученый приводит интересный пример из истории индейских вождеств штата Вирджиния: стремясь преодолеть сепаратизм местных вождей, верховный вождь Пауэхтан стал замещать этих вождей своими родичами[454].

Аналогичное явление демонстрирует нам и история Южной Руси конца X — начала XI в. Уходя в поход на Болгарию, Святослав распределил владения между сыновьями, о чем сообщает ПВЛ под 6478 (970) г.: «Стославъ посади Ярополка в Кыєвѣ а Ольга в Деревѣхъ», затем последовала отправка Владимира в Новгород («иде Володимиръ съ [До]брыною воемь своимь Ноугороду»)[455]. Позднее, под 6496 (988) г. встречается сообщение о том, что Владимир «посади Вышеслава в Новѣгородѣ а Изяслава Полотьскѣ а Стополка Туровѣ а Ярослава Ростовѣ оумершю же ста-

рѣишему Вышеславу Новѣгородѣ посадиша Ярослава Новѣгородѣ а Бориса Ростовѣ а Глѣба Муромѣ Стослава Деревѣхъ Всеволода Володимери Мьстива Тмуторокани»[456]. Из самого текста видно, что между первым и вторым наделением прошло некоторое время, на которое пришлась смерть Вышеслава. Из этого следует, что летописная запись говорит не о перемещении князей, а о их наделении, с определенным временным интервалом; видимо, по мере взросления. А.В. Назаренко совершенно справедливо, на мой взгляд, отметил, что «...Владимир наделял сыновей не потому, что стремился укрепить централизованный административный аппарат», а в силу реализации архаического принципа совладения[457].

Здесь, добавлю от себя, фиксируется очень важная точка эволюции вождества: либо оно дальше распадается, не в силах преодолеть структурный сепаратизм, либо трансформируется в раннегосударственное образование, скрепленное начатками политической администрации. Конец X в. для Южной Руси — процесс глубокой трансформации. Правящий род потомков Игоря сконцентрировал в своих руках всю власть над Русской землей путем устранения прочих княжеских родов.

Начальные этапы этого процесса относятся ко времени правления Игоря. Пролить свет на становление системы коллективного совладения в Среднем Поднепровье помогают два источника. Во-первых, это текст русско-византийского договора 944 г., точнее, перечень русских послов, заключающих договор. Во-вторых, описание приема посольства княгини Ольги в 957 г.[458] В договоре в отношении послов «архонтов» употреблен термин «обьчии слы». А.В. Назаренко, отталкиваясь от этого обстоятельства, полагает, что все «архонты» — отправители послов составляли кровнородственный коллектив-общину[459]. Эта община компактно сидела в Киеве, контролируя город и его ближайшие окрестности.

Стабильность этой родовой структуры подчеркивает одинаковое число представителей «архонтов» Руси: по договору 944 г. — 25 человек, в описании приема посольства Ольги — 23 человека[460]. Со времен М.С. Грушевского идет

традиция считать этих послов представителями отдельных территориально-политических образований, признававших главенство киевского князя[461]. Компромиссной точки зрения придерживается П.С. Стефанович — он принимает тезис А.В. Назаренко о семейно-родовом характере отношений внутри группы «архонтов», состав которой представлен в договоре 944 г., но вместе с тем полагает, что в середине X в. под властью киевского князя находилось несколько отдельных семейств, сидящих в периферийных по отношению к Киеву центрах[462].

А.В. Назаренко обоснованно возражает против такой оценки, указывая на то, что восприятие «княжии», сидящей по городским центрам, фактически «воспроизводит логику летописца начала XII в., который делал то же самое в соответствии с действительностью своей эпохи: “по тем бо градом седяху князи под Ольгом суще”»[463]. Определенный резон в этих замечаниях есть, поскольку твердых доказательств, что упомянутые в 944 и 957 гг. «архонты» располагались по периферийным от Киева городским центрам и принадлежали к другим княжеским семействам (не к потомкам Рюрика), в источниках нет.

Точно так же нет прямых указаний на то, что многочисленный клан родичей Игоря кормился непосредственно с прилегающих к Киеву территорий. Однако последнее предположение выглядит более обоснованным в исторической перспективе: в этом случае феномен нераздельного совладения Русской землей, окончательно сформировавшийся на рубеже X—XI вв., получает непротиворечивое и логическое объяснение.

Вероятно, столь ранняя консолидация рода Игоря позволила ему и его ближайшим потомкам одержать верх в борьбе за расширение сферы влияния Русской земли. Эта консолидация семейно-родовой общины потомков Рюрика создала видимую «монолитность» власти и выработала у многих поколений историков иллюзию некоего «политического единства» Руси в конце X — начале XI в.

На самом деле секрет такой иллюзии заключается в специфике функционирования механизма «родового сюзеренитета». Как отмечает А.В. Назаренко, одним из осново-

полагающих принципов соправительства является общенаследственное право, предполагавшее равную долю участия всех братьев-соправителей во властных разделах[464]. Однако равное право в условиях отсутствия сеньората с неизбежностью создавало ситуацию бескомпромиссной борьбы за власть. В конечном итоге власть сосредотачивалась в руках победителя, который в соответствии с архаическими традициями властвования распределяет ее между своими наследниками. В рамках «родового сюзеренитета» единовластие — не правило, а промежуточный этап между витками «равного совладения».

Сразу после смерти Святослава ПВЛ сообщает под 6481 (973) г.: «Нача княжити Ярополкъ». При этом не видно никакого указания на единоличный характер власти Ярополка: ведь помимо него на территории «Русской земли» и за ее пределами правили еще два его брата. Поэтому Ярополк «Поиди Ярополкъ на Олга брата своєго на Деревьску землю». После гибели Олега, по сообщению ПВЛ, «и въшедъ Ярополкъ въ градъ Ольговъ перея власть єго». Но лишь только после того, как Владимир, услышав о смерти Олега и «оубоявся бѣжа за море», власть Ярополка приняла единоличный характер — «Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ и бѣ володѣя єдинъ в Руси»[465].

Точно так же, после победы над Ярополком и гибели последнего, младший сын Святослава смог стать единовластным правителем Руси: «И нача княжити Володимеръ въ Києвѣ єдинъ»[466]. Ту же ситуацию летописец фиксирует и в отношении Ярослава, когда его брат-соправитель Мстислав «изиде на ловы разболѣся и оумре»; только тогда «перея власть его всю Ярославъ и быс самовластець Русьстѣи земли»[467]. Думается, что тщательное фиксирование на страницах летописи фактов «самовластных» княжений говорит о том, что летописцы даже в начале XII в. воспринимали их как исключения из правил, но не правило.

Анализируя развитие междукняжеских отношений в рамках «кругов» родового сюзеренитета (по меткому выражению А.П. Толочко), позволю выдвинуть предположение. Состоит оно в следующем: борьба за власть в рамках правящей семьи является главной причиной кажущейся ста-

бильности власти. Упрощенно можно сказать так — круг претендентов на власть сходит со сцены раньше, чем успевает породить собственное потомство. А в следующем поколении все начинается сначала.

Именно эту коллизию очень тонко подметил в начале XX в. А.Е. Пресняков, отмечая перманентный характер этой борьбы: «...борьба идет каждый раз за всю отчину... и кончается лишь тогда, когда кто-то начнет один владеть в Русской земле». Иного выхода, по мнению ученого, не было: «...с первого реального раздела владений между братьями-сыновьями перед Киевской Русью стоят только две возможности: восстановление единства путем борьбы или уничтожения родичей или дробление на ряд обособленных владений»[468]. В обоих случаях, как при Владимире, так и при Ярославе, побеждала «централизация», представлявшая не сколько сознательное политическое действо, сколько воплощение на практике архаических принципов властных отношений.

На мой взгляд, данное обстоятельство и дает повод ряду исследователей рассуждать о едином Древнерусском государстве, говорить о том, что уже со времен Игоря престолонаследие на Руси велось по прямой нисходящей линии[469]. На деле же ситуация конца X в. рисует трансформацию вождестских структур в раннее государство, и в этом направлении делаются самые первые шаги. Рассуждать о централизации власти не имеет смысла, поскольку она носит еще во многом потестарный характер.

Но эпоха переходного периода оказала свое влияние и на междукняжеские отношения. Принятие христианства означало делегитимацию тех форм соперничества и борьбы за власть, которые были характерны для языческой Руси. С предельной концентрацией эти установки отразились в памятниках так называемого «Борисоглебского цикла», в которых было предано анафеме как «братоубийственное» соперничество, так и олицетворявший его Святополк. Здесь стоит отметить, что после смерти Владимира Святополк являлся старейшим братом в семье и анализ ситуации 1015 г. вне рамок родового сюзеренитета лишает ее какого-то либо внутреннего смысла[470].

К началу XI в. система «родового сюзеренитета» оказалась на пороге кризиса. С исключением из политической практики внутрисемейной борьбы за власть исчез тот самый стихийный регулятор, сообщавший на протяжении нескольких поколений власти Рюриковичей видимость политического единства. Поэтому появление завещания или ряда можно рассматривать как новый этап эволюции междукняжеских отношений.

§ 2. Ряд Ярослава 1054 г.: оформление сеньората

Появление такого ряда обычно связывают с «завещанием» Ярослава Владимировича 1054 г. Оценка этого явления в исторической науке довольно противоречива. С одной стороны, прослеживается стремление придать ряду 1054 г. характер системообразующего политического документа[471], с другой — признается, что степень влияния на последующие междукняжеские взаимодействия Ярославова завещания была довольно низкой, а к порядку наследования киевского стола это завещание совсем не имело отношения[472].

Выход из этого замкнутого круга противоречий в новейшей историографии попытался наметить А.П. Толочко. Вслед за А.Е. Пресняковым он проводит параллели между завещанием Ярослава и установлениями Болеслава и Бржетислава. Итогом сопоставления является заключение о том, что ряд устанавливал на Руси систему старейшинства-принципата: «Старший сын в юридических связях династии занимал стол отца... ему отдавался столичный Киев как “принцепский удел”»[473].

Указанные положения в работе А.П. Толочко стали объектом обстоятельной критики А.В. Назаренко. Основоположник концепции «родового сюзеренитета» решительно не согласился с трактовкой «изначальности» старейшинства-сеньората. А.В. Назаренко склонен считать, что «новаторство Ярослава не просто в учреждении сеньората как политического института, а и в том, что форма этого сеньората чрезвычайно оригинальна...». Историк усматривает эту оригинальность в «чересполосном» наделении Ярослави-

чей, с одной стороны, и в соправительстве трех старших Ярославичей — с другой[474].

В последующих работах, характеризуя новации завещания Ярослава, А.В. Назаренко делает акцент на процедуре десигнации — выделения в среде братьев старейшего, которому вручались отцовские полномочия и отцовский объем власти. Десигнация рассматривается ученым как одна из основных составляющих сеньората[475]. Остается сожалеть, что данные наблюдения не были удостоены внимания со стороны современных исследователей.

Оценивая значение и политические последствия ряда 1054 г., И.Я. Фроянов и А.Ю. Дворниченко приходят к отрицанию бытовавшего в науке 1970—1980-х гг. представления о завещании Ярослава как о первом юридическом оформлении феодальной раздробленности. «Мы не можем полностью принять эту точку зрения, — заключают ученые. — Распад “Русской земли”, как и всего грандиозного союза восточнославянских племен, в самом деле был следствием социальной консолидации различных областей Киевской Руси»[476].

Указанные идеи впоследствии получили развитие в трудах И.Я. Фроянова и В.В. Пузанова. Последний полагает, что «...ряд Ярослава создавал прецедент для легитимации сепаратистских устремлений не только Чернигова и Переяславля — по отношению к Киеву, но и Волыни и Смоленска — по отношению к старшим городам». Чересполосный раздел земель между Ярославичами В.В. Пузанов объясняет стремлением ликвидировать разницу в доходах за счет перераспределения земель[477].

Таким образом, если суммировать проделанные наблюдения над историографией ряда Ярослава, то можно увидеть, что вся палитра мнений тяготеет к двум основным позициям. С одной стороны, Ярославово установление трактуется как новация, имевшая судьбоносное значение не только для междукняжеских отношений, но и для всего государства в целом. С другой — обосновываются утверждения о незначительности «ряда» как документа, так и социального явления.

Для уяснения некоторых спорных вопросов в истории ряда 1054 г. считаю необходимым обратиться вновь к тексту

ПВЛ: «Се азъ отхожю свѣта сего снве мои имѣите в собѣ любовь понеже вы єсте братя єдиного оца и мтре да аще будете в любви межю собою Бъ будеть в васъ и покоривыть вы противныя подъ вы и будете мирно живуще аще ли будете ненавидно живуще в распряхъ и которающеся то погыбнете самі [и] [погубите] землю оць своихъ и дѣдъ своихъ иже налѣзоша трудомь своимь великымъ но пребываите мирно послушающе брат брата се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣишему сну моєму и брату вашему Изяславу Кыєвъ сего послушаите яко послушасте мене да то вы будеть в мене мѣсто а Стославу даю Черниговъ а Всеволоду Переяславль [а Игорю Володимерь] а Вячеславу Смолинескъ и тако раздѣли имъ грады заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня ни сгонити рекъ Изяславу аще кто хощеть обидѣти брата своего то ты помагаи егоже обидять»[478].

Приступая к анализу завещания Ярослава, следует, на мой взгляд, учесть литературный аспект возникновения данного памятника. Еще В.Л. Комарович был склонен усматривать в тексте ряда не передачу документа или текста грамоты (как полагал, к примеру, Л.В. Черепнин), а литературное творчество летописца в жанре так называемых «родительских поучений»[479]. Гораздо позже английский исследователь С. Франклин обратил внимание на то, что в тексте завещания использованы литературные клише, представляющие собой заимствования из переводной учительной литературы[480]. Поэтому вполне справедливо замечание В.В. Пузанова, полагающего, что «перед нами не юридический документ, а литературный текст позднейшего происхождения»[481]. Но считаю нелишним отметить, что литературный характер текста ряда не отменяет факт констатации в тексте обстоятельств передела власти после смерти Ярослава. Главная задача, стоящая перед исследователем в данном случае, — максимально полное выявление данных обстоятельств, а также уточнение степени их достоверности.

Первое и самое важное положение Ярославова ряда — «се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣишему сну моєму и брату вашему Изяславу Кыєвъ». Из процитированной фразы недвусмысленно, на мой взгляд, следует вывод о выделении «старейшего» сына Изяслава из среды братьев и

вручение ему отцовских прав по отношению к ним — «сего послушаите яко послушасте мене да то вы будеть в мене мѣсто». Перед нами действительно то, о чем говорит А.В. Назаренко, — внедрение в систему «родового сюзеренитета» старейшинства-сеньората. Исследователь совершенно справедливо возражает А.П. Толочко (и другим приверженцам данной точки зрения), что попытки отыскать следы старейшинства раньше времени Ярослава не находят опоры в источниках[482]. Ни при Святославе, ни при Владимире нет достоверных данных о попытках десигнации. Указание на старейшинство Святополка и попытку Владимира передать киевский стол Борису — явление, как мне представляется, позднейшее, принадлежащее перу книжников конца XI — начала XII в.

Отсюда следует, что десигнация Изяслава Ярославича (назначение его старейшим с вручением ему объема отцовских прав) является инновацией, то есть реформой «родового сюзеренитета». Именно потому, что с принятием христианства регулятивные механизмы междукняжеских отношений были подвергнуты делегитимации, возникла необходимость создания новых инструментов, способных обеспечить стабильность и целостность только что созданного государства.

Говоря об этом еще в начале XX в., А.Е. Пресняков находил параллели «ряду» Ярослава в истории сопредельных государств — Чехии (завещание Бржетислава I — 1055 г.) и Польши (завещание Болеслава Кривоустого — 1138 г.)[483]. С тех пор эти аналогии были приняты в качестве эталонных в большинстве работ, посвященных истории междукняжеских отношений. В новейшей работе А.В. Назаренко обоснованность этих сравнений подвергнута критике. Ученый, детально проанализировав обстоятельства возникновения этих завещаний и их реализацию, констатирует: «Ни завещание Болеслава III в Польше, ни Бржетислава I в Чехии не стояли у истоков династического сеньората, который в обеих странах возник много раньше. Уже по одной этой причине они занимают в истории сеньората совсем другую типологическую ячейку, нежели “ряд” Ярослава на Руси...»[484] По мнению исследователя, более близкие типологические параллели ряду — введение сеньората у франков при Карле Великом[485].

Речь идет о наиболее значимых государственных актах начала IX в. — Divizio regnorum Карла Великого (806 г.) и Ordinatio imperii его сына Людовика Благочестивого (817 г.). Основное содержание этих узаконений состоит в регламентации положения всех наследников-братьев при выделенном положении старшего (при Карле это был Людовик, а позже — старший сын Людовика Лотарь), который выступает в роли гаранта нерушимости установленного порядка[486]. Таким образом, сеньорат является заключительным этапом эволюции родового сюзеренитета, и в этом А.В. Назаренко, безусловно, прав. Новаторский характер ряда Ярослава для меня представляется несомненным. Введенная Ярославом система старейшинства должна была придать дополнительную устойчивость всей политической системе Древнерусского государства.

Но остаются на повестке дня вопросы — насколько значимым оказалось по своему влиянию завещание киевского князя и имело ли оно долгосрочный характер? Немалая часть историков склонна полагать, что осуществленный Ярославом раздел предопределил дальнейшую историю Руси на протяжении всего домонгольского времени. Однако из самого текста ряда, как он представлен на страницах летописи, следует, что речь идет ***только*** о сыновьях Ярослава. О том, как будет выглядеть картина властных переделов в следующем поколении Ярославичей, завещание не говорит ни слова. На мой взгляд, это достаточно объективный аргумент в пользу утверждения, что действие ряда ограничивалось только кругом сыновей Ярослава. Его внуки должны были решать самостоятельно вопросы престолонаследия и распределения столов.

§ 3. «Се буди мати градомъ руским»: проблема столичного статуса Киева в середине XI в.

Еще один вопрос, связанный с рядом 1054 г., — вопрос о столичном статусе Киева. Издавна повелся обычай в исторических работах утверждать, что Киев как стольный город был передан Изяславу. Наиболее сжато и лаконично

эту мысль выразил А.Е. Пресняков, рассуждая о «политической функции», предназначенной рядом Ярослава старшему сыну. По мнению ученого, «эту функцию он (то есть ряд 1054 г. — *Д. К.*) связывает с владением киевским столом»[487]. Эта точка зрения отразила совокупную позицию досоветской историографии, которая оценивала столичный статус Киева однозначно и без комментариев: город рассматривался в качестве столицы Древнерусского государства со времени Олега почти всеми без исключения историками. Правда, уже в начале XX в. по этом поводу раздавались скептически настроенные голоса.

Тот же Пресняков, в частности, говорил, что «основой для старейшинства Киев мог бы стать, если бы действительно был "политическим средоточием" в смысле центра политической власти над остальными волостями русской земли. А таким он был только для небольшой киевской волости...»[488].

Однако это замечание большинством советских историков было незаслуженно проигнорировано, что привело к появлению расхожего клише относительно Киева как «столицы Древнерусского государства», кочующего из работы в работу. При этом данное клише было настолько устойчивым, что когда в 1996 г. А.В. Назаренко задался вопросом — а была ли столица в Древней Руси, то при этом он признавался в некоторой «скандальности» этого вопроса[489].

Однако почти четверть века спустя после того, как данный вопрос прозвучал, многое изменилось в восприятии научным сообществом проблемы древнерусской государственности. Как мне представляется, без дополнительного уточнения статуса Киева в XI—XII вв. изучение целого ряда сюжетов истории древнерусской государственности затруднительно.

На мой взгляд, при анализе данной проблемы следует выделить два наиболее важных аспекта. Первый — как отразилось старейшинство Изяслава на статусе Киева? И второй — как осмыслялся столичный/старейший статус Киева в середине XI — начале XII в. современниками?

Текст же ряда говорит дословно о следующем: «се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣишему сну моєму и бра-

ту вашему Изяславу Кыєвъ». Очевидно, что старейшему брату Изяславу из общего владения выделялся Киев точно на таких же основаниях, как Святославу — Чернигов, Всеволоду — Переяславль и т. д. Нет никаких указаний на то, что обладание старейшинством увязывалось с Киевом, что Изяслав назван старейшим, потому что он получил Киев[490]. Рискну высказать предположение, что поскольку само старейшинство-сеньорат было введено в практику междукняжеских отношений только с 1054 г., то представление о столичном («старейшем») статусе Киева до середины XI в. также не существовало.

Однако это предположение, на первый взгляд, приходит в противоречие с данными источников, а именно — с сообщением ПВЛ под 6390 (882) г., где сообщается о захвате Киева Олегом: «сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ и реч Олегъ се буди мти градомъ рускими»[491]. Но это противоречие — всего лишь видимость. Сопоставление текста ПВЛ с текстом Начального свода демонстрирует, что данный сюжет является вставкой автора-составителя ПВЛ[492]. Примечательно, что старейшим городом Киев однозначно определяется только под 1096 г. («...и придѣта Києву на столъ оць наших и дѣдъ наших яко то єсть старѣишеи град въ земли во всеи Кыєвъ ту достоино снятися и порядъ положити» — обращаются к Олегу Святославичу Святополк и Мономах)[493].

Таким образом, «старейшинство» Киева как стольного города Русской земли фиксируется лишь в конце XI в. Возвращаясь к ряду Ярослава, остается добавить, что в нем говорится только о статусе Изяслава («поручаю в собе мѣсто столъ старѣишему сну моєму и брату вашему Изяславу Кыєвъ»)[494]. Можно, конечно, априори предположить, что старейшинство Изяслава подразумевало и старейшинство Киева, но такой подход представляется мне откровенной натяжкой.

Теперь предстоит выяснить, что означает выражение «мати градом русским», которое летописец рубежа XI—XII вв. вложил в уста князя Олега? Какие изменения в статусе Киева во второй половине XI в. зафиксировала эта фраза?

Сегодня большинство исследователей склоняется в пользу того, что данная фраза является калькой с греческого μητρόπολις и является результатом применения к Киеву одного из эпитетов Константинополя[495].

Служба на память освящения церкви Святого Георгия (1051 или 1053 г.) содержит фразу «от первопрестольного *матери градом*, Богом спасенего Киева»[496]. Аналогичную фразу употребляют и другие памятники XI—XII вв.: «Слово на обновление Десятинной церкви» и служба святому князю Владимиру[497]. По справедливому замечанию А.В. Назаренко, данная терминология тесно связана со «специфически церковным определением, употреблявшимся по отношению к первенствующим кафедрам — греч. πρωτοθρονος, πρωτοεδρος»[498].

Данные сфрагистики позволяют уточнить точку отсчета, когда старейшинство Киева отождествляется с митрополичьей кафедрой. Речь идет о митрополите Ефреме, занимавшем киевскую кафедру с 1054 по 1068 г.[499] На печати, приписываемой Ефрему, титул митрополита звучит как «Κ[ύρι]ε β[οή] θ [ει Ἐ]φραίμ πρωτο[π]ροέδρῳ [κα]ι μητρο[πο]λίτη Ῥωσσίας» — «Господи, помози Ефрему, протопроедру и митрополиту России»[500]. Многие исследователи обращали внимание на необычность данного титула, связывая его с придворными константинопольскими традициями[501].

На мой взгляд, почетный титул «председателя проэдров» мог появиться в титулатуре Ефрема в связи с появлением в 1060-х гг. на Руси, помимо киевской, еще двух титульных митрополий. Приоритетное положение киевского митрополита в среде тогдашних русских иерархов, по всей видимости, и потребовало введения титула протопроедра. Именно с этого времени можно говорить о том, что положение Киева в среде остальных городов Южной Руси (в первую очередь Чернигова и Переяславля) подчеркнуто выделяется как положение города «старейшей» митрополии.

Из всего вышеизложенного со всей очевидностью следует, что утверждение столичного статуса Киева никак не связано с институтом старейшинства. Старейшинство-сеньорат — элемент сугубо междукняжеских отношений и в указанное время существовал за пределами политической

системы и общегосударственных институтов. Сама власть рода Ярослава была институтом не политическим, а потестарным. Механизмы «родового сюзеренитета» оказались не в состоянии создать институт общегосударственного характера. Это стало возможным только с принятием христианства. Крещение Руси означало ее официальное, идеологически оформленное вступление в состав христианского (в данном случае — восточнохристианского, византийского) мира[502].

Превращение Руси из варварской державы в полноправного члена «византийского содружества наций» поставило на повестку дня вопрос государственного и идеологического самоопределения в пределах ойкумены[503]. Этим и объясняется не только калькирование византийской государственной атрибутики, но и определенные изменения титулатуры. Вытеснение титула «каган» титулом «цесарь» применительно к древнерусским князьям[504], употребление на своих печатях русскими князьями титула «архонт» — все это говорит о попытках адаптации властной символики в контексте мировосприятия византийской ойкумены. Но при этом надо отметить, что указанные терминологические параллели и реминисценции отражают ситуацию презентации княжеской власти на международной арене и не касаются статуса и характера власти князя в мировосприятии древнерусского общества.

Точно так же становление политических институтов на Руси XI в. было связано в первую очередь не с установлением системы старейшинства, а с утверждением церковной организации. Именно церковная организация в условиях византийской ойкумены стала для Руси домонгольского времени по-настоящему общегосударственным институтом[505]. Приобретение Киевом столичного статуса связано с установлением в нем митрополии. Превращение Киева в сакральный центр Русской земли придало ему особый статус. В глазах христианизирующейся княжеской корпорации со второй половины XI в. Киев начинает приобретать черты неделимой, освященной благодатью общединастической святыни. Первые признаки такого понимания статуса Киева, на мой взгляд, наметились после событий 1068 г. По просьбе киев-

лян Святослав и Всеволод выступили посредниками в переговорах между ними и Изяславом, пришедшим на Русь с польским князем Болеславом II. ПВЛ передает их слова Изяславу следующим образом: «аще ли хощеши гнѣвъ имѣти и погубити град то вѣси яко нама жаль отня стола»[506]. Комментируя этот сюжет, А.В. Карпов справедливо отмечает, что «Святослав и Всеволод смотрели на стольный город Руси не только как на удел своего старшего брата, но прежде всего как на “отчий стол”, на который они даже при жизни Изяслава имели особые права»[507].

Однако появление триумвирата Ярославичей, как мне представляется, лежит не только в плоскости междукняжеских отношений и установлений 1054 г. С формальной точки зрения триумвират входит в противоречие с принципами сеньората. Выдвижение на первый план трех Ярославичей означало и возвышение роли трех основных центров Русской земли — Киева, Чернигова и Переяславля. Одновременно происходил и подъем периферийных городов Русской земли, что знаменовало собой радикальное изменение политической панорамы древнерусской жизни.

§ 4. Киев и малые города Русской земли в конце X — первой половине XI в.

Выше были рассмотрены особенности административно-политической структуры Русской земли, связанные с развитием междукняжеских отношений. Однако наряду с княжеской корпорацией значимым фактором развития Русской земли становятся стремительно развивающиеся города и их городские общины как особая форма социальной организации городского населения. Это придавало развитию древнерусских политий совершенно новое качество. Каким образом это происходило?

Мне уже приходилось отмечать, что становление ранней государственности в эпоху Владимира Святославича означало принципиальное изменение существовавшей до того территориальной структуры. Выражалось это в том, что поселения раннеславянского времени в подавляющем боль-

шинстве прекращают свое существование, уступая место центрам новой, государственной власти. Схожая судьба постигла и те укрепленные поселения (так называемые «дружинные лагеря»), которые возводились в середине — второй половине X в. как опорные пункты полюдья киевских князей.

В качестве конкретных примеров можно рассмотреть эволюцию Китаевского поселения под Киевом и древнерусского Белгорода. Эти примеры как раз демонстрируют эволюцию возникших в X в. укрепленных поселений в города древнерусского времени.

Китаевское поселение изначально представляло собой городище, которое возникает в X в.[508] С.И. Климовский предполагает, что Китаевское городище является городищем-убежищем[509], проводя аналогии с однотипными городищами, открытыми Б.А. Тимощуком. Анализ исследованных захоронений на могильнике близ городища позволяет прийти к выводу, что значительная часть погребенных принадлежала к военной страте общества; вещевой инвентарь датируется в пределах второй половины X — начала XI в. В пользу занятий военным делом говорит не только инвентарь погребенных, но и наличие на костяках следов прижизненных травм, полученных в ходе военных действий[510]. Позже, в XI в., рядом с городищем возникает селище, занимающее площадь около 40 га, резко уменьшается число дружинных захоронений на могильнике, на городище все более отчетливо начинают прослеживаться следы ремесленного производства. Таким образом, Китаевская крепость приобретает черты пригородного поселения аграрного типа[511]. Это можно рассматривать как один из вариантов эволюции так называемых «дружинных поселений» в поселения древнерусской эпохи.

Другой не менее интересный вариант представляет ранняя история Белгорода — одного из древнейших городов Русской земли, расположенного на западной околице села Белгородка Киево-Святошинского района Киевской области в 23 км к юго-западу от современного Киева. Это городище, поражающее своими размерами — 95 га (!), на протяжении ушедшего столетия неоднократно становилось

объектом археологических исследований[512]. Именно раскопки Белгорода, особенно те, что проводились в советское время, не смогли выявить следов развитого ремесла и торговли, зато вскрыли следы обширной усадебной застройки[513]. Это обстоятельство заставило исследователей усомниться в частновладельческом и княжеском характере Белгорода[514]. А.Н. Кирпичников, а вслед за ним и П.А. Раппопорт фактически дезавуировали утверждения своих предшественников, указывая на военно-политическое, а не экономическое значение Белгорода[515]. Позднее И.Я. Фроянов и А.Ю. Дворниченко использовали пример возникновения Белгорода для иллюстрации распада родовых отношений и складывания отношений территориальных[516].

Основание белгородской крепости Повесть временных лет датирует 991 г.[517] Возникает вопрос — возник ли город на пустом месте, или крепости эпохи Владимира предшествовало какое-либо поселение? Некоторые историки, основываясь на интерпретации существующего археологического материала, полагали, что Белгород возник в результате непрерывной эволюции раннеславянского поселения в город древнерусской эпохи[518].

Еще во время первых раскопок В.В. Хвойки и Н.Д. Полонской 1909—1910 гг. в нижних слоях детинца и под крепостными стенами были обнаружены следы раннеславянской керамики. В 1958 г. В.Д. Дяденко выявил на территории городища несколько хозяйственных ям с кружальной и лепной керамикой X в.[519]

В ходе исследований 1966—1975 гг. на белгородском городище удалось проследить очертания древнейшего поселения мысовой формы, ограниченного с запада рекой Ирпень, а с юга — оврагом. По мнению Г.Г. Мезенцевой, это городище предшествовало крепости эпохи Владимира[520]. В ранних публикациях мною также было высказано предположение о том, что это следы городища — общинного центра[521]. Однако новейшие археологические исследования и внимательный анализ уже имеющегося вещевого материала ставят под сомнение эти предположения.

Тщательный анализ керамического материала, произведенный В.Ю. Непомящих, привел исследователя к выводу,

что реально материал ранее конца X в. с раскопок белгородского городища отсутствует[522]. Выявленный с напольной стороны вал, который Г.Г. Мезенцева приписывала древнейшему славянскому городищу, не содержит никаких находок ни в насыпи, ни у основания. Материалы с его поверхности относятся к XI—XIII и XVI—XVII вв. Сам вал возведен на материковом основании, а не на поверхности культурного слоя[523]. Стоит согласиться с мнением В.Ю. Непомящих, что остатки укрепленного вала следует отнести ко времени возведения белгородской крепости довладимирова времени, то есть ко второй половине X в.[524]

Развивая высказанную мысль, позволю предположить, что первоначальное белгородское городище было возведено в 970—980-х гг. в качестве одного из опорных пунктов власти киевских князей. Достаточно оценить само местоположение Белгорода, который является одной из крепостей на киевско-древлянском пограничье. Во всяком случае, еще В.А. Пархоменко рассматривал Белгород как центр, обеспечивающий спокойствие в прилегающих древлянских землях, а Б.А. Рыбаков даже допускал мысль, что Белгород в конце X в. был одним из центров земли древлян, где княжил Святослав Владимирович[525].

К этому периоду существования крепости относятся два наиболее ранних погребения из состава белгородского могильника — трупосожжение воина с женщиной и конем[526] и сожжение в челне (ладье)[527]. Вероятно, первоначальная крепость Белгорода была одним из так называемых «дружинных поселений»; не исключено, что легендарное упоминание о резиденции Владимира в Белгороде, помещенное в ПВЛ под 980 г., связано как раз с этой крепостью.

В начале 990-х гг. в рамках обширной программы строительства, начатой Владимиром с целью защиты южных рубежей Русской земли от печенегов, белгородская крепость подверглась радикальной перестройке. Детинец был окружен вновь возведенными валами, которые имели сложную по тем временам конструкцию.

Эта конструкция представляла собой систему деревянных клетей-срубов, возведенных на подсыпке из глины. Снаружи деревянный каркас вала был усилен рядами клад-

ки из необожженного кирпича-сырца, изнутри — заполнен утрамбованной глиной[528].

Подобные конструкции были зафиксированы на городищах Переяславля-Южного, Заречья, Воиня и Василева[529]. Все эти городища были построены в достаточно узком хронологическом промежутке 988—1015 гг.[530] Конструктивные особенности такого типа укреплений восходят, по мнению Ю.Ю. Моргунова, к фортификации болгаро-византийского культурного круга[531]. Такая интерпретация хорошо вписывается в логику византийского влияния, которое набирает силу после крещения Руси в 988 г.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство — подавляющее число городищ, укрепления которых были возведены в технике сырцовой кладки, расположены в составе Постугнинской оборонительной линии, прикрывающей подход к Киеву с юга[532]. Дальше, вплоть до самой днепровской столицы, укрепления практически отсутствуют, за исключением городищ Китаево и Вита Почтовая. Белгород расположен несколько наособицу, находясь на юго-западном направлении. Постройка мощной крепости в этом районе имела свое объяснение — город контролировал переправу через Ирпень. У этой переправы сходились главные сухопутные магистрали Правобережного Поднепровья, идущие на Волынь и в Галич; этот тракт летописцам XII в. был известен как «Киевский путь»[533].

Этот «Киевский путь» являлся частью более длительного маршрута от Киева до Регенсбурга (он уточнен исследованиями А.П. Моци и Б.А. Звиздецкого)[534]. Вероятно, этот путь функционировал уже в конце X в. и возведение мощной крепости на «русском» участке маршрута могло преследовать цели обеспечения безопасности и контроля торговых путей.

Вместе с тем Белгород выполнял, как мне представляется, и иные функции, связанные не только с упрочением киевской власти в древлянских землях, но и с консолидацией территории. Одновременно с укреплениями детинца были возведены оборонительные сооружения окольного города, охватившие значительную, свыше 95 га, территорию. Среди городов своего времени Белгород выделялся значительными размерами:

Города	Площадь детинца (в га)	Вся площадь города (в га)
Киев	10 (кон. X в.)	ок. 85 (сер. XI в.)
Чернигов	10 (нач. XI в.)	ок. 90 (XI в.)
Переяславль	ок. 10 (кон. X — нач. XI в.)	ок. 66 (XI в.)
Белгород	ок. 10 (кон. X — нач. XI в.)	ок. 95 (кон. X в.)

Столь обширная площадь города постоянно ставила в тупик историков, занимавшихся этим вопросом. Так, А.Н. Кирпичников предположил, что обширная площадь окольного города может говорить о большой концентрации населения в городских пределах в конце X — начале XI в.[535] Возникает вопрос: откуда могли взяться излишки этого населения?

Археологическими исследованиями установлено, что вдоль реки Ирпень до конца X в. существовали как минимум четыре поселения, датируемые по керамическому материалу VIII—IX вв. и относящиеся к культуре Лука-Райковецкая[536]. Все эти поселения прекращают функционировать примерно в то же самое время, когда возводится Белгород. На мой взгляд, параллелизм данных явлений может являться частным случаем распада старых родоплеменных структур и складывания новых, территориальных[537].

Каким же образом эти структуры формировались? Летописный нарратив об этом практически ничего не сообщает, поэтому приоритетное значение имеют данные археологических источников.

Детальное исследование округи древнего Белгорода было предпринято сравнительно недавно. В ходе этих исследований были выявлены три компактные группы поселений — северная[538], южная[539] и восточная[540] (относительно детинца Белгорода). Поселения были охарактеризованы исследователями как многослойные, однако обращает на себя внимание следующее обстоятельство: на указанных памятниках отсутствует раннеславянская керамика. Слои эпохи бронзы и скифского времени перекрываются слоем времени эпохи Древней Руси, содержащим керамику XI—XIII вв.[541]

Это означает, что указанные поселения возникли уже в процессе развития Белгорода древнерусского времени и маркируют этапы освоения жителями города ближайшей

округи. То же можно сказать и о поселениях древнерусского времени, расположенных вдоль реки Ирпень. Обследования и разведки, проведенные на них в 1970—1980-х гг., установили наличие керамического материала, датируемого XII—XIII вв.[542]

Наблюдение, сделанное на локальном уровне, еще раз подтверждает тезис, который мне приходилось озвучивать ранее, — малые города Среднего Поднепровья возникают как центры политического властвования Киева на местах на рубеже X—XI или первой половины XI в.[543] Это является первым этапом формирования территориальной структуры политии Русская земля. На примере того же Белгорода и Китаева видно, как происходило становление малых городов и пригородов. Иерархическая система малых городов и пригородных поселений формирует собой основу политии как города-государства; этот процесс для Среднего Поднепровья завершился во второй четверти XI в.

С этого момента начинается второй этап — формирование городских общин. На рубеже X—XI вв. Киев столкнулся с проблемой перенаселенности. П.П. Толочко отмечает, что «...рост Киева происходил на первых порах не столько за счет внутреннего демографического потенциала, сколько благодаря притоку населения из округи»[544]. Это подтверждается и тем, что сообщает Титмар Мезербургский о Киеве рубежа X—XI вв.: «Город, подобно всей этой области, до сих пор сопротивлялся чрезвычайно вредящим ему печенегам и побеждал врагов силою беглых сервов, собирающихся сюда отовсюду...»[545]

Разделяя точку зрения М.С. Грушевского, В.С. Соколова и других историков, писавших о «fugitivus servus» как о беглых рабах, И.Я. Фроянов считает, что факт массового бегства последних был связан с деградацией родового строя[546]. Вероятно, в Киев стекались не только беглые рабы, но и выходцы из общин, порвавшие со старой жизнью.

Об этом свидетельствуют результаты археологических исследований, проведенных в 1965—1969 гг. на западных и северо-западных склонах Старокиевской горы. Здесь, на искусственных террасах был открыт целый жилой квартал конца X — начала XI в. За шесть лет исследований в ука-

занном районе было открыто свыше двадцати жилищ, два производственных комплекса и гончарная печь[547]. Исследователи древнего Киева, в частности С.Р. Килиевич, считают возможным говорить о ремесленном характере района, ссылаясь на наличие стеклянного и железного шлака в культурном слое и в заполнении жилищ[548]. Конструктивно эти жилища относятся к каркасно-столбовому типу построек, их внутренняя планировка достаточно однотипна — в одном из углов помещения глинобитная печь, в другом — лежанка, вырезанная в материковой глине[549]. Инвентарь жилищ сравнительно беден, но встречаются и исключения, как, например, жилище больших размеров, открытое в 1968 г. Внимательное изучение отчетного материала позволяет поставить под сомнение утверждение, что в данном районе проживали «мелкие ремесленники и челядь, обслуживающие дворы князей и бояр».

Обращает на себя внимание и такой факт: жилой квартал на склонах Старокиевской горы имеет достаточно четкие хронологические рамки существования — конец X — начало XI в. Этим временем датируется как керамический материал, так и находки из заполнения жилищ[550]. Во время исследований этого района более поздние культурные отложения практически не встречены. Это говорит о том, что к концу XI в. жизнь на склонах горы постепенно начинает замирать.

Заселение спланированных террас горы приходится на конец X в. — то время, когда начинается интенсивная строительная деятельность Владимира, связанная с расширением ядра города. Новые линии оборонительных укреплений оградили территорию детинца, которая выросла в несколько раз. Теперь укрепления шли по естественным границам Старокиевской горы — от урочища Гончары по северо-западному и западному склонам до оврага на юго-восток, затем поворачивали к югу по направлению к улице Большая Житомирская. Далее вал следовал по правой стороне этой улицы, до ее пересечения с улицей Владимирской. Здесь находились Софийские или Батыевы ворота, неоднократно изученные археологически[551]. От ворот линия укреплений шла в направлении северо-запада, к урочищу

Гончары. В общей сложности территория детинца при Владимире Святославиче достигла 10 га.

Расширение древнейшего городища, вызванное его переполнением, объясняет, на наш взгляд, причину возникновения жилого квартала на склонах горы. Стекающееся отовсюду население, которое в эпоху ломки родовых отношений и распада общины-верви устремлялось в города, уже не помещалось за пределами крепостных стен. Получает объяснение и факт затухания жизни на склонах горы начиная с XI в. Укрупнение территории детинца, а позже и возведение «города Ярослава» сделали ненужным скученное существование на террасах горы. Расположенные здесь жилища постепенно приходят в запустение, и на их месте возводятся производственные комплексы[552].

Возникшие демографические проблемы потребовали от киевских властей незамедлительных действий. Одержав верх в междоусобной борьбе за власть, Ярослав приступил к расширению города. Фраза летописца «заложи Ярославь городъ великый» не была художественным преувеличением. Территория, охваченная новыми укреплениями, достигла 70 га. Начинались оборонительные сооружения от валов «города Владимира» и шли по склонам Михайловской горы. В районе нынешней улицы Челюскинцев вал круто поворачивал в западном направлении до площади Независимости и Золотых ворот (вдоль улицы Малая Подвальная). Отсюда линия валов тянулась вдоль оси улицы Ярославов Вал и, не доходя до пересечения с улицей Олеся Гончара отклонялась к северу и вдоль улицы Рейтарской и Большой Житомирской выходила к Софийским воротам[553]. В целом протяженность оборонительной линии города Ярослава составила свыше 3,5 км.

В основе валов «города Ярослава» находилась система из связанных между собой срубов, заполненных утрамбованным лёссом, представлявшая собой сооружение иного плана, чем конструкция с применением сырцовой кладки[554]. По определению П.А. Раппопорта, подобный тип внутривальной конструкции появляется только в XI в., знаменуя собой новый этап в развитии русского военного зодчества[555].

Касаясь времени возведения «города Ярослава», нельзя пройти мимо противоречивых сведений источников по этому поводу. ПВЛ помещает сообщение о закладке города и Софийского собора под 6545 (1037) г.[556], в то время как Начальный свод в составе НПЛ относит эти события к 1017 г.[557] Определение времени возведения Софийского храма в Киеве на сегодняшний день является остро дискуссионным вопросом. Не касаясь специально данной проблемы, обращу внимание на то, что летописец увязывал основание города и его укреплений со строительством храмового комплекса в его центре. В пользу того, что строительство «города Ярослава» было тщательно продуманным и рассчитанным мероприятием, говорят данные археологии и топографии.

В основе городской планировки лежал радиально-кольцевой принцип — главные улицы брали направление от городских ворот и сходились в районе главной площади. Характерна следующая деталь планировки: оси главных улиц имеют ориентацию по сторонам света. От Золотых ворот до Софийских ворот «города Владимира» шла ось запад—восток, а от Жидовских к Восточным — север—юг (на современной карте города направления древних магистралей соответствуют современным улицам Владимирской, Сретенской и Софиевской[558].

На пересечении этих улиц располагалась главная площадь «города Ярослава», на которой находилось четыре храма — Софийский, Георгиевский, Ининский и храм, раскопанный Д.В. Милеевым в бывшей митрополичьей усадьбе. Обращает на себя внимание и тот факт, что Софийский храм с прилегающей территорией имел собственную укрепленную линию — каменную стену, остатки которой изучались неоднократно.

Возникновение «города Ярослава» явилось, как уже было сказано выше, началом второй фазы формирования территориальной структуры волости — сложения городских или посадских общин. На примере Киева мы видим, что этот процесс прослеживается археологически с начала XI в. Так же как и на территории Подола в это время, в «городе Ярослава» распространяется поусадебная застройка, а

усадьба становится главным градообразующим элементом. В большинстве случаев границы усадеб оставались неизменными на протяжении столетий. Это подтверждается материалами не только Верхнего города, но и Подола[559]. Тенденция, которую мы проследили в конце X в., с началом XI в. становится преобладающей.

В XI в. на территории Подола возводится каменный храм, который становится градообразующим центром этой части древнего Киева. Его остатки были зафиксированы при исследовании церкви Успения Богородицы Пирогощей — главного подольского храма XII в.[560] Подольское торговище, локализованное на основании археологических исследований в северо-западной части современной Контрактовой площади, являлось своеобразным средоточием Подола, куда сходились все основные улицы. Восстановить планировку этой части древнего Киева представляется возможным на основании картографических материалов, запечатлевших подольское поселение до перепланировки 1811 г.

Стационарные раскопки, проведенные на больших площадях в 1970-х гг., позволили сделать выводы о планировке целых кварталов. Здесь так же, как и в «городе Ярослава», основной градообразующей единицей являлась усадьба. И на Подоле большинство границ усадеб оставались незыблемыми на протяжении всего домонгольского времени. Собранный материал об усадьбах X—XI вв. в Киеве позволил исследователям произвести демографические расчеты.

Согласно этим расчетам, масштабы и возможности обеспечения одного усадебного хозяйства в целом соответствовали размерам большой семьи[561]. Именно большая семья, как справедливо полагает И.Я. Фроянов, стала главным элементом новой территориальной структуры после распада родовой общины[562]. Именно она становится базовой ячейкой формирующейся городской общины Киева.

К середине XI в. фактически завершилось формирование основных составляющих политической системы Русской земли. Реформа «родового сюзеренитета», осуществленная «рядом» 1054 г., предотвратила неконтролируемую борьбу

за единовластие среди сыновей Ярослава. К этому же времени (середине — второй половине XI в.) завершается этап первоначального развития основных городских центров Русской земли (Киева, Чернигова, Переяславля), начинается консолидация их округ, внутреннее развитие городских территорий.

Эти процессы хорошо прослеживаются как на материалах самого Киева, так и тянущихся к нему малых городов. Стремительное развитие городской жизни создает все необходимые предпосылки для возникновения и развития городских общин — особой формы социальной организации городского населения. Их интересы должны были неизбежно столкнуться с интересами разросшейся княжеской корпорации. Тому, каковы были итоги этих столкновений, будет посвящена следующая глава.

Глава 4

МЕЖДУ ДВУМЯ ПОКОЛЕНИЯМИ: РУССКАЯ ЗЕМЛЯ ОТ РЯДА ЯРОСЛАВА ДО ЛЮБЕЧСКОГО СЪЕЗДА

На рубеже XI—XII вв. политическое развитие Среднего Поднепровья вступило в новую фазу. Изменения, которые к этому времени значительно трансформировали политическую систему Русской земли, стали результатом воздействия двух основных тенденций социально-политического развития.

Первая тенденция представляет собой радикальные изменения всего комплекса междукняжеских отношений, обусловленные кризисом традиционной системы «родового сюзеренитета». Другой, не менее значимой тенденцией стало возвышение периферийных центров Русской земли — Чернигова и Переяславля. Во взаимодействии и тесном переплетении указанных векторов исторического развития предстает взгляду историка широкая панорама эволюции среднеднепровской государственности второй половины XI — начала XII в.

§ 1. От сеньората к «триумвирату»: взаимоотношения первого поколения Ярославичей

Начну с того, что ряд Ярослава Мудрого 1054 г. ввел в практику междукняжеских отношений не существовавший до этого принцип старейшинства-сеньората[563]. Это привело (особенно с учетом христианизации княжеской элиты) к фактическому устранению из политической практики «борьбы за выживание». В результате происходит стремительное разрастание потомства Ярослава. К исходу XI в. из общего числа

Ярославовых наследников выделяются отдельные семейства, оформляющиеся в самостоятельные клановые структуры. Под термином «княжеский клан», вслед за А.Р. Гущиным, я предлагаю понимать «большую группу князей, объединенных общим, более близким, чем Владимир Святой, родоначальником и сходными политическими интересами»[564].

Ряд 1054 г. не только перераспределил владения между сыновьями Ярослава, создав в будущем прецедент наследственного права, но и обозначил пути дальнейшей дифференциации Ярославова потомства. Но всем ли Ярославичам удалось оказаться родоначальниками собственных династий?

Для ответа на этот вопрос предлагаю вновь обратиться к источникам. На основании текста ряда 1054 г. можно представить, как распределены княжеские владения: «се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣишему сну моєму и брату вашему Изяславу Кыєвъ... а Стославу даю Черниговъ Всеволоду Переяславль [а Игорю Володимерь] а Вячеславу Смолинескъ»[565]. Вопросы у исследователей продолжает вызывать только фраза «а Игорю Володимеръ», хотя в целом ее достоверность не вызывает сомнений[566].

Младшие Ярославичи довольно быстро сошли с исторической сцены[567], оставив после себя немногочисленное потомство. По смерти единственного сына Вячеслава Бориса эта ветвь Ярославичей пресеклась[568]. Потомство Игоря Ярославича сосредоточилось в Юго-Западной Руси[569]. Упоминания о потомках Давыда Игоревича можно встретить на страницах летописи в середине — второй половине XII в., но они не играли серьезной роли в тогдашней политической жизни[570].

Подводя итоги предварительным наблюдениям за генеалогией младших Ярославичей, можно прийти к следующему выводу. Ни Вячеслав, ни Игорь Ярославичи не смогли ни создать собственных династий, ни закрепить за ними какие-либо значимые территории. Этого как раз нельзя сказать о старших Ярославичах, под властью которых оказалась вся Русская земля.

Старейший из Ярославичей, Изяслав, оставил после себя трех сыновей, Святослав — семерых, Всеволод — двух. С учетом потомства Владимира Ярославича (точ-

нее — Ростислава Владимировича, умершего на тмутараканском княжении) на политической арене Руси второй половины XI в. действовало свыше дюжины князей из разных поколений. С полной уверенностью можно говорить об оформлении клановых групп Изяславичей, Святославичей, Всеволодовичей и Ростиславичей.

Это означало серьезное изменение ситуации в Русской земле в целом. Наметившаяся еще с 1020—1030 гг. тенденция к усилению автономии периферийных центров Русской земли получила дополнительный импульс к развитию. Обретя на своих столах суверенных князей, а не киевских посадников, Чернигов и Переяславль сделали первый серьезный шаг к превращению в самостоятельные политии[571].

Однако возвышение периферийных центров Русской земли вызывало противодействие со стороны Киева, который стремился удержать в своих руках контроль над всей Южной Русью. Являясь сакральной столицей Русской земли, Киев, как мог, сопротивлялся расчленению единой территории политии; хотя на деле в середине XI в. Русская земля была уже мультиполитийной структурой (организацией города-государства, основанной на доминировании старейшего города над младшими).

На исторических, политических и географических просторах Среднего Поднепровья происходит смыкание разнонаправленных интересов. С одной стороны — политика киевской общины, направленной на сохранение территориальной целостности земли, с другой — интересы боровшихся за сохранение сеньората Ярославичей (прежде всего Всеволода).

На мой взгляд, сам триумвират Ярославичей, просуществовавший до 1068 г., в известной мере был компромиссом между принципами сеньората, с одной стороны, и стремлением Чернигова и Переяславля добиться равного статуса с Киевом — с другой. Предположение о том, что триумвират Ярославичей является прямым результатом ряда 1054 г., представляется мне весьма спорным. С формально-юридической точки зрения власть, базирующаяся на принципах старейшинства-принципата, противоречит принципам коллективного соправительства.

В литературе сложилось устойчивое мнение о том, что после смерти Ярослава власть сосредотачивается в руках трех старших братьев. Указанная точка зрения была в наиболее завершенном виде сформулирована на страницах работ М.С. Грушевского и А.Е. Преснякова[572]. Из советских историков к этой позиции присоединился Б.Д. Греков, ему активно возражал С.В. Бахрушин[573].

Их дискуссия положила начало длительному размежеванию в советской исторической науке по вопросу триумвирата Ярославичей — от безоговорочного признания[574] до однозначного отрицания[575]. Однако, анализируя обстоятельства возникновения и историческую судьбу триумвирата, ряд исследователей рассматривал и продолжает рассматривать его как нечто большее, чем результат междукняжеских отношений. Еще А.Н. Насонов справедливо указал, что триумвират Ярославичей явился отражением территориальной структуры Русской земли середины XI в.; деятельность трех старших Ярославичей ученый трактовал как попытку сохранить политическую целостность Русской земли[576].

Гораздо позже И.Я. Фроянов и А.Ю. Дворниченко пришли к выводу, что «...“Русская земля” была дофеодальным образованием, ядром того суперсоюза, который возникал на территории Восточной Европы на протяжении IX—X вв.». По мнению исследователей, уже на рубеже X—XI вв. начинается выделение из состава Русской земли Черниговщины и Переяславщины. Поскольку этот процесс шел «...рука об руку с постепенным освобождением от власти Киева», то триумвират Ярославичей стал определенной вехой в истории разукрупнения Русской земли[577]. Идея, высказанная И.Я. Фрояновым и А.Ю. Дворниченко, получила дальнейшее развитие в работах В.В. Пузанова. Анализируя политическую жизнь Руси эпохи триумвирата, историк приходит к заключению, что ее «...определяли не столько междукняжеские отношения, сколько отношения между городами»[578].

Отталкиваясь теперь от историографической ситуации, связанной с оценкой триумвирата Ярославичей, попробуем уяснить для себя действительное состояние источников, вне

зависимости от уже сформировавшихся историографических традиций.

Сформулирую постановку вопроса радикально — возможно ли, на основании имеющихся источников, говорить о триумвирате или соправительстве Ярославичей?

На пространстве летописных статей ПВЛ за 6565—6576 (1057—1068) гг. совместная деятельность Изяслава, Святослава и Всеволода отмечена несколько раз. Явные упоминания о совместных действиях Ярославичей читаются: под 6567 (1059) г. — освобождение из поруба Судислава; под 6568 (1060) г. — поход на торков; под 6575 (1067) г. — поход против Всеслава Полоцкого и его пленение; под 6576 (1068) г. поход против половцев, закончившийся поражением русских войск на реке Альта.

К числу неявных упоминаний можно отнести сообщение под 1057 (6565) г.: «Преставися Вячеславъ снъ Ярославль Смолиньскѣ и посадиша Игоря Смолиньскѣ из Володимеря введше»[579]. Само построение фразы и использование аористов множественного числа («посадиша», «выведше») говорит о коллективном характере действия. Несмотря на то что в современной литературе встречаются оценки событий 1057 г. как одиночных действий Изяслава[580], тем не менее я полагаю, что данное сообщение однозначно говорит в пользу действий триумвирата.

Таким образом, высказанная А.Е. Пресняковым еще в начале XX в. точка зрения по вопросу совместного действия трех старших Ярославичей продолжает и поныне оставаться актуальной. Кроме того, Пресняков одним из первых обратил внимание на сообщение поздних летописей о разделе смоленского владения между старшими Ярославичами по смерти Игоря[581]. Историк был склонен видеть в этом известии отражение политики сосредоточения в руках старших Ярославичей «всех волостей Русской земли»[582].

Признавая триумвират Ярославичей (во всяком случае, до 1068 г.) реальным фактом политической жизни, приходится констатировать, что Ярославов ряд в качестве правовой нормы во второй половине XI в. вряд ли действовал в

полном объеме (при этом не могу не задаться вопросом — действовал ли он вообще?); во всяком случае, в части старейшинства Изяслава.

Дело тут даже не в слабости Изяслава или в его неспособности отстоять свои права перед лицом братьев, как полагает ряд историков[583]. Изучение триумвирата как самодостаточного явления (даже в рамках междукняжеских отношений), на мой взгляд, резко сужает проблемное поле исследования. Вне рамок исследовательского интереса остаются те процессы, которые происходили на обширном пространстве Русской земли во второй половине XI в. Речь идет о процессах территориальной, политической и государственной консолидации.

§ 2. Становление городской общины Киева во второй половине XI — начале XII в.

Как было показано в предыдущей главе, территориально-политическое развитие Русской земли со второй четверти XI в. вступило в фазу превращения городских поселений (городов и пригородов) в самостоятельные субъекты политической жизни, стремящиеся к независимости от княжеской власти.

Сама постановка вопроса о городской общине в Древней Руси до сих пор вызывает активные дискуссии. Одним из главных объектов полемики являются критерии определения сущности городской общины как социального явления, а также аутентичность источниковой базы.

Не касаясь напрямую вопроса о том, какими терминами описывалась в древнерусских источниках городская община, попробую предложить косвенные критерии наличия / отсутствия городской общинной организации.

Пример Новгорода, на мой взгляд, показывает, что таковым критерием может являться кончанско-уличанская структура. Анализируя тексты берестяных грамот и совокупный археологический свод данных, А.В. Арциховский предположил, что низовое первичное звено городской общины являлось совокупностью усадеб, расположенных на

данной улице; историк даже называет уличан «самоуправляющейся корпорацией»[584].

Эту идею поддержал и развил Я.Н. Щапов, проследивший эволюцию уличанской структуры в Новгороде в XIII—XIV вв.: «улицы» несли городские повинности по поддержанию в порядке мостовых, на средства «уличан» ставились церкви, представители «улиц» участвовали в переговорах с великим князем. Но особенно важным для нас представляется другой вывод ученого: «...в XI в. начальная организация новгородских улиц не отличалась значительно от существовавшей в других городах». Отсюда проистекает и главная мысль о том, что «...протоструктура уличанской организации не была новгородской особенностью, но имела более широкое распространение в древнерусских городах XI—XII вв.»[585].

О тесной связи уличанской структуры с организацией городских концов писал и Л.А. Фадеев, считавший, что концы складывались из низовых общинно-соседских организаций, в которые трансформировались первоначальные патронимии[586]. М.Г. Рабинович развил указанную мысль дальше, обратив внимание на связь кончанского устройства с сельской общиной, и предположил, что «кончанское устройство было, по-видимому, древнейшим городским устройством на Руси»[587].

Изучение материала и необходимые историографические предпосылки позволили А.Ю. Дворниченко со всей определенностью поставить вопрос о соотношении понятий «конец» и «городская община». По мнению исследователя, сформировавшаяся на обломках родоплеменной структуры городская община «имела кончанско-сотенную структуру. Самым низшим звеном этой структуры являлась уличанская община»[588]. Опираясь на сумму изложенных мнений, попытаюсь выделить следы кончанской организации в Киеве домонгольского времени.

Исследователями, изучавшими кончанскую структуру, был отмечен весьма любопытный факт. «Сведения письменных источников, — отмечал М.Г. Рабинович, — позволяют предположить, что местами собраний и вообще центрами кончанских сотенных и улицких организаций за-

частую являлись патрональные церкви...» В качестве аргумента в пользу своего предположения ученый сослался на тот факт, что «...новгородские концы, кроме широко известных в литературе названий, имели и другие (правда, менее употребительные) названия по патрональным церквам, что зафиксировано в печатях концов»[589].

Данный вывод целиком и полностью подтверждается на материалах средневековой Ладоги. По данным писцовых книг, город в самом начале XVI в. делился на пять концов. При этом городские районы были названы по имени близлежащих храмов и монастырей. Это позволило А.Н. Кирпичникову заключить, что «концы соотносились с определенными приходскими церквами. Иными словами, конец был тождествен приходу — и то и другое образовывали вместе самоуправляющуюся административно-территориальную единицу города»[590].

Все вышеприведенные наблюдения относятся к эпохе Средневековья. Имело ли место нечто подобное в городах древнерусского времени, в частности в Киеве? Для ответа на подобный вопрос необходимо вновь обратиться к планировке «города Ярослава». Осями главных улиц город делился на четыре части. Любопытно, что число храмов, расположенных на главной площади, также равняется четырем (включая Святую Софию). Речь идет о храмах Святого Георгия, Святой Ирины и безымянного храма на территории Митрополичьей усадьбы[591].

Все исследованные сооружения представляют собой постройки примерно одинаковых размеров, по особенностям строительной техники датируются XI в., что подтверждает свидетельство ПВЛ о единовременном возведении всего храмового комплекса. Любопытное известие относительно строительства одного из них — Георгиевского храма — содержится в рукописном Прологе XIV в. из собрания М.П. Погодина. Под 26 ноября читается: «В тот же день священие церкви святаго Георгия въ Киеве пред враты св. София. Блаженный и приснопамятный все Рускыя земля князь Ярославъ, нареченный в святем крещеньи Георгий, сынъ Владимеръ крестившего землю Рускую, брать же святою мученику Бориса и Глеба; се восхоте създати в свое имя свя-

того Георгия, да еже восхоте и створи; и яко начаша здати ю, и не бе многа делатель у нея; и се видевъ князь, призва тиуна: почто не много у церкве страждущихъ. Тиунъ же рече: понеже дело властельское, боятся людье трудъ подъимше найма лишены будуть. И рече князь: да аще тако есть, то азь сице створю. И повеле куны возити на телегахь в комары Златыхъ врать, и возвестиша на торгу людемь да возмут кождо по ногате в день. И бысть множство делающих. И тако вскоре сконча церковь и святи ю Ларионом митрополитомъ, месяца ноября въ 26 день»[592].

Факт массового участия горожан в строительстве церкви, стоявшей во главе одного из кварталов «города Ярослава», весьма примечателен. Напрашивается предположение — а не являются ли церкви, расположенные по углам главной площади, приходскими храмами прилегающих городских районов?

Из более поздних источников мы знаем, что такого рода сооружения являлись средоточием общественной жизни, возле них происходили кончанские веча, вблизи приходских церквей хоронили покойников. Характерно, что возле церкви, раскопанной Д.В. Милеевым, обнаружено обширное кладбище XI—XIII вв.; ряд погребений найден и в самом храме. При этом состав погребального инвентаря говорит о неоднородности социального состава погребенных[593].

Подобные некрополи в городской черте, датируемые XI—XIII вв., не являются чем-то исключительным. Археологическими исследованиями было установлено наличие захоронений в Софийском соборе[594] и вблизи него. Фрагментарные материалы, которые дошли до нас от исследований церкви вблизи Владимирской улицы, также говорят о том, что вблизи храма находилось кладбище[595].

Таким образом, мы можем говорить, что указанным храмам в большинстве своем соответствовали городские некрополи. Это дает основание предполагать, что перед нами — следы кончанской структуры, зафиксированные в границах «города Ярослава». Летописи называют в Киеве только Копырев конец, который современные исследователи отождествляют с обширной территорией, начинавшейся сразу же за Львовскими воротами «города Ярослава» и за-

нимавшей плато вдоль Вознесенского спуска, склонов Кудрявцы, в районе улицы Обсерваторной. Копырев конец имел собственную систему укреплений, синхронную валам «города Ярослава», а площадь всей укрепленной территории, согласно подсчетам П.П. Толочко, занимала около 40 га[596].

К сожалению, ограниченная часть археологически изученной территории лишает нас возможности более точно охарактеризовать его социально-топографическую структуру. Известно, что в XI в. Копырев конец активно застраивался. Как и в остальных частях древнего Киева, застройка была поусадебная; об усадьбах («дворах») говорят и известия о Копыреве конце в первой половине XII в. Речь идет о развалинах, открытых на перекрестке улицы Смирнова-Ласточкина и Кияновского переулка, а также в усадьбе художественного института[597]. Указанные храмы, видимо, являлись планировочными узлами данного района древнего Киева, выполняя ту же функцию, что и храмы «города Ярослава».

Суммируя наблюдения над социально-топографической структурой киевских районов, можно с уверенностью сказать, что материалы археологических исследований позволяют установить некоторые критерии, на основании которых мы можем говорить о складывании городской общины. Кончанско-уличанская структура прослеживается по материалам древнего Киева достаточно отчетливо. Следовательно, со второй четверти XI в. можно вести речь о начале второй фазы формирования волостной структуры — формировании в городе социальной организации нового типа — территориальной (соседской) общины.

Ее своеобразным дебютом в политической жизни Русской земли стали события 1068 г., неоднократно осмысленные в работах отечественных историков[598]. Наличие подробных историографических обзоров избавляет меня от необходимости развернутого комментария как высказанных мнений, так и событийной канвы[599]. Остановлюсь лишь на тех обстоятельствах, которые представляют несомненный интерес.

Во-первых, это роль веча в указанных событиях. Оно здесь выступило на первый план. Изгнание Изяслава и во-

княжение Всеслава — факт доселе беспрецедентный. Вплоть до указанного времени нам не известно ни одного факта посажения на стол князя вечевым решением. Следует согласиться с мнением И.Я. Фроянова, считающего, что «...киевская община выступает в сентябрьских событиях 1068 г. в качестве самостоятельной, вполне независимой от князя организации. Оно принимает решение о новой битве с половцами, изгоняет неудачливого князя и сажает на стол нового правителя»[600].

Конечно, княжеская власть в лице Изяслава не собиралась сдавать свои позиции без боя. После своего возвращения при поддержке поляков Изяслав устроил расправу над инициаторами освобождения Всеслава и «възгна торг на гору». Эта акция расценивается исследователями поразному. М.С. Грушевский одним из первых высказал предположение, что перенос торга преследовал цель поставить народные собрания под контроль княжеской власти[601]. Эта мысль в той или иной форме воспроизводилась в работах отечественных историков советского периода, рассматривавших перенос торга как не только репрессивную, но и своеобразную ограничительную меру, направленную против активности киевского веча[602].

А.А. Зимин предложил более оригинальную точку зрения. По его мнению, перенос торга «на Гору», то есть к княжеской резиденции, преследовал задачи не ограничения политической активности свободного киевского населения, а, наоборот, распространения на них своего покровительства[603]. Почти двадцать лет спустя И.Я. Фроянов выдвинет схожую идею: по его мнению, «...главное в переносе киевского торга заключалось, на наш взгляд, не в перемещении собственно торжища, а в переводе веча поближе к Св. Софии и княжеской резиденции — сакрально значимым местам города. Вече как бы вводилось в круг высших институтов, направлявших течение общественной жизни»[604].

Позже, в середине 2000-х гг., П.В. Лукин, опираясь на работу польского историка Я. Банашкевича о вечевых традициях балтийских славян, выступил с утверждением, что древнерусский торг, как и его западнославянские и балтийские аналоги, являлся местом санкционированных обще-

ственных контактов, в том числе и вечевых собраний. Следовательно, по мнению исследователя, акция Изяслава преследовала цель ликвидации самой инфраструктуры рыночных собраний[605]. С этой аргументацией отчасти согласился и В.В. Пузанов, указав на то, что действия Изяслава Ярославича — как репрессии против сторонников Всеслава, так и перенос торга — деморализовали киевскую общину[606].

В любом случае факт остается фактом: до событий конца XI в., связанных с ослеплением Василька, об активности киевлян на страницах летописи практически нет упоминаний. Следовательно, определенное снижение политической активности «киян» имело место.

Рассматривать же перенос Изяславом торга как уступку со стороны князя, приближение веча к княжеской резиденции[607] для второй половины XI в., на мой взгляд, несколько преждевременно. Ниже я постараюсь объяснить свою позицию.

Необходимо начать с того, что отождествление княжеского двора с территориями близ Софийского храма представляет собой одно из значительных историографических заблуждений второй половины XX в. Чтобы не быть голословным в этом утверждении, постараюсь более подробно аргументировать свою точку зрения.

По вопросу о локализации княжеского двора в литературе нет единого мнения. Начиная с М.Ф. Берлинского[608], «княж двор» локализовали в пределах «города Владимира». Эту точку зрения разделяли Н.В. Закревский, Н.И. Петров, В.А. Богусевич, М.К. Каргер, П.П. Толочко и С.Р. Килиевич[609]. Иная точка зрения восходит к мнению Н.А. Максимовича, размещавшего «княж двор» у стен Софии[610]. Сторонниками данного подхода являлись И.Е. Забелин, Н.И. Кондаков, А.В. Прахов, а в настоящее время — С.А. Высоцкий[611]. Как же соотносятся эти предположения с показаниями источников?

Действительно, сообщения о княжем дворе под 1068 г. говорят о том, что «княж двор» размещался в пределах «города Владимира»[612]. Начиная с XII в. на страницах летописей упоминается «великий двор» и «Ярославов двор». При этом

объединение этих определений зафиксировано только под 1150 г., когда Изяслав Мстиславич, в очередной раз заняв Киев, «...и Оугры позва со собою на обѣдъ и Кияны и ту обѣдавъ с ними на велицемъ дворѣ на Ярославли»[613]. Во всех остальных случаях «великий двор» и «Ярославль двор» употребляются как самостоятельные понятия[614]. Однако контекст их употребления дает основания утверждать, что описывают они одну и ту же княжескую резиденцию.

Отождествление княжого двора XI в., находившегося в «городе Владимира», с «великим двором» летописных текстов XII в., на мой взгляд, совершенно неправомерно. Напомню, что ключевым аргументом сторонников данной концепции является утверждение, что церковь Святого Василия, заложенная в 1183 г. Святославом Всеволодовичем на «...вѣлицемъ княжемь дворѣ...»[615], и церковь, которая была создана Владимиром Святославичем в 996 г., представляют собой один и тот же храм. Однако такое отождествление сталкивается с рядом вопросов.

Как явствует из текста летописного сообщения под 6691 г., речь шла о возведении новой постройки («...создань єи бывши Стославомъ Всеволожичемь...»), а не об обновлении старой[616]. Следовательно, Васильевская церковь, возведенная в 996 г., имела другое местоположение, вероятнее всего, в пределах «города Владимира».

Анализ полевой документации раскопок В.В. Хвойки 1907 г. дал основание Д.Д. Ёлшину предположить, что сооружение, открытое в 50 м к западу от северо-западного угла Десятинной церкви и в 30 м от северо-восточного угла галереи «западного» дворца, является остатками не светской, а культовой постройки[617]. По информации А.А. Спицына, сделавшего в свое время выписки из дневников В.В. Хвойки, в раскопе 17 был вскрыт слой камня со следами извести, который исследователь принял за мастерскую по обработке камня[618].

Опубликовавшая эту информацию Г.Ф. Корзухина предположила, что слой камня, скорее всего, являлся развалом монументального каменного сооружения[619]. В раскопе № 21 была выявлена стена из бороздчатого кирпича, датируемого не ранее XIII в. В кладке был отмечен вторично

использованный тонкий квадратный кирпич конца X в. (на основании этого Г.Ф. Корзухина предположила, что здание было ремонтировано в XIII в.). На соседнем участке № 20 Хвойкой были выявлены «...фундаменты какой-то гражданской постройки, прикрытые сверху двумя сплошными повалившимися один на другой слоями штукатурки, обрушившейся вместе со стенами здания. Лицевая сторона этой штукатурки оказалась украшенной богатой фресковой росписью»[620]. Дополнительная информация из дневников Спицына говорит о том, что на фресках были «...изображения нескольких человеческих фигур в натуральную величину» и орнамент[621]. На мой взгляд, следует согласиться с мнением Ёлшина, что «...фигуративный характер фресок может также указывать на то, что постройка была не аналогичной светским, а представляла собой культовую постройку, возможно небольшую церковь»[622].

На мой взгляд, есть основание рассматривать остатки этой постройки как следы той самой церкви Святого Василия, которая была возведена в 996 г. Полная идентичность строительных материалов из развалин постройки материалам Десятинной церкви является серьезным аргументом в пользу подобного предположения.

Кроме того, археологические исследования детинца не дают, на наш взгляд, оснований утверждать о наличии свободного пространства вдоль улицы Десятинной и к северо-востоку от нее, где С.Р. Килиевич размещала «великий двор»[623]. Здесь исследовательница, как мне представляется, вошла в противоречие с результатами собственных исследований: в ходе раскопок в 1970—1980-х гг. вдоль улицы Десятинной выявлена плотная застройка территории жилыми комплексами XI—XIII вв.[624]

Эти обстоятельства противоречат свидетельствам летописи об обширности «великого двора», на котором устраивались конные состязания[625]. Косвенным свидетельством в пользу локализации «великого двора» у стен Софии могут рассматриваться остатки обширной светской постройки, датируемой концом XI — началом XII в., которые расположены неподалеку от Ирининской церкви. Не исключено, что перед нами остатки княжеской резиденции XII в.[626]

Суммируя все наблюдения, хотелось бы сказать, что рассуждать о переносе места проведения вечевых собраний к сакрально значимому центру города — резиденции князя и собору Святой Софии после 1068 г. преждевременно сразу по нескольким причинам.

Во-первых, княжеская резиденция близ Софии («княж двор», «великий двор» или «двор Ярославль») возникает не раньше первой половины XII в. Во-вторых, к этому же времени относится появление практики вечевых собраний близ Софии, включая торжественное «посажение» князя на стол. Эти обстоятельства действительно говорят о возрастании роли веча и изменении его статуса. Но произойдет это только в эпоху Мономаха. В 1068 г. был сделан важный, но всего лишь первый шаг в деле превращения киевской политии в самостоятельный субъект политических отношений.

§ 3. Периферийные центры Русской земли и проблема титульных митрополий второй половины XI в.

Середина — вторая половина XI в. — это время консолидации городских общин ведущих городских центров Русской земли (Киева, Чернигова, Переяславля); превращение их в субъекты самостоятельной политики.

Киевский переворот 1068 г. возвестил наступление новой эпохи. Древнерусская волостная структура решительно выступила на авансцену истории, заставив с собой считаться. События 1068 г. уже рассматривались выше, поэтому здесь я хотел обратить внимание на следующие аспекты.

С одной стороны, факт изгнания Изяслава и посажения Всеслава означал конец монопольному праву княжеской корпорации в деле распределения столов. Отныне и после 1068 г. князья всегда будут вынуждены считаться с позицией городов в вопросе столонаследия. В качестве хрестоматийного примера может считаться случай в ПВЛ 6610 (1102) г., связанный с новгородским столом. Запись эта уникальна еще и тем, что в этом небольшом сюжете отра-

зились вся практика распределения власти в княжеской среде и те изменения, которым эта практика подвергалась. Согласно сведению автора ПВЛ, 20 декабря 1102 г. к Святополку пришло новгородское посольство. Причиной стал договор, заключенный между Святополком и Мономахом: «...бѣ бо Стополкъ с Володимером рядъ имѣлъ». Суть договора состояла в том, что в Новгороде должен был сесть сын Святополка Ярослав, а Мстислав Владимирович занять владимиро-волынский стол[627]. Новгородцы с таким решением не согласились, «...Стополкъ же многу прю имѣвъ с ними онѣм же не хотѣвшим», но новгородцы настояли на своем. Размен столов, предусмотренный междукняжеским соглашением, не состоялся, и позиция городской общины сыграла в этом деле решающую роль[628].

Пример, приведенный выше, относится к Новгороду, но сама история Русской земли демонстрирует схожие тенденции и для более раннего времени. События вокруг Чернигова 1078 г., связанные действиями Изяслава и Всеволода Ярославичей по выдворению из города Олега Святославича и Бориса Вячеславича. По свидетельству ПВЛ, «...и поидоша к Чернигову и Черниговци затворишася в градѣ Олег же и Борисъ [не] бяста Черниговцемъ же не отворившимся приступиша ко граду»[629]. И только после поражения Олега и Бориса в битве у Нежатиной Нивы черниговцы согласились принять на княжение сына Всеволода Владимира. Стоит, на мой взгляд, согласиться в оценке этого эпизода с И.Я. Фрояновым и А.Ю. Дворниченко, которые полагают, что события 1078 г. свидетельствуют «...о высоком уровне организации черниговской общины, о ее стремлении бороться с киевской общиной»[630].

Обретение Черниговом и Переяславлем статуса княжеских городов уже в середине XI в.[631] ускоряло их стремление к независимости от Киева. С учетом того факта, что столичный статус Киева был в первую очередь статусом сакрально-религиозным, логично предполагать, что именно в церковной сфере проявятся стремления к «автономизации». Подтверждение этого обстоятельства я усматриваю в факте существования в 1070—1080-х гг. независимых от Киева митрополий.

Сведения об этом встречаются в памятниках второй половины XI в., в первую очередь в «Сказании чюдес святою страстотьрпцю Романа и Давида»[632]. Повествуя о перенесении мощей святых князей, состоявшемся 20 мая 6580 (1072) г. в Вышгороде, «Сказание» указывает на то, что в церемонии участвовали, помимо князей Ярославичей «...митрополитъ Георгии Кыевский дроугый Неофить Черниговский и епископи Петръ Переяславскы и Никита Белгородскы и Михаилъ Гургевскы...»[633]. Интересно, что в самом тексте ПВЛ, созданном с привлечением материалов «Сказания», упоминание о черниговском митрополите опущено[634].

Несколько позднее, под 6597 (1089) г., упоминается также митрополия в Переяславле: «В се же лѣто сщена быс цркы стаг Михаила [Переяславьская] Єфрѣмом митрополитомь тоя цркы юже бѣ создалъ велику сущю бѣ бо преже в Переяславли митрополья»[635]. Это известие находит подтверждение в тексте Жития Феодосия Печерского, где сообщается несколько фактов из жизни Ефрема: «...по сих же (имеется в виду уход из монастыря Никона. — *Д. К.*) пакы Ефремъ каженник отиде въ Костянтин градъ и тоу живяше в единомъ монастыри, послѣже же изведенъ бысть и в страноу сию и поставлен бысть митрополитьмъ в городѣ Переяславли»[636].

Свидетельства о митрополитах вне Киева не остались без внимания историков, трактовки этих фактов весьма многообразны. В начале XX в. М.Д. Приселков высказал мысль о том, что учреждение Переяславской митрополии было акцией византийского правительства императора Михаила VII Дуки (1071—1078)[637]. Гораздо позднее историк вернулся к этому вопросу с учетом данных о черниговском Неофите (которые, по всей видимости, не были известны ему в 1913 г.), предположив, что введение еще двух митрополий на Руси, кроме киевской, было обусловлено появлением на свет триумвирата Ярославичей[638]. Эта идея получила дальнейшее развитие в трудах А. Поппэ, В. Водова и Я.Н. Щапова, согласившихся с идеей Приселкова о том, что появление «титульных» (по определению А. Поппэ) митрополий связано с соправительством Ярославичей[639]. Опуская здесь вопросы, связанные с асинхронностью сви-

детельств существования черниговской и переяславской митрополий, хотелось бы подчеркнуть, что на пространстве 1072—1085 гг. факт существования трех русских митрополий не вызывает сомнения.

Это лишний раз подчеркивает возвышение статуса Чернигова и Переяславля и их стремление к автономии от Киева. С учетом того, что сакральный статус Киева как города-митрополии был основой его доминирования, появление митрополий (даже и титульных) в двух других городах Русской земли означало подрыв киевского домината в Южной Руси в целом. Киевская община как могла противилась тенденциям к расчленению волостной территории, окончательному и бесповоротному выделению Чернигова и Переяславля в самостоятельные политии.

§ 4. «Киевский сеньорат» Всеволода Ярославича: крах династического проекта

В результате всех вышеописанных событий к концу 1070-х — началу 1080-х гг. в Русской земле сложилась следующая ситуация. С одной стороны, возвышающаяся община Чернигова стремится во что бы то ни стало освободиться от доминирования Киева, делая ставку на потомков Святослава Ярославича. С другой стороны, киевляне, опираясь на поддержку князя Всеволода Ярославича, стараются не допустить падения киевской гегемонии в Русской земле и, следовательно, распада мультиполитии.

Гибель Изяслава Ярославича в 1078 г. окончательно утвердила Всеволода на киевском столе. Как последний представитель первого поколения Ярославичей, Всеволод получил уникальный шанс воплотить в жизнь завещание отца как своеобразный «политический проект» киевского сеньората.

Чтобы данное утверждение не выглядело голословным, попробую проиллюстрировать свою мысль, обратившись к конкретному материалу.

Основной точкой активности политики Всеволода после смерти его брата Изяслава стало Черниговское княжение.

Напомню, что после переговоров с вернувшимся из Польши Изяславом Всеволод не стал возвращаться в Переяславль, предпочтя сохранить за собой черниговский стол[640]. Олег же, по свидетельству ПВЛ, был у Всеволода в Чернигове[641]. Вероятнее всего, Олег Святославич предпринял попытку добиться отчего стола, но его действия не увенчались успехом, о чем говорит его бегство от Всеволода в Тмутаракань.

Дальнейшие события также представляют для понимания политики Всеволода несомненный интерес. На протяжении 6587 (1079) г. произошли события, касающиеся двух Святославичей: Романа и Олега. Роман, по свидетельству ПВЛ, пытался чего-то добиться от Всеволода при помощи половцев, однако благодаря усилиям киевского князя «...створи миръ с Половци». В итоге «...и възвратисѧ Романъ с Половци въспѧть [и] бывшю ѥму оубиша и Половци мсца августа в днь». Практически сразу же летопись сообщает о том, что Олега Святославича «...емше [Козаре] поточиша и за море Цсрюграду»[642].

Это обстоятельство вкупе с гибелью Глеба Святославича[643] заставляет предположить определенную закономерность в данных действиях: на протяжении года с политической сцены сошли (в двух случаях — безвозвратно) трое из претендентов на черниговский стол. Таким образом, к началу 1090 г. ни одного из потомков Святославичей (за исключением, может быть, Давыда[644]) в пределах Русской земли не осталось. К этому моменту распределение столов в Русской земле выглядело следующим образом: сам Всеволод княжил в Киеве, Владимир Всеволодович — в Чернигове, а Переяславль, вероятнее всего, оставался в руках Ростислава Всеволодовича[645].

Таким образом, после 1079 г. в Русской земле фактически воспроизводится ситуация последних лет княжения Ярослава: князь-отец сидит в Киеве, под контролем его сыновей находятся два других значительных княжеских стола Русской земли. Последняя оказывалась, таким образом, под полным контролем семейства Всеволода.

Рискну предположить, что результаты такой политики последнего из Ярославичей явились не только результатом

его собственных усилий, но и результатом поддержки со стороны городской общины Киева. Стремления Всеволода сохранить под контролем своего клана *всю* Русскую землю одновременно означали и сохранение гегемонии Киева, достигнутой в эпоху Владимира и Ярослава[646]. Эта политика на тот момент объективно совпала с настроением жителей киевского города-государства, поэтому поддержка киевлян оказалась на стороне Всеволода. Это и обусловило результаты его политики.

Смерть Всеволода Ярославича и вокняжение Святополка означали для Южной Руси смену исторических эпох. Вместе со Всеволодом в небытие ушло не только первое поколение Ярославичей, но и сама система отношений, созданная рядом 1054 г. Совокупность имеющихся на сегодняшний день фактов позволяет согласиться с мнением, высказанным А.П. Толочко, что политический порядок, сформированный рядом 1054 г., действовал только в среде сыновей Ярослава и не распространялся на его внуков[647]. Обширному княжескому потомству конца XI в. необходимо было создавать новые механизмы регуляции собственных взаимоотношений.

§ 5. Любечский съезд и его значение в истории Русской земли

События начала 1090-х гг., развернувшиеся на территории Русской земли, прямо говорят о кризисе «династического проекта» Всеволода Ярославича. Попытка претворения в жизнь «киевского сеньората», опирающегося на ряд 1054 г., наталкивалась сразу на два серьезных препятствия. Это, во-первых, не только родовые, но и семейные претензии князей на столы и, во-вторых, набирающие силу тенденции к обособлению частей Русской земли, особенно Черниговщины.

Наглядным подтверждением этого тезиса стала ожесточенная борьба за черниговский стол, вспыхнувшая сразу по смерти Всеволода. Мономах после кончины отца вынужден был оставить киевский стол старшему двоюродному брату Святополку[648]. Причина таких действий кроется не столько

в «братолюбии» переяславского князя и его нежелании нарушать устоявшийся порядок, сколько, по-видимому, в существовавшей договоренности между Изяславом и Всеволодом относительно судеб киевского стола[649].

Подтверждение Мономахом права Святополка на Киев привело к возобновлению династических претензий Святославичей, в частности Олега, которые начались уже в 1094 г. В этот год Олег вернулся из Тмутаракани и добился возвращения черниговского стола[650]. Упорство, с которым как Всеволод Ярославич, так и Мономах стремились удержать в своих руках черниговский стол, не может не вызывать пристального интереса. Чем было обусловлено такое стремление? Ведь по ряду 1054 г. Чернигов был закреплен за Святославом, и Всеволод, равно как и его потомки, не мог иметь на него династических прав.

Как мне представляется, помимо стремления Всеволода реализовать проект «киевского сеньората» и желания Киева сохранить гегемонию в Русской земле, присутствовало еще одно обстоятельство.

Киевское княжение Святослава Ярославича (1073—1077) создало прецедент, в результате которого Чернигов стал рассматриваться как второй по статусу город Русской земли. Черниговское княжение открывало дорогу к киевскому столу. На мой взгляд, именно княжение Святослава сформировало иерархию городов Среднего Поднепровья, просуществовавшую до начала XII в.[651]

Именно против этой тенденции в политике потомков Всеволода — оттеснения Святославичей от киевского стола — и боролся Олег. Дальнейшие события 1094—1096 гг. прошли в непрерывной борьбе старшего Святославича со Святополком и Мономахом.

Однако в условиях усилившегося с конца XI в. натиска половцев на южнорусские рубежи[652] продолжение междоусобной борьбы создавало угрозу безопасности Русской земле. Анализ русско-половецких столкновений, начавшихся с момента вокняжения Святополка (1093—1096 гг.), наглядно показывает, что, выступая разобщенно и действуя «от обороны», русские рати раз за разом упускали из рук стратегическую инициативу[653].

Внезапный прорыв орды Боняка под стены днепровской столицы в 1096 г.[654] стал последней каплей, переполнившей чашу терпения жителей Русской земли, тем более что это произошло на фоне развернувшейся борьбы Олега Святославича с коалицией своих двоюродных братьев.

В этой обстановке в 1097 г. и собирается Любечский съезд. Он относится к числу явлений, получивших в исторической литературе широкое освещение. Если рассматривать сложившуюся с середины XIX в. историографическую традицию, то можно сделать следующий вывод: исследователи либо приписывали съезду значение эпохального события, радикально повлиявшего на политическую историю Руси[655], либо, напротив, были склонны считать Любечский съезд мало значимым событием политической истории конца XI — начала XII в.[656]

Особо стоит сказать о позиции И.Я. Фроянова, который считает, что «договоренность князей в Любече регистрировала... распад "Русской земли" на Киевскую, Черниговскую, и Переяславскую городские волости»[657]. В новейшей историографии вопроса эту точку зрения развивает В.В. Пузанов, склонный видеть в решениях Любечского съезда оформление нового триумвирата Киева, Чернигова и Переяславля, направленного против половецкой угрозы[658].

Более внимательное изучение обстоятельств съезда 1097 г. и политической обстановки того времени позволило ряду историков в последние десятилетия сформулировать интересные наблюдения. В свое время еще М.П. Погодин обратил внимание на то, что «Святослав владел Киевом не по праву, а как похититель при жизни старшего брата... Его княжения как будто не бывало... Киев, следовательно, за преждевременное пользонаслаждение, не должен был уже принадлежать его потомству». По мнению Погодина, в междукняжеских отношениях существовал «особый закон, по которому князь за вину лишался своего удела... Этот закон, вероятно, Изяслав и Всеволод распространили и на племянников своих Святославичей». Именно благодаря применению этого закона Святославичи лишились прав на Киев[659].

Гораздо времени спустя М. Димник обратил внимание на то, что по итогам Любечского съезда Олег Святославич

утратил свой статус в роду, будучи перемещен ниже своего брата Давыда[660]. А.В. Назаренко полагает, развивая эту мысль, что «...любечские решения хоть и возвращали Святославичам Чернигов, но при этом исключали их из череды киевского столонаследия...»[661]. К этим же выводам независимо пришел и В.В. Пузанов[662].

Подводя предварительные итоги истриографических наблюдений над проблемой Любечского съезда, можно констатировать факт, что распространенная в советской исторической науке версия об эпохальном значении принятых на съезде решений далеко не соответствует современному состоянию изученности вопроса.

Весь 1096 г. для Русской земли прошел в ожесточенной борьбе между Олегом Святославичем с одной стороны и Святополком, Мономахом и его сыном Мстиславом — с другой. На фоне постоянных военных успехов половцев приходило отчетливое осознание того, что дальнейшее продолжение княжеских усобиц чревато непредсказуемыми последствиями. В этой обстановке в 1097 г. и собирается Любечский съезд. Его главной задачей было не создание «на века» нового политического порядка, а прекращение междукняжеских усобиц и консолидация сил для борьбы с половцами.

В результате событий 1097—1100 гг. произошло оформление нового триумвирата в рамках Русской земли. В состав этого триумвирата, как и во времена первых Ярославичей, вошли киевский, черниговский и переяславский князья: Святополк, Владимир и Давыд[663]. Как следует из постоянного упоминания князей на пространстве летописных сводов за период конца XI — начала XII в.[664], в статусе черниговской княжеской корпорации произошли серьезные изменения. Согласно аргументированному мнению М. Димника, Олег Святославич был старшим в роду Святославичей[665]. Однако по итогам съезда Чернигов достался не ему, а младшему Давыду.

В чем причина такого решения? Распространено мнение, что подобный шаг явился своеобразным «наказанием» Олега со стороны Святополка и Владимира за отказ участвовать в антиполовецкой коалиции и разжигание усобиц в начале 1090-х гг. XI в. Есть и более интересные мне-

ния. К примеру, А.В. Назаренко считает, что «центральной проблемой на съезде было определение статуса Святославичей применительно к традиционному порядку наследования киевского стола согласно генеалогическому старшинству и отчинности»[666]. Сделать это можно было, по мысли ученого, только признанием нелегитимности княжения Святослава. То есть понижение статуса Олега явилось своеобразной «расплатой» за проступок его отца (как тут не вспомнить замечание М.П. Погодина более чем полуторавековой давности![667]).

Стоит, на мой взгляд, в оценке понижения статуса Олега прислушаться и к мнению В.В. Пузанова. По его мнению, запутывание генеалогических счетов в семействе Святослава было предпринято вполне сознательно: «После смерти Святополка Давыд не мог занять Киев, поскольку не был старейшим в среде Святославичей, а старейший, Олег, не мог занять, так как фактически в семейной иерархии уступил место Давыду»[668].

Какие же последствия имела подобная рокировка? Во-первых, менялась политическая ситуация во всей Южной Руси. Перечни князей-триумвиров, о которых уже упоминалось выше, показывают, что черниговская корпорация в лице Давыда оказалась отодвинута на третье место, а второе занял Мономах. Конечно, есть соблазн отнести эти изменения к конъюнктурной правке текста третьей редакции ПВЛ в угоду Мономаху[669]. Однако подобный распорядок старшинства отмечен в независимых от ПВЛ источниках. Речь в первую очередь идет о «Житии и хождении Даниила Русьскыя земли игумена», созданном в начале XII в.[670] В тексте памятника содержится уникальный перечень русских князей, которых Даниил вписал в синодик «...в лавр҃ у святаго Савы; и нын҃ поминаются имена их во октении, с женами и д҃тьми их. Се же имена их: Михаилъ Святополкъ, Василие Владимеръ, Давыдъ Святославич, Михаилъ Олегъ, Панъкратие Святославич, Гл҃бъ Менский»[671].

Показательно, что в большинстве редакций «Хождения» (М.А. Веневитиновым были выявлены три полные и две сокращенные редакции)[672] Давыд и Олег Святославичи упомянуты именно в таком порядке старшинства[673]. Поэтому

стоит согласиться с теми исследователями, которые полагают, что в княжеском перечне «Хождения» отразилась действительная княжеская иерархия начала XII в.[674] Но на деле изменилась не только расстановка сил среди княжеских кланов потомства Ярослава. Возвышение Мономаха означало вместе с тем и возвышение Переяславля, то есть изменение его статуса.

Удачные походы в степь 1103—1111 гг. позволили переломить стратегическую ситуацию в пользу Руси, оттеснив половецкие орды далеко от русских границ. Помимо всего прочего, победы, одержанные над половцами, способствовали росту авторитета Владимира Мономаха как одного из инициаторов этих мероприятий, поднимая также статус возглавляемой им Переяславской земли. Иерархия городов и волостей меняется, выдвигая на второе место после киевского стола переяславский.

Любечский съезд имел, по моему мнению, также и другие, скрытые последствия. Будучи задуман как средство решения текущих внутри- и внешнеполитических задач, он ввел в политическую практику понятие отчины, тем самым легитимизировав его. Можно без преувеличения сказать, что во многом благодаря любечским событиям понятие семейного владения начало существовать отдельно от общеродового. Правда, самими князьями в то время оно осознавалось и применялось крайне неустойчиво.

Провозглашение Киева отчиной потомков Изяслава, как мне представляется, не несло такого фатального смысла, как это видит А.П. Толочко. Важность момента мне видится в другом — на Любечском съезде впервые была сформулирована возможность восприятия киевского стола как отчины (и не только потомками Изяслава Ярославича). Устроители съезда отчасти это предвидели, выстроив систему междукняжеских отношений таким образом, чтобы вывести из сферы династических прав на Киев Святославичей. Однако, активно помогая Святополку в деле ослабления Святославичей, Мономах тем самым расчищал путь себе и своему потомству к киевскому столу.

Очевидность этого факта подтверждается событиями, развернувшимися после смерти Святополка. С его кончи-

ной в 1113 г. ушла в небытие не только эпоха второго триумвирата. Итогом призвания Мономаха на киевский стол стало не только признание заслуг переяславского князя в глазах населения Русской земли, но повышение статуса Переяславля[675].

В итоге решения Любечского съезда подготовили фактический распад Русской земли на отдельные составляющие: Киевскую, Черниговскую и Переяславскую земли. Чернигов оказался на последнем месте, и это стремление отдалить мятежную землю и ее правителей на периферию от киевского стола возымело долгосрочные последствия. Понижение статуса Святославичей означало, по справедливому мнению А.В. Назаренко, фактическое превращение их в князей-изгоев[676]. На фоне дальнейшего обособления Черниговщины это давало мощный импульс центробежным тенденциям, которые в полный голос заявят о себе во второй четверти XII в.

Глава 5

МОНОМАХ И ЕГО ПОТОМКИ: ПОСЛЕДНИЕ КНЯЗЬЯ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

§ 1. Консолидация Русской земли как «династический проект» Мономаха

Большое значение в истории Русской земли начала XII в. сыграли события в Киеве 1113 г., приведшие к вокняжению Владимира Всеволодовича Мономаха.

Подробности этих событий сообщают два источника. Первый из них — это продолжение ПВЛ по Ипатьевскому списку; здесь под 6621 г. сообщается: «...приспѣ праздникъ пасхы и празьноваша и по празницѣ разболися князь а преставися благовѣрныи князь Михаилъ зовемыи Столпкъ мсца априля въ si днь за Вышегородомъ и привезоша и в лодьи Киеву и спрятавше тѣло его и възложиша на санѣ и плакашеся по немь бояре и дружина его вся пѣвше над нимь обычныя пѣсни и положиша въ цркви стго Михаила юже бѣ самъ создалъ княгини же его много раздили бгатьство монастыремъ и попомъ и оубогымъ яко дивитися всѣмъ члвкомъ яко такоя млсти никтоже можеть створити. Наоутрия же въ семы на і днь свѣтъ створиша Кияне послаша к Володимеру глюще поиди княже на столъ отенъ и дѣденъ се слышавъ Володимеръ плакася велми и не поиде жаля си по братѣ. Кияни же разъграбиша дворъ Путятинъ тысячького идоша на Жиды и разграбиша я и послашася паки Кияне к Володимеру глюще поиди княже Киеву аще ли не поидеши то вѣси яко много зло оуздвигнеться то ти не Путятинъ дворъ ни соцькихъ но и Жиды грабити и паки ти поидуть на ятровь твою и на бояры и на манастырѣ и будеши отвѣтъ имѣлъ княже оже

ти манастырь разъграбять се же слышавъ Володимеръ поиде в Киевъ»[677].

Дополняют эту информацию показания второго источника — «Сказание о Борисе и Глебе»: «И Стоплъкоу преставивъшю ся на въторое лѣто по оустроение цркве тоя и многоу мятежю и крамолѣ бывъши въ людьхъ и мълвѣ не малѣ и тъгда съвъкоупивъше ся вси людие паче же большии и нарочи тии моужи шедъше причьтъмь всѣхъ людии и моляху Володимира да въшедъ оуставить крамолоу соущюю въ людьхъ и въшьдъ оутоли мятежь и гълкоу въ людьхъ и прея княжение всея роусьскы земля»[678].

Наличие этих источников, по-разному освещающих апрельские события 6621/1113 г., определяет и состояние историографической ситуации вокруг изучаемых событий. Достаточно большой разброс мнений обусловлен как раз тем, какой из вышеупомянутых источников определялся исследователем в качестве основного и достоверного.

Еще С.М. Соловьев, а вслед за ним и М.С. Грушевский, опираясь на данные Ипат., полагали, что решение об избрании Мономаха на киевский стол было результатом вечевого решения *всех* киевлян[679]. Однако уже в начале XX в. М.Д. Приселков, отталкиваясь от сообщений «Сказания», предположил, что приглашение Мономаха на княжеский стол «...исходило... именно из кругов “больших и нарочитых мужей” и монастырей, а не ото всех киян, как изображает летопись»[680].

Оценка событий 6621/1113 г., сформулированная М.Д. Приселковым, возобладала в советской исторической литературе. По мнению большинства советских историков, приглашение Мономаха на киевский стол явилось инициативой киевского боярства[681]. Эта точка зрения продолжала оставаться господствующей в течение длительного времени; ее ревизия стала возможной только в 1980-х гг., когда И.Я. Фроянов и А.Ю. Дворниченко убедительно показали, что решающую роль в призвании Мономаха сыграли «кияне», а не верхушка городской аристократии[682].

Эта точка зрения впоследствии была конкретизирована И.Я. Фрояновым. По мнению историка, «...события 1113 г. отразили возросшую силу киевской вечевой общины, само-

стоятельно распоряжающейся местным княжеским столом, независимо от правил, установленных княжеским сообществом; приглашение Мономаха на княжение в Киев шло, несомненно, вразрез с постановлениями Любечского съезда»[683]. Данная И.Я. Фрояновым оценка призвания Мономаха помогает, на мой взгляд, оценить последствия апрельских событий 1113 г. под иным, отличным от общепринятого углом зрения.

В историографии вопроса вокняжение Мономаха рассматривалось преимущественно через призму социально-экономической проблематики. В этой системе координат народные восстания в Киеве толковались как главная предпосылка принятия «Устава Владимира Всеволодовича» (в составе Пространной редакции Русской правды). Отмечались также и политические последствия Мономахова вокняжения. Так, указывалось на то, что в ходе протестных акций в днепровской столице киевская полития во весь голос заявила о своем исключительном праве распоряжаться киевским столом[684]. При этом, выбирая угодного себе князя, киевская полития проигнорировала важнейшие междукняжеские соглашения, в первую очередь — постановления Любечского съезда.

В этом демонстративном игнорировании, на мой взгляд, кроется еще одна причина приглашения Мономаха. Ниже я постараюсь развить эту мысль более подробно. То, что в основе протестных настроений «киян» лежало недовольство социальной политикой Святополка, — факт, не подлежащий сомнению. Однако, помимо этого, как мне думается, у киевлян были и иные мотивы.

Чтобы выяснить, каковы были эти мотивы, необходимо напомнить об итогах Любечского съезда. Ключевым моментом его решений стало урегулирование междукняжеских отношений. Это нашло свое выражение в возрождении «триумвирата», который постоянно упоминается на страницах ПВЛ сочетанием «Святополк, Владимир и Давыд».

Однако триумвират Святополка, Владимира и Давыда не воспроизводил ситуацию правления их отцов. Триумвират старших Ярославичей существовал при четко обозначенном старейшинстве Изяслава, что являлось ключевым положе-

нием «ряда Ярослава». В ситуации же конца XI — начала XII в. ничего похожего не наблюдается. Еще А.Е. Пресняков отмечал, что в тексте постановления Любечского съезда отсутствует представление о старейшинстве киевского князя над всем Ярославовым потомством (В.В. Пузанов также подчеркивает равноправный характер нового триумвирата)[685].

Из всего вышеперечисленного следует, что система династического старейшинства, созданная завещанием Ярослава, после 1097 г. перестает функционировать. В чем же кроется причина такого развития событий?

Для того чтобы урегулировать династические и владельческие интересы князей-триумвиров, Киев был закреплен за потомками Изяслава Ярославича: «...кождо да держить отчину свою Стополкъ Кыєвъ Изяславль...»[686] Еще М.С. Грушевский, анализируя решения Любечского съезда, отмечал, что «соответственно тому Киев должен был быть наследственной волостью линии Изяслава и ничто не указывает на то, чтобы за Киевом было впредь признано какое-то исключительное положение»[687]. А.Е. Пресняков был настроен более решительно в оценке последствий Любеча: «...решительно выражено начало раздельного, отчинного владения, даже Киев назван Изяславлим и достается Святополку как его отчина, а не в силу старейшинства среди князей»[688].

По мнению В.В. Пузанова, отказ от старейшинства был обусловлен первочередной задачей Любечского съезда — консолидацией сил южнорусских земель перед лицом половецкой опасности. Вместе с тем Черниговская и Переяславская земли, по мнению исследователя, уже созрели для того, чтобы выйти из-под власти Киева. Предотвратить нарастание центробежных тенденций «...было возможно только при соблюдении принципа ststus quo. Поэтому съезд закрепил юридически сложившееся соотношение сил между князьями — с одной стороны, отдельными федерациями и волостями — с другой»[689].

Как видно, исследователи достаточно единодушны в своих оценках последствий Любечского съезда: провозглашение киевского стола отчиной Изяславичей означало упразд-

нение династического старейшинства, созданного «рядом Ярослава». Следует согласиться с замечанием А.Е. Преснякова, что «падение старейшинства означало, вместе с тем, и падение статуса Киева как стольного города».

Но есть и иные точки зрения. Так, А.П. Толочко полагает, что в результате Любечского съезда «...верховная власть, положение принцепса, таким образом, отныне должно было принадлежать только одной линии разросшегося рода Рюриковичей. Вместе с Киевом, следовательно, за Изяславичами закреплялось и политическое верховенство на Руси, становящееся их наследственной прерогативой»[690]. Фактически исследователь говорит о своеобразной «приватизации» политического лидерства в рамках Русской земли. Однако, на мой взгляд, подобное предположение не находит опоры в источниках. Если следовать логике вышеизложенной концепции, то тогда за Святополком, по аналогии со статусом его отца, должен был закрепиться титул «брата старейшего». Но подобное явление не зафиксировано источниками: о старейшинстве Святополка во время его киевского княжения источники молчат.

Более того, события 1097 г., когда против Святополка, поддержавшего Давыда Игоревича в деле ослепления Василька, выступила объединенная коалиция Мономаха и Святославичей, как раз говорят о низком авторитете киевского князя, и уж тем более об отсутствии у него статуса «старейшего». Показательно, что даже киевская полития отказалась поддержать своего князя в этом конфликте и инициировала переговоры о мире с коалицией Мономаха.

Следовательно, решение Любечского съезда говорит лишь об уравнивании статуса киевского стола со столами черниговским и переяславским (в этом смысле предположение В.В. Пузанова наиболее близко к истине). Это означало фактическое падение общединастического статуса Киева и его значения как главного города Русской земли. Можно сказать, что решение Любечского съезда стало первым шагом к распаду мультиполитийной структуры под названием Русская земля с последующим выделением Киевской, Черниговской и Переяславской земель в самостоятельные политические единицы.

Представляется, что киевская полития не пребывала в восторге от перспектив утраты влияния и превращения Русской земли в землю Киевскую. Поэтому, призывая Мономаха, киевляне достигали сразу двух целей. Во-первых, они получали на своем столе энергичного и инициативного князя, гаранта сохранения своего главенствующего статуса. Во-вторых, призванием Мономаха фактически были денонсированы Любечские соглашения в части статуса Киева. Его общерусское значение было вновь восстановлено. Это оказало большое влияние на последующее развитие Русской земли.

Вокняжение Мономаха в Киеве открыло для него возможности к возобновлению политики его отца. Речь идет о так называемом «династическом проекте» Всеволода Ярославича, предусматривавшем установление контроля над Русской землей силами одной княжеской семьи. Попытка реализации этого проекта в 1080-х гг. в конечном итоге вызвала масштабный династический кризис; главной движущей силой стали обделенные Всеволодом Святославичи.

Став киевским князем, Владимир Всеволодович не повторил ошибок своего отца. Мономаху были памятны события борьбы за Чернигов с Олегом Святославичем, которые он запечатлел на страницах «Поучения»[691]. Поэтому одним из ключевых аспектов Мономаховой политики стал благожелательный нейтралитет по отношению к Святославичам.

Первоочередной задачей Владимира как киевского князя стало восстановление или укрепление власти Киева над «внешней Русью». На протяжении 1114—1125 гг. под безусловный контроль Киева возвращаются Смоленск[692] и Владимир-Волынский[693]. Вывод Глеба Всеславича из Минска укрепил позиции смоленского стола с западного направления, а перевод Мстислава в Белгород и посажение в Новгороде Всеволода Мстиславича[694] восстановили контроль Киева над Новгородом и территориями, соединяющими эти политии.

Подводя итоги «проекту Мономаха», можно сказать, что замыслы по восстановлению политического единства Русской земли успешно претворялись в жизнь. С учетом вокняжения на северо-востоке Юрия Владимировича[695] можно утверждать, что к середине 1120-х гг. власть киевского

князя вновь раздвинулась до пределов эпохи Владимира Святого.

К этому времени вне прямого подчинения днепровской столицы остались лишь черниговские земли. Вероятно, Давыд и Олег Святославичи, окруженные со всех сторон Мономашичами и вдобавок лишенные в результате династической рокировки Любечского съезда возможности претендовать на Киев, не вызывали у Мономаха серьезных опасений. Несомненно, киевская полития сделала верный выбор, вручив Мономаху судьбу киевского стола. Энергичная политика старшего Всеволодовича восстановила и упрочила позиции главного города Русской земли.

Однако призванием Владимира Всеволодовича был инициирован еще один процесс, некоторое время остававшийся в тени. Речь идет о фактическом восстановлении общекняжеского статуса Киева. Завершение эпохи династической обособленности стольного города оживило чаяния и надежды младших потомков Ярослава. Всеволод Ольгович увидел в этом шанс покончить с «изгойством» своей семьи.

§ 2. На пороге кризиса: итоги киевского княжения Мстислава Владимировича

Примечательно, что все эти события начали свершаться сразу же после вокняжения Мстислава Владимировича. Мономах, скончавшийся на киевском столе в преклонном возрасте, имел все причины гордиться тем, что сумел реализовать замыслы своего отца. Конечно, планы Всеволода Ярославича отличались от тех, которые удалось претворить в жизнь его старшему сыну. Владимир Всеволодович не повторил ошибок отца и не стал ввязываться в противоборство с черниговскими Святославичами. Открытой вооруженной борьбе он предпочел дипломатическую нейтрализацию путем удачной династической рокировки. При этом Мономаху удалось сохранить под властью Киева Новгород, Смоленск и Волынь, а также закрепиться на далекой от днепровских берегов Ростовской земле. Это наследие и досталось старшему Мономашичу, восприявшему киевский стол после отца.

О вокняжении Мстислава летописи сообщают достаточно лаконично. Однако в этой лаконичности присутствуют определенные разночтения, представляющие, на мой взгляд, несомненный интерес:

Лавр.	**Ипат.**	**Новг. I лет.**
В лѣт 6633 [1125] И сѣде Кыевѣ Мстиславъ снъ его старѣишии княжа с кротостью а Ярополкъ брат его иде Переяславлю[696].	В лѣто 6634 [1126]... Мьстиславъ старѣишии снъ его сѣде на столѣ в Киеви отца мѣсто своего маия въ к[697].	В лѣто 6633 [1125] преставися Володимиръ Великыи в Киевѣ, сынъ Всеволожь; а сына его Мьстислава посадиша на столѣ отнѣ[698].

Если Лавр. и Ипат. используют традиционные формулировки в определении процедуры престолонаследия — «И сѣде Кыевѣ Мстиславъ» / «Мьстиславъ <...> сѣде на столѣ в Киеви» — то НІЛ указывает на то, что «Мьстислава посадиша на столѣ отнѣ». И.Я. Фроянов и А.Ю. Дворниченко полагают, что «...слово “посадиша” свидетельствует о вечевом избрании Мстислава великим князем»[699]. На мой взгляд, вполне вероятно, что НІЛ говорит о волеизъявлении киевлян, посадивших Мстислава на стол так же, как и его отца в 1113 г.

Подтверждение этому предположению можно найти и в действиях Мстислава, которые логично продолжали политику Мономаха по укреплению влияния Киева как политического центра Русской земли и борьбе с половецкой опасностью. Так, Мстиславом был организован грандиозный поход на Полоцкую землю, отличавшуюся со времен Всеслава Брячиславича известной автономностью по отношению к Киеву. Поход закончился пленением и высылкой в Византию полоцких князей, а в Полоцке вокняжился Изяслав Мстиславич.

О действиях Мстислава по защите южнорусских рубежей от половцев конкретики гораздо меньше. Спустя много лет после кончины Мстислава Владимировича киевский летописец сравнил его действия с действиями Мономаха: «...зане бяхоу бо тогда налегли Половци на Роусь и томоу стояшеть бьяся с ними ся перемагаяся се бо Мьстиславъ

великыи и наслѣди отца своего потъ Володимера Мономаха великаго Володмиръ самъ собою постоя на Доноу и много пота оутеръ за землю Роускоую а Мьстиславъ моужи свои посла загна Половци за Донъ и за Волгоу за Гиикъ и тако избави Бъ Роускоую землю от поганыхъ»[700].

Летописный нарратив наглядно подтверждает сформулированное выше предположение о том, что политика Мстислава Владимировича являлась продолжением политики его отца. И точно так же Мстислав пользовался популярностью среди киевлян, о чем свидетельствует факт вечевого подтверждения его прав на киевский стол после кончины Мономаха. Показательны примеры из области взаимодействия князя и веча: Изяслав Ярославич переносит торг с Подола на Гору, стремясь снизить не контролируемую княжеской властью вечевую активность жителей Подола. Мстислав же, напротив, возводит на подольском Торговище церковь Успения Богородицы, ставшую главной святыней нижнего города[701]. Эта акция свидетельствует о возросшем авторитете и значении городской общины Киева, с которой считался один из самых влиятельных князей Русской земли[702]. Именно поддержка киевлянами политики Мстислава и обеспечила, на мой взгляд, успех внутри- и внешнеполитических акций последнего.

Однако именно в княжение Мстислава Владимировича начинается борьба черниговских князей за восстановление отчинных прав, нарушенных Любечским съездом. Под 6636 ультрамартовским (Ипат.) и под 6635 мартовским (Лавр.) годами[703] читается сообщение об изгнании Всеволодом Ольговичем из Чернигова своего дяди Ярослава Святославича:

Лавр.	**Ипат.**
выгна Олговичь Всеволодъ своего стры[я] Ярослава ис Чернигова и дружину его исѣче и разграби[704].	Ольговичь Всеволодъ я стръя своего Ярослава Черниговѣ изъѣхавъ а дружину его исѣче и разъграби[705].

Как явствует из дальнейшего повествования (с незначительными разночтениями, передаваемыми Ипат. и Лавр.), Мстислав со своим братом Ярополком начал приготовления к военной акции в поддержку изгнанного Ярослава.

Готовясь к грядущему столкновению, Всеволод Ольгович решил опереться на половецкую помощь, однако эта попытка успехом не увенчалась. От неминуемого поражения старшего Ольговича спасли два фактора — активная дипломатия, нацеленная на окружение Мстислава[706], и позиция игумена Андреевского монастыря Григория, разрешившего Мстислава от крестоцелования Ярославу.

Назревавший конфликт между ключевыми фигурами — правителями Русской земли (киевским и переяславским князьями, с одной стороны, и черниговским — с другой), способный взорвать политическую ситуацию и вернуть Среднее Поднепровье в эпоху середины 1090-х гг., был, таким образом, предотвращен. Однако сохранение за Всеволодом черниговского стола имело долгосрочные последствия для всей политической системы, созданной усилиями Мономаха.

Во-первых, согласившись (или смирившись) с черниговским княжением Всеволода Ольговича, Мстислав и Ярополк Владимировичи фактически объявили, выражаясь языком современных правоотношений, «юридически ничтожным» решение Любечского съезда в части отчинных прав Олега Святославича. Всеволод Ольгович мог праздновать победу — права его семьи как старшей в клане Святославичей были восстановлены.

Во-вторых, восстановление Ольговичей в правах черниговских династов открывало путь к возобновлению их общерусских претензий на второе место в общединастической иерархии потомков Ярослава. Проще говоря, речь шла о возобновлении претензий на киевский стол, который принадлежал Святославу *раньше*, чем Всеволоду — родоначальнику Мономашичей.

В-третьих, противостояние Всеволода Мономашичам запустило в полную силу процессы эмансипации Черниговской земли, оформление ее окончательной независимости от Киева. Это выразилось, с одной стороны, в консолидации политий днепровского Левобережья и Подвинья, а с другой — в окончательном расколе общединастического пространства, обособлении потомков Святослава — Ольговичей и Давыдовичей как княжеских кланов, противостоящих Мономашичам.

Став черниговским князем, в первые годы своего правления Всеволод затаился и не предпринимал активных действий. Стремясь взять реванш за поражения своего отца, старший Ольгович тем не менее прекрасно осознавал свои возможности в противостоянии объединенным силам Мономашичей. Их союз представлялся монолитным, их политика активно поддерживалась городскими общинами Киева и Переяславля при благожелательном нейтралитете Новгорода. Эффективное «замирение» Полоцкой земли продемонстрировало военно-политические возможности Мстислава как главы клана Мономашичей.

Однако события, последовавшие за кончиной Мстислава, резко изменили ситуацию в Южной Руси. После 1132 г. Русская земля вступает в свой заключительный и, пожалуй, самый драматичный этап истории. Начало ему было положено конфликтом, вспыхнувшим вокруг переяславского стола.

§ 3. Переяславский кризис 1132—1136 гг.

Под 6641 г. (6640 [1132—1133] мартовский год[707]) Ипатьевская летопись сообщает о кончине Мстислава Владимировича и вступлении на киевский стол его брата Ярополка («Преставися блговѣрныи кнзь Мьстиславъ Володимерь снъ оставивъ княжение брату своему Ярополку ему же и дѣти свои съ Бмъ на руцѣ предасть»)[708]. После вокняжения в Киеве Ярополк Владимирович предпринял рад действий по перераспределению столов: старший сын Мстислава Всеволод, правивший до этого в Новгороде, был переведен на переяславский стол: «Томъ же лѣтѣ Ярополкъ приведе Всеволода Мьстислалича из Новагорода»[709].

Однако это действие Ярополка дало неожиданный результат — не успев занять переяславский стол, Всеволод Мстиславич тут же был изгнан своим дядей Юрием Долгоруким («...съ завтрия же сѣде в немъ а добѣда выгна Юрьи стрыи его и сѣде в немъ и днии»)[710]. Ярополк предпринял попытку урегулировать конфликт — вывел Юрия из Переяславля и отправил в город на княжение младшего брата

Всеволода, Изяслава Мстиславича, княжившего в Полоцке («...и выведе братъ его Ярополкъ ис Переяславля за хрстьное челование и посла Ярополкъ по дроугаго Мьстислалича в Полтескъ по Изяслава приведе и съ клятвою»)[711]. Однако и этот размен не удовлетворил Ярополковых братьев, так как вскоре после этого, по свидетельству Лаврентьевской летописи, «Ярополкъ оуладися с братьею и да Переяславль Вячеславу а Изяслава выведе с нужею»[712].

Однако Вячеслав недолго пробыл переяславским князем — под 6641 (1133/4) мартовским годом[713] Лавр. сообщает, что «...и поча лишатися Вячеславъ Переяславля и дошедъ Городца воротися опять»[714]. Вероятно, Вячеслав хотел оставить Переяславль, но потом передумал и вернулся обратно, дойдя почти до Городца под Киевом. Причиной его возврата, по-видимому, стали увещевания со стороны Ярополка, о чем говорят сведения Ипат. и Лавр. под 6642 (1133/4) ультрамартовским годом[715]:

Ипат.	**Лавр.**
Тои же зимы Вячьславъ лишився Переяславля иде опять Турову не послушавъ брата своего Ярополка[716].	В ту же зиму выиде Вячеславъ ис Переяславля и иде опять Турову не послушавъ брата своего Ярополка[717].

Из этих сведений следует, что Вячеслав так и не смог ужиться на южнорусском пограничье и предпочел Переяславлю свой Туров.

Однако переяславский стол недолго оставался вакантным. Под 6643 (1134/5) ультрамартовским годом[718] Ипат. и Лавр. дают такие сообщения:

Ипат.	**Лавр.**
Юрьи испроси оу брата своего Ярополка Переяславль а Ярополку дасть Суждаль и Ростовъ и прочюю волость свою но не всю[719].	Георгии князь Володимеричь испроси у брата своего Ярополка Переяславль а Ярополку вда Суждаль и Ростовъ и прочюю волость свою но не всю[720].

Этот размен послужил началом долгого конфликта между Мономашичами и Ольговичами, длившегося до самой кончины Ярополка:

Ипат.	Лавр.
и про то заратишася Олговичи иде Ярополкъ съ братьею своею и Юрьи и Андрѣи на Всеволода на Олговича и поимаша около города Чернигова села[721].	про то заратишася Олговичи с Володимеричи и идоша Ярополкъ Гюрги Андрѣи к Чернигову на Олговичѣ[722].

Таким образом, события вокруг Переяславля 1134—1335 гг. стали причиной длительного конфликта в Южной Руси, существенно повлиявшего на судьбы Русской земли в Среднем Поднепровье. Каковы же были причины этого «переяславского кризиса» и почему такое значение было придано факту перевода в Переяславль Всеволода Мстиславича?

Историки, обращавшиеся к этой теме, усматривали причины разногласий в специфике междукняжеских отношений, в ряде случаев в них вмешивались отношения межволостные[723]. Историографический аспект данного вопроса был мной рассмотрен в отдельной работе[724]. Не вдаваясь в подробности, хотелось бы отметить, что события, связанные с «переяславским кризисом», рассматриваются в двух фактически независимых ракурсах.

Ракурс первый — это междукняжеские отношения, ракурс второй — это стремление Киева сохранить свою гегемонию и межволостные отношения. Однако, как показывает непредвзятый анализ материалов, ни один из приведенных ракурсов не может претендовать на всеохватность. На мой взгляд, причина «перяславского кризиса» кроется в сложном переплетении ряда факторов, где присутствуют и междукняжеские, и межволостные отношения, а также сложные политико-генеалогические коллизии.

Необходимо подчеркнуть то, что борьба за киевский стол и за старейшинство в Русской земле не является «инновационным проектом» Мономаха и его потомков, как это можно понять из утверждений того же М.С. Грушевского и отчасти А.Е. Преснякова[725]. Стремление сосредоточить в руках своей семьи-династии всю Русскую землю отчетливо прослеживается еще в «долюбечские» времена в политике Всеволода Ярославича. Став киевским князем в 1078 г., последний представитель первого поколения Ярославичей, Всеволод получил уникальный шанс воплотить в жизнь за-

вещание отца как своеобразный «политический проект» киевского сеньората. В основе этого проекта лежала идея политического контроля над Русской землей силами одного княжеского семейства, как это и было сформулировано в ряде Ярослава 1054 г.[726]

Однако со смертью Всеволода Ярославича созданный им «династический проект» оказался в кризисном состоянии. Недовольство Святославичей, открыто заявивших после кончины Всеволода о своих правах на Чернигов, стало катализатором новой серии усобиц 1094—1096 гг.

В условиях возрастания половецкой угрозы[727] эти усобицы начали угрожать самим основам древнерусской государственности.

В этой обстановке в 1097 г. и собирается Любечский съезд. О его решениях и их последствиях было подробно рассказано в предыдущей главе. Для понимания текущего сюжета важно отметить, что Любечский съезд восстановил статус-кво и смысл изначального содержания ряда Ярослава. Первоначально Русской землей владели старшие Ярославичи; Любечский съезд подтвердил права следующего поколения (внуков Ярослава) на те столы, которыми владели их отцы («...кождо да держить отчину свою Стополкъ Кыєвъ Изяславль Володимерь Всеволожь Двдъ и Олегъ и Ярославъ Стославъ»[728]).

Но для того чтобы воплотить это решение в жизнь, от «проекта» Всеволода Ярославича пришлось отказаться: именно он стал причиной недовольства Святославичей. А это недовольство вызвало к жизни другой неотложный вопрос, касающийся нейтрализации особо беспокойного Олега Святославича.

Для этого и была осуществлена династическая рокировка черниговских князей. В деталях об этой операции Святополка и Мономаха уже говорилось выше, поэтому здесь вновь акцентирую внимание преимущественно на последствиях этой рокировки. А они таковы — черниговская корпорация князей во главе с Давыдом Святославичем оказалась передвинута со второго места на третье[729]. Вторыми по общединастическому счету оказались Всеволодовичи во главе с Мономахом.

Возвышение переяславских князей означало и возвышение города. Переяславль оттеснил Чернигов и стал после Киева следующим по значимости городом Русской земли. А вокняжение в Киеве Владимира Мономаха в 1113 г. сделало Переяславль не просто вторым по значению городом-государством Южной Руси, но и последней ступенькой к киевскому столу[730].

Вероятно, этим обстоятельством и был продиктован тот факт, что Мономах передал Переяславль Мстиславу вместе с Ярополком: «...акоже бяше има далъ Переяславль съ Мстиславом»[731]. Отдельным вопросом остается белгородское княжение Мстислава[732] — почему в данном случае Мономах определяет своего наследника на киевском столе не в Переяславле, а в Белгороде?

Представляется допустимым следующий вариант. Вокняжение Мономаха в Киеве вновь открыло возможность к реализации «династического проекта» Всеволода Ярославича. Хотя политика Мономаха противоречила букве Любечских соглашений (Киев был провозглашен владением Изяславичей), суть этой политики оставалась той же. Киевом продолжала владеть одна династия, только этой династией были уже не Изяславичи, а Всеволодовичи (если точнее — Мономашичи)[733], что решилось по воле киевской общины, которая после правления Святополка не желала иметь с Изяславичами ничего общего[734].

Таким образом, опираясь на поддержку киевлян, Мономах укреплял свои позиции в Русской земле. Давыд Святославич не представлял большой опасности, а контроль за днепровским Правобережьем Мономах стремился сосредоточить в руках своей династии. Поэтому Ярополк был оставлен в Переяславле, а Мстислав отправлен из Новгорода в Белгород — один из ближайших пригородов Киева, имевших большое церковно-политическое[735] и военно-стратегическое значение. Контроль за Новгородом продолжал оставаться в руках Мономаха, точнее, в руках Мстиславичей, в лице старшего их представителя — Всеволода.

Вокняжение Мстислава на киевском столе в 1125 г.[736] только усугубило сложившееся положение вещей. Став киевским князем, Мстислав предпринял ряд шагов, нацелен-

ных на укрепление положения своей семьи в Русской земле и в окрестных землях: Ярополк остался княжить в Переяславле, Изяслав после высылки полоцких князей обосновался в Полоцке, Ростислав контролировал Смоленск.

Младшие же Мономашичи оказались на периферии: Андрей Владимирович еще при жизни отца, в 1118 г. был устроен на волынское княжение, а Юрий правил в Ростово-Суздальской земле.

Прослеживается вполне отчетливая тенденция — Мстиславичи и старшие Мономашичи стремились сохранить в своих руках ключевые города Русской земли и Новгород, а также соединяющие их земли (как тут не вспомнить «внешнюю» и «внутреннюю» Русь Константина Багрянородного!). Младшие же Мономашичи довольствовались периферийными по отношению к Русской земле и Киеву областями.

Кончина Мстислава и вокняжение Ярополка тут же обострили внутриклановые противоречия в среде Мономашичей. В чем же состояли эти противоречия?

В результате решений Любечского съезда черниговские Святославичи были удалены от Киева и исключены из общего порядка наследования киевского стола, фактически став в положение изгоев. Ту же самую политику де-факто, не обосновывая ее юридически, пытался проводить Мстислав в отношении младших братьев. Из его действий недвусмысленно следовало, что он не собирался признавать за младшими братьями права на Киев. Это обстоятельство связано с династическими особенностями семьи Мономаха, который был женат, как минимум, дважды.

Первая его жена Гида скончалась, как полагают современные исследователи, до 1096 г.[737] От этого брака у Владимира Всеволодовича родилось пять сыновей. Наиболее точный перечень в порядке старшинства дан Н.А. Баумгартеном: Мстислав, Изяслав, Святослав, Ярополк, Вячеслав[738]. Вскоре после этого Мономах женится вторично. Эта жена, неизвестная по имени, скончалась в 1107 г.[739], об этом сообщает и сам Мономах в своем «Поучении»[740]. К родившимся от второго брака историки относят Юрия, Романа и Андрея[741].

Вероятнее всего, в восточнославянской обычно-правовой традиции в тех случаях, когда имелись сыновья-наследники

от разных браков, старшим считался сын от первого брака и следом за ним — старший сын от второго. Только так может получить удовлетворительное объяснение тот факт, что после смерти Мстислава и Ярополка Юрий с такой настойчивостью предъявляет претензии на киевский стол.

Поэтому главными инициаторами «переяславского кризиса» выступили Юрий и Андрей — младшие Мономашичи[742], о чем прямо говорит свидетельство НІЛ: «И рече Юрги и Андрѣи: “се Ярополкъ, брат наю, и по смерти своеи хощеть дати Киевъ Всеволоду, братану своему” и выгониста ис Переяславля»[743]. Им, как наследникам Мономаха от второго брака, вытесненным на периферию Русской земли, в случае реализации плана Мстислава и Ярополка грозила участь черниговских Святославичей — превращение в изгоев. Вероятно, к этому времени относится и заключение между Юрием и Андреем соглашения о взаимной поддержке наследников в случае смерти одного из них и сохранения за ними владений, доставшихся от отца[744].

Борьба за Переяславль стала для младших Мономашичей средством сохранения доступа к киевскому столу как общединастическому достоянию. Если рассматривать переяславские коллизии 1132—1136 гг. с этой точки зрения, то беспорядочная на первый взгляд княжеская чехарда вокруг переяславского стола получает непротиворечивое объяснение. И Изяслав, и Вячеслав, побывавшие на переяславском столе, не удовлетворяли Юрия и Андрея прежде всего как представители старших Мономашичей и Мстиславичей. И только когда Юрий добился размена Переяславля на Ростовскую и Суздальскую волость, а потом перевода на переяславский стол Андрея из Владимира-Волынского, ситуация стабилизировалась.

Пребывание Андрея на переяславском столе, с учетом сформировавшегося в первой четверти XII в. статуса города, носило знаковый характер. Это был компромисс Ярополка, направленный на замирение младших братьев: через переяславское княжение Андрея подчеркивалась приобщенность младших Мономашичей к общединастическому владению Русской землей и Киевом[745]. Не исключается, что благодаря деятельности Юрия возникло и оформилось понятие «при-

частия», которое применялось князьями «Володимерова племени» к Русской земле на протяжении второй половины XII в., превратившееся с легкой руки ряда исследователей в самостоятельный институт междукняжеских отношений[746].

Однако компромиссная политика Ярополка порождала новые проблемы, нежели разрешала старые. Пойдя на уступки младшим братьям, он вызвал недовольство племянников, подтолкнув их к вооруженному выступлению против Юрия. Вокняжение Юрия в Переяславле вызвало поход новгородцев на Ростовскую землю, инициаторами которого выступили Мстиславичи: «...то же лѣт ис Турова иде Изяславъ в Мѣнескъ оттолѣ же иде Новугороду к братьи... и иде Мстиславичь Всеволодъ и Изяславъ на Ростовъ и на Волзѣ воротишася Новгородьци и иде Всеволодъ опять Новугороду а Изяславъ оста на Волоцѣ»[747]. Поход этот успехом не увенчался, но, вероятно, он сыграл не последнюю роль в отказе Юрия от переяславского стола в пользу Андрея и возвращении его на северо-восток.

В условиях глубокого кризиса внутрисемейных отношений потомков Мономаха для отошедшего в тень Всеволода Ольговича открылось «окно возможностей». Черниговский князь умело использовал противоречия между младшими Мономашичами и Мстиславичами в свою пользу. Не исключается, впрочем, и возможность инициативы со стороны Изяслава со Святополком. Хронология событий позволяет утверждать это с большой долей достоверности:

Ипат.	**Лавр.**
Юрьи испроси оу брата своего Ярополка Переяславль а Ярополку дасть Суждаль и Ростовъ и прочюю волость свою но не всю и про то заратишася Олговичи...[748]	Георгии князь Володимеричь испроси у брата своего Ярополка Переяславль а Ярополку вда Суждаль и Ростовъ и прочюю волость свою но не всю... ...и сложишася Олговичи и с Двдовичи и всташа вси на рать[749].

Из летописных текстов со всей очевидностью следует, что выступление Ольговичей и Давыдовичей против Ярополка и Юрия последовало вскоре после состоявшегося размена Переяславля на Ростов и Суздаль, что вряд ли является случай-

ным совпадением. Об участии Мстиславичей в военных действиях против собственных «стрыев» прямо говорит только Ипат., при этом летописец прямо указывает на причину такого поведения: «...оже выгна Гюрги Всеволода ис Переяславля а потомъ Изяслава выгна Вячьславъ а потомъ Изяслава же выгна тотъ же Вячьславъ ис Турова а они приступиша къ Олговичемъ и быс в томъ межи има пря велика злоба идяху»[750].

Лавр. об этом прямо не упоминает, однако из ее описаний следует, что Изяслав и Святополк, уйдя к брату Всеволоду в Новгород, приняли участие (а может, и выступили инициаторами) похода на Ростов; потом, получив известие о начале военных действий Ярополка против Ольговичей[751], возвратились на юг, чтобы принять участие в акции Ольговичей, направленной против переяславских владений Юрия Долгорукого. Объединенной коалиции удалось нанести значительный урон не только окрестностям Переяславля, но и дойти до самого Киева: «Всеволодъ же съ братьею своею и съ Изяславомъ и Стополкомъ Мьстиславичема и поидоша воююче села и городы Переяславьскои власти и люди сѣкуще доже и до Киева придоша и Городець зажгоша на стго Андрѣя днь ѣздяху по онои сторонѣ Днѣпра люди емлюще а другыя сѣкуще нѣ оутягшимъ перевестися имъ нѣлзѣ бо бяше перевести ся крами и плениша же и скота бещисленое множество»[752].

Итогом масштабных военных действий, охвативших Среднее Поднепровье в 1134—1135 гг., стал очередной компромисс Ярополка, нацеленный на то, чтобы разбить коалицию Ольговичей и Мстиславичей. Юрий был отправлен обратно в Ростово-Суздальскую землю, Андрей — в Переяславль, а Изяслав Мстиславич, наиболее пострадавший во всей этой истории, был утешен освободившимся владимирским столом:

Ипат.

Тоѣ же зимы совкоупи вои Киевьскии а Дюрди Переяславчи и стояша н днии оу Киева и вмирися Ярополкъ съ Всеволодомъ и даша Переяславль Адрѣеви брату своемоу а Володимерь Изяславоу Мьстиславичю[753].

Лавр.

Тое же зимы Ярополкъ согна воѣ Кыевьскыя а Гюрги Переяславцѣ и стояша и днии оу Кыєва и оумирися Ярополкъ со Всеволодом и даша Переяславль Андрѣєви брату своему а Володимерь Изяславу Мстиславичю[754].

Младшие Мономашичи смогли сохранить контроль за переяславским столом в лице Андрея Владимировича, формально считаясь выигравшей стороной конфликта.

С вокняжением Андрея «переяславский кризис» фактически завершился, вплоть до кончины младшего Мономашича в 1142 г. вопрос о переяславском столе не поднимался. Осталось только определиться, какие последствия повлек «переяславский кризис» для дальнейшего развития Русской земли?

«Переяславский кризис» фактически стал династическим кризисом Мономашичей-Всеволодовичей, поскольку ознаменовал собой распад единого доселе рода на две группы-клана, непримиримо враждующие между собой: с одной стороны Мстиславичи, с другой — младшие Мономашичи.

Непримиримые разногласия касались в первую очередь вопроса о киевском княжении: ни одна из сторон не признавала за конкурентами прав на наследование киевского стола. Уже на первом этапе «переяславского кризиса» наметились ключевые противоречия между лидерами этих кланов — Изяславом Мстиславичем и Юрием Владмировичем, которые станут в будущем главными фигурантами междоусобной борьбы 1140—1150-х гг.

Эта борьба, начавшаяся уже в середине 1130-х гг., расколола единое генеалогическое и политическое пространство потомков Всеволода Ярославича, поставив крест на возможности дальнейшего сохранения Русской земли под властью рода Мономаха.

Киевская полития стремилась сохранить под своим контролем подвластные Киеву земли; поэтому она не случайно сделала ставку на Мономаха и его потомков — Мстислава и Ярополка. Однако последний, связанный семейными обязательствами, оказался не на высоте положения. Кроме того, новые династические реалии пришли в противоречие с политическими устремлениями Киева.

Неудачная попытка Всеволода Мстиславича вокняжиться в Переяславле привела к ослаблению его позиций в Новгороде и косвенным образом подготовила события 1136—1137 гг. Эти события привели к окончательному

выходу Новгорода из-под контроля киевских князей, завершив складывание новгородского суверенитета[755].

Раскол в среде Мономашичей и, как следствие, их политическое ослабление привели к усилению позиций черниговских князей во главе с Всеволодом Ольговичем. Главной задачей черниговских Святославичей (Ольговичей и Давыдовичей) стало ниспровержение политического доминирования в Русской земле потомков Мономаха. Выступление Всеволода Ольговича против Ярополка положило начало открытому военному противостоянию между Киевом и Черниговом, подготовив отпадение черниговского Левобережья от основной части Русской земли.

Когда в 1135 г. Всеволод Ольгович открыто выступил против Ярополка, то, скорее всего, он опирался на поддержку не только дружины и союзных половцев, но и основной массы черниговских «людей». Новгородский летописец, наблюдавший это противостояние извне, с берегов Волхова, отметил не «княжеский», а «территориальный» характер конфликта. НІЛ под 6643 [1135] г. отмечает следующее:

НІЛСт

Въ лѣто 6643 [1135]. Ходи Мирославъ посадникъ из Новагорода миритъ кыянъ съ черниговьци, и приде, не успевъ ницто же: сильно бо възмялася вся земля Русская; Яропълкъ к собе зваше новъгородьце, а черниговьскыи князь к собе; и бишася, и поможе богъ Олговицю съ черниговчи, и многы кыяны исеце, а другыя изма руками. И не то бяше зло, нъ боле почяста копити вои и Половче и всѣ. Въ то же лѣто, на зиму, иде въ Русь архепископъ Нифонтъ съ лучьшими мужи и заста кыяны съ черниговьци стояще противу собе, и множьство вои; и божиею волею съмиришася[756].

НІЛМл

В лѣто 6643 [1135] Ходи Мирославъ посадникъ из Новагорода мирить киянъ с черниговци, и прииде, не успѣвъ ничто же: силно бо възмутилася земля Руская; Ярополкъ к собѣ зваше новгородцовъ, а Черниговьскыи к собѣ; и бишася, и поможе богъ Олговичю с черниговьци, и многы кыянѣ овы изсѣце, а другыя изимаша руками, мѣсяца августа. И не то бяше зло, нь паче болши почаста вои копити и Половци и вся Русь. В то же лѣто, на зиму, иде в Русь архиепископъ новгородчкыи Нифонтъ с лучьшими мужи и заста кыянѣ с черниговци стояще противу себѣ, множество вои; и божиею волею смиришася...[757]

«Кыянѣ» и «черниговци» в понимании новгородского летописца — главные действующие силы конфликта. Вероятнее всего, Черниговская полития руками Всеволода Ольговича стремилась окончательно освободиться от власти Киева. Этому активно сопротивлялись «кыянѣ», поддерживавшие Ярополка. Благодаря этому военные действия приобрели масштабный характер и охватили практически все Среднее Поднепровье: «Олговичи с Половци переидоша Днѣпръ декабря въ ко и почаша воевати от Трьполя около Красна и Василева и до Бѣлагорода оли же и до Деревъ и чресъ Лыбѣдь стрѣляхуся»[758].

Из описания следует, что попытка прорваться до Киева с юго-западных подступов успеха не имела. Соединенным войскам Ольговичей и половцев пришлось проследовать до северо-западной оконечности Киевщины по земле древлян, и только со стороны Вышгорода они смогли приблизиться к Киеву. Последнее обстоятельство далеко не случайно. В исторической литературе уже высказывалось мнение об оппозиционной, антикиевской позиции Вышгорода, и это мнение имеет под собой веские основания[759]. События, развернувшиеся после смерти Ярополка Владимировича, достаточно показательны: узнав о кончине соперника, Всеволод стремительным рейдом овладевает Вышгородом: «...оувѣда Всеволодъ Ярополка оумерша а Вячьславъ сѣдить в Киевѣ и събравъ мало дроужины съ братомъ своимъ Стославомъ и с Володимеромъ Двдцемъ придоша Вышегородоу и сташе оу въшедше в городъ». И только после этого «поиде Всеволодъ Олговичь из Вышегорода къ Кыевоу изрядивъ полкы» и добился ухода Вячеслава Владимировича[760].

В чем же заключается причина такого поведения одного из старейших киевских пригородов, благодаря поддержке которого Всеволод Ольгович добился-таки киевского стола и покончил с изгойством черниговской династии?

Для ответа на этот вопрос, на мой взгляд, стоит внимательно присмотреться к обстоятельствам развития малых городов Русской земли, к числу которых относился и Вышгород.

§ 4. «А се наш князь»: малые города Русской земли в борьбе за киевский стол

Вышгородское городище располагается к северу от Киева на укрепленной площади не меньше 7,5 га, занимая правый обрывистый берег Днепра[761]. Первое упоминание города в русских источниках находится под 946 г., в рассказе о мести Ольги древлянам[762]. Есть мнение, что город Βουσεγραδε, упоминаемый Константином Багрянородным, и есть Вышгород X в.[763] Однако, несмотря на активно проводившиеся археологические исследования, слой X в. на территории древнего Вышгорода зафиксирован крайне фрагментарно.

Древнейшее городище занимало площадь 350×250 м, на этой территории прослежены остатки валов, сохранившихся местами в высоту до 10 м. Датировать начальный момент существования городища достаточно сложно, однако есть некоторая уточняющая информация: во время раскопок юго-западного вала вышгородского городища выявлены остатки деревянных конструкций в виде засыпанных землей срубов. Находок, которые уточнили бы датировку постройки, в засыпке срубов не выявлено[764]. Сама техника фортификации аналогична той, которая использовалась в оборонительных сооружениях Белгорода и Переяславля, что позволяет датировать ее концом X в. Материалы раскопок 1934—1937 гг. на территории городища маловыразительны и дают основание говорить о существовании здесь ремесленно-жилого участка[765]. Наличие курганного могильника недалеко от Вышгорода также подтверждает факт заселенности данной территории до начала XI в.[766]

Что же касается раннего этапа истории Вышгорода, то следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Не так давно была сформулирована концепция раннего происхождения Вышгорода как племенного центра той группы славянских племен, которая обитала в междуречье Ирпеня и Днепра[767]. На сегодняшний день тезис о возникновении Вышгорода в последней четверти IX — начале X в.[768] базируется на факте находок отдельных фрагментов горшков культур Луки-Райковецкой и роменской. Эти фрагменты

были встречены на восточном склоне центрального плато городища и на так называемой Ольжиной горе[769]. Однако эти фрагментарные находки не могут являться свидетельством существования на этом месте укрепленного славянского поселения в IX в. Открытые на территории древнейшего городища жилища по своему керамическому материалу датируются концом X — началом XI в., к этому же времени относятся фрагменты бронзового браслета, медальон в виде креста и серебряный денарий Этельреда II, выпускавшийся в 997—1003 гг.[770]

Совокупность имеющихся данных позволяет предположить, что Вышгород возник в середине или второй половине X в. как укрепленное поселение, чьи функции были аналогичны Китаевскому городищу — с его помощью русь Игоря и Ольги, укрепившаяся в Среднем Поднепровье, контролировала территории окрестных славянских племен; скандинавские находки второй половины X — начала XI в. являются дополнительным аргументом в пользу такого предположения[771].

В конце X в., в эпоху Владимира Святославича, Вышгород становится одним из ключевых пунктов в системе обороны Русской земли, защищая подступы к столице Южной Руси с востока, из-за Днепра[772]. Выше уже отмечался факт обнаружения дерево-земляных укреплений вокруг вышгородского городища. Датирующих предметов в заполнении валов и самих срубных конструкций не выявлено, но сама техника возведенных вокруг Вышгорода укреплений имеет много общего с укреплениями «города Ярослава» в Киеве; следовательно, с большой долей вероятности возведение вышгородских укреплений может быть отнесено к первой трети XI в.[773]

Таким образом, Вышгород на ранних этапах своего развития проделал путь, мало чем отличающийся от того пути, которым шло развитие того же Белгорода. Первые свидетельства об участии вышгородцев в политической борьбе вокруг киевского стола относятся к 1015 (6523) г. Этот комплекс известий неоднократно становился объектом пристального внимания со стороны историков, что породило обширную историографическую традицию[774].

Стоит, как мне думается, прислушаться к мнению, высказанному еще А.А. Шахматовым, полагавшим, что в основе летописной статьи 6523 г. лежит не документальное описание событий, а полулегендарное предание, в сложной форме отразившее противоречия между Киевом и Вышгородом уже с начала XI в.[775] Причем эти противоречия носили системный характер и были направлены на стремление киевских пригородов обособиться от Киева; в то же самое время, незадолго до смерти Владимира, источники фиксируют сепаратистские настроения в Новгороде и Турове, а если верить «Чтению о житии и погублении...», то Борис был отправлен Владимиром на днепровское Левобережье приводить к покорности отложившиеся от Киева города[776].

После вокняжения в Киеве Ярослава упоминание о Вышгороде исчезает со страниц летописи вплоть до конца 1070-х гг. Несколько косвенных упоминаний о нем дают внелетописные источники. Так, известно, что в утверждении так называемой Правды Ярославичей принимал участие Никола (Микола) Чудин, «держащий Вышгород»[777].

Первый серьезный рубеж в истории Вышгорода в XI столетии падает на вторую половину века. Именно тогда, по сообщению ПВЛ, в городе появляется собственный князь — Ярополк Изяславич[778].

Однако реальное возвышение Вышгорода и усиление его влияния в делах Русской земли были обусловлены, как мне кажется, не только и не столько с этим событием. При внимательном прочтении письменных источников, освещающих события, происходившие вокруг Вышгорода, приходится констатировать тот факт, что их основная доля так или иначе связана с культом Бориса и Глеба, его становлением и развитием. По поводу канонизации князей-мучеников в исторической литературе существует достаточно обширная палитра мнений[779].

Аргументы М.Х. Алешковского и его последователей представляются мне более убедительными. Вероятнее всего, канонизация князей-мучеников действительно состоялась в 1072 г. Но первые признаки движения в данном направлении можно проследить по источникам еще в 1050—1060-х гг. —

как раз в это время борисоглебская агиографическая традиция отмечает оживление вокруг места погребения князей. Еще во времена Ярослава вокруг мощей Бориса и Глеба начинают слагаться легенды о чудесном исцелении и иных чудесах; в конечном итоге Ярослав возводит в Вышгороде деревянную церковь о пяти главах, куда и были перенесены княжеские останки.

Вероятно, к этому времени относится и расширение территории вышгородской крепости, формирование окольного города, активно заселяемого ремесленным людом. Исследования Вышгорода 1970—1980-х гг. установили наличие активной застройки детинца и предградья[780]. Как в самом детинце, так и за его пределами прослежены остатки наземных и заглубленных построек, выявлены два железоплавильных горна, три железообрабатывающие мастерские, мастерская ювелира. Динамика заселения города также хорошо прослеживается: так называемый район металлургов, находящийся с северо-востоку от детинца, в XII—XIII вв. смещается к окраине, а его место занимают жилые кварталы.

Археологическими раскопками прослежена и планировочная структура городской застройки. Выявлено несколько хозяйственно-жилищных комплексов, представлявших собой усадебные постройки. Типовое жилище вышгородского посада — срубная постройка 5,5×7 м, хозяйственные сооружения были несколько скромнее: 3×2,7 м. Сама планировка города была радиально-кольцевой, о чем говорят следы кольцевой магистрали, прослеженные в 1930-х гг.[781] Плотность застройки, как показали исследования северо-восточной части посада, была достаточно высокой — следы частоколов, разгораживающих усадьбы, изученные в 1981 г., показали практическое отсутствие свободного пространства[782]. Усложнение социально-территориальной структуры Вышгорода находит свое отражение и в появлении нескольких некрополей. Один расположен в 500 м к северу от детинца, другой — в 2 км к юго-западу от стен посада[783]. Вероятно, городской некрополь существовал и в центре города. Именно там, близ деревянной церкви Святого Василия агиографическая традиция локализует первоначальное по-

гребение Бориса и Глеба; археологическими исследованиями в 1853 г. в огороде священника, расположенного около Борисоглебской церкви, был открыт саркофаг из красного шифера, костяк сопровождали перстень и бронзовая печать[784].

Примерно с того же времени в истории Вышгорода можно отметить одну очень интересную особенность — тесную связь с Вышгородом и вышгородским культом черниговских князей. Именно Святославу Ярославичу принадлежит инициатива построения в Вышгороде каменного храма; после неудачной попытки завершения Святославова проекта Всеволодом храм был все-таки построен Олегом Святославичем[785]. Событие это, завершившееся в 1111 г.[786], было неординарным. Возведенный в Вышгороде каменный храм-мавзолей был впечатляющей постройкой и своими размерами превосходил любое провинциальное строительство, по своему масштабу приближаясь к столичным соборам[787].

Видимо, не случайно киевские князья очень ревниво относились к усилению своего ближайшего пригорода, да еще под покровительством князей черниговской династии. Думаю, что нет ничего удивительного в том, что Олег Святославич «...многажды понужаше убо и моляше Святополка да быша перенесли святая мученика в създанную церковь, онъ же пакы акы зазря труды его и не хотяше ею пренести, зане не самъ бяше ее създалъ церкве тоя»[788]. Точно так же и Мономах, оказавшись на киевском столе, проявлял схожую неуступчивость — по словам агиографа, Олег и Давыд «...всегда убо глаголющема и понужающема Володимера о пренесении святою». Мономах дал согласие на перенесение мощей лишь два года спустя после вокняжения, и в 1115 г. оно состоялось[789].

Торжественная церемония перенесения мощей Бориса и Глеба в 1115 г. — без сомнения, апогей вышгородской истории. Превращение киевского пригорода в центр общерусского культа открывало перед вчерашней крепостью на Днепре довольно радужные перспективы.

Величественная и монументальная постройка Олега Святославича стала новым сакральным и общественным

центром вышгородской общины. Попытка Мономаха использовать перенесение мощей для поднятия авторитета своего клана и семейства успехом не увенчалась. Как сообщает летопись, «Володимероу бо хотящю я поставити средѣ цркви и теремъ серебренъ поставити над нима а Двдъ и Олегъ хотяше та поставити я в комару идеже отць мои назнаменалъ на правои сторонѣ идеже бяста оустроенѣ комарѣ има». Спор был разрешен жребием не в пользу Мономаховых замыслов — «...и положи Володимеръ свои жребии а Двдъ и Олегъ свои жребии на стои трапезѣ и выпяся жребии Двдовъ и Олговъ и поставиша я в комару тою на деснѣи странѣ кде ныне лежита»[790].

Мономах вынужден был признать этот факт задним числом, пожертвовав храму украшения для надгробий. По словам автора «Сказания», «исковав бо сребрьныя дъски и святыя по ним издражав и позолотив, покова вор же серебръмь и золотъм, с хрустальными великыими разнизании устрои, имущь врьху по обилу злато, свтеильна позолочена, и на них свеще горяще устрои въину, и тако украси добре...»[791]. Однако, каким бы богатством ни выделялось убранство усыпальниц, по справедливому замечанию И.И. Смирнова, оно не идет ни в какое сравнение с фактом строительства каменного храма: «То, что новые драгоценности были пожертвованы Мономахом уже “по пренесении” праха Бориса и Глеба в новый храм в 1115 г., лишний раз подчеркивает чисто вынужденный характер новых даров Мономаха»[792].

Можно подытожить наблюдения относительно развития Вышгорода к началу XII в. В отличие от Белгорода, который своим ростом и политическим значением был обязан в первую очередь появлению там княжеского стола, не менее стремительный подъем Вышгорода был связан с борисоглебским культом и превращением города в один из религиозных центров Русской земли. Понимание этого факта красноречиво выразил автор «Сказания»: «Блаженъ поистине и высок паче всехъ градъ руськыхъ и вышний градъ, имый в себе таковое сокровище. Ему же не течень ни весь миръ, поистине Вышгородъ наречеся, выше и превыше городъ всехъ, второй Солунь яви ся в Руской земле»[793].

На этом фоне даже появление княжеского стола при Изяславе Ярославиче было, скорее всего, менее значимым фактом. В пользу такого утверждения говорит и сама судьба вышгородского княжения вплоть до 1130—1140-х гг.[794] А появление в городе сакрального центра в виде Борисоглебского собора укрепило связь вышгородской общины с династией Ольговичей. Эта устойчивая связь будет прослеживаться и далее, на протяжении середины — второй половины XII в., формируя определенный вектор развития города.

Прямой противоположностью Вышгороду становится Белгород. В предыдущих главах удалось выяснить, что, возникнув как опорный пункт поднепровской «руси» во второй половине X в., уже в эпоху Владимира и Ярослава Белгород становится одним из ключевых узлов оборонительной линии в Среднем Поднепровье и «воротами» Киева на волынском направлении.

Уже в XI в. Белгород становится значимым религиозным центром Среднего Поднепровья: в нем возникает епископская кафедра. Точной даты ее появления раннее летописание не знает, а дата, приводимая Никоновской летописью, — 992 г.[795] — вызывает обоснованные сомнения.

Первое упоминание белгородского епископа Никиты содержится в тексте «Сказания о Борисе и Глебе», где описывается перенос мощей, который состоялся в 1072 г.[796] Епископ Лука принимал участие в освящении Михайловской церкви Выдубицкого монастыря (1088 г.)[797] и Успенской церкви Печерского монастыря (1089 г.)[798]. В церковном празднике 1115 г. в Вышгороде упоминается Никита Белгородский[799].

Вероятнее всего, к XI в. относятся и остатки небольшого деревянного храма, которые были выявлены при исследовании белгородского детинца в 1968—1969 гг.[800]

Обращает на себя внимание, что в известиях 1088—1089 гг. белгородский епископ упоминается сразу после митрополита. Это дало основание Е.Е. Голубинскому предположить, что белгородский епископ выполнял роль викария митрополита, помогая ему и замещая последнего во время его отсутствия[801]. Это предположение разделяет и

Я.Н. Щапов. Опираясь на сведения Константинопольского перечня русских епархий, где первой перед Новгородской епископией названа «епископия великого Белгорода», Я.Н. Щапов полагает, что «...белгородский епископ исполнял особые функции — прежде всего, управлял епархией, на территории которой находился Киев с митрополичьей кафедрой»[802].

Особое положение белгородского епископа дает основания предполагать, что уже в XI в. город выделился среди прочих пригородов Русской земли. Белгородский тысяцкий Прокопий упоминается на страницах Пространной правды в 1113 г.[803] Это упоминание представляет определенный интерес для уяснения статуса Белгорода в указанное время.

Обращает на себя внимание характер представительства на берестовском совещании, связанном с принятием «Устава» Владимира Мономаха. Это тысяцкие, то есть в первую очередь представители городской общины. В документе перечислены Ратибор — киевский тысяцкий, Прокопий — белгородский, Станислав — переяславский. Некоторые затруднения возникают с определением Иванка Чудиновича, названного «Олговым мужем»[804].

Следовательно, на берестовском совещании были представлены основные города Русской земли: Киев, Чернигов и Переяславль. Упоминание в этом контексте Белгорода и его представителя говорит о высоком статусе киевского пригорода в масштабах всей Русской земли. Подтверждением особого положения Белгорода и его тесных связей с Киевом в это время может являться свинцовая вислая печать Владимира Мономаха. Печать была найдена во время раскопок Хвойки на белгородском детинце в 1909 г. в развалинах большой гражданской постройки[805].

Высокий статус Белгорода получил подтверждение в 1117 г., когда Мономах перевел туда из Новгорода своего старшего сына Мстислава. Ипат. сообщает: «Приведе Володимеръ Мьстислава из Новагорода и дасть ему отць Бѣлъгородъ»[806]. Иное толкование этому событию дают летописи новгородского происхождения: Новгородская I (НІЛ) и Новгородская IV — Софийская I (НІV—СІ). НІЛ говорит о том, что «иде Мстиславъ Кыеву на столь из Новагорода марта в

17»[807]. HIV—CI излагают схожую трактовку событий, отличаясь некоторыми нюансами: «Приводе Володимеръ Мстислава, сына своего, из Новагорода в Киев»[808].

На первый взгляд, сообщение киевского и новгородских источников противоречат друг другу. Но это лишь видимость. Сообщая о перемещении Мстислава на юг, Московский свод 1479 г. (Мс 1479) излагает события так: «Приводе Володимерь сына своего Мъстислава из Новагорода в Кыевъ и дасть ему Белгородь...»[809]. Текстуальная и смысловая близость процитированного отрывка сообщению HIV—CI несомненна; это объясняется и тем, что протограф HIV—CI, как и протограф Мс. 1479 пользовались на пространстве XII в. южнорусским источником, близким к Ипатьевской[810]. Упоминание Белгорода в Мс. 1479 г., которое, видимо, было опущено сводчиком 1448 г. (протограф HIV—CI), ставит все на свои места: Мстислав прибыл из Новгорода в Киев, откуда был направлен отцом в Белгород. Трактовка этого события составителем НІЛ вряд ли может рассматриваться как описка. На мой взгляд, прав был М.С. Грушевский, заметив, что летописец отразил свое понимание происходящих событий, а именно — перевод Мстислава в Белгород делал его главным претендентом на киевский стол после смерти Мономаха.

Следовательно, речь может идти о восприятии современниками Белгорода как города, вокняжение в котором автоматически означало приобщение к прерогативам власти великого князя (в понимании новгородского летописца занятие белгородского стола приравнивалось к вокняжению в Киеве). Таким образом, наряду с Переяславлем, ставшим после вокняжения Мономаха в Киеве последней ступенькой к киевскому столу, схожий статус обретает и Белгород. Вокняжение Мстислава в 1125 г. в качестве наследника Мономаха явилось прецедентом, значительно поднявшим статус Белгорода в глазах современников.

К исходу первой четверти XII в. Белгород окончательно завершает превращение из сторожевой крепости в малый город, являющийся епископской резиденцией, управляемый собственным князем и обладающий собственной сельской округой[811].

В это время идет активное расширение территории города. При этом застраивается не только укрепленная часть посада: со стороны северной линии укреплений возникает незащищенное «предградье». Археологическими исследованиями на территории Белгорода выявлены жилища горожан и производственные комплексы, связанные с гончарным и железоделательным ремеслом. Ограниченность площади, охваченной раскопками, не позволяет составить полного представления о городской планировке. С уверенностью можно лишь констатировать, что в юго-западной части посада находился гончарный квартал. Всего исследовано девять гончарных горнов, расположенных группами по два-три. Обильный керамический материал дает очень широкие рамки гончарного производства — от конца X до начала XIII в.[812] По-видимому, на протяжении почти всего существования Белгорода гончарство занимало не последнее место в городском хозяйстве. Другим заметным явлением в нем было железоделательное производство. Его следы обнаружены к северу от гончарного района, ближе к валам, в восточной части посада[813].

Социальное и политическое развитие белгородской политии, во главе которой со второго десятилетия XII в. стоял не киевский посадник, а собственный князь, обусловило повышение роли Белгорода в истории Русской земли. Ориентация на поддержку князей из клана Мстислава в политике Белгорода с середины XII в. приобретает устойчивый характер. Белгород становится одним из опорных пунктов, обладая которым Мстиславичи вели борьбу за возвращение и сохранение киевского стола. Это становится заметно уже в первые годы правления Всеволода Ольговича.

§ 5. Между Киевом и Черниговом: особенности династической политики Всеволода Ольговича

Оказавшись на киевском столе, Всеволод Ольгович предпринял попытку реализации собственной концепции «киевского сеньората» — установление контроля за Русской землей силами черниговской династии. По свидетель-

ству летописца, «...сѣде Олговичь в Кыевѣ и нача замышляти на Володимеричѣ и на Мстиславичѣ надѣяся силѣ своєи и хотѣ сам всю землю держати с своєю братею искаше подъ Ростиславом Смолиньска и подъ Изяславом Володимеря»[814].

Очень тонко подметил основные задачи Всеволодовой политики А.Е. Пресняков: «Глава черниговских князей, заняв стол киевский... мог чувствовать себя призванным к объединению Всеволожей и Святославовой отчин старших Ярославичей в одной политической системе, построенной в духе Мономаха, но на более широком основании...»[815] Здесь петербургский историк фактически развил мысль, высказанную еще в конце XIX в. М.С. Грушевским: «Только собрав в своих руках много волостей, Ольговичи могли приобресть прочное верховенство в русской земле и закрепить его, подобно Мономаху, за своим родом»[816].

Однако эти оценки, высказанные в начале XX в., впоследствии остались неуслышанными. «Классово ориентированный» подход советских историков, объявивших родовые отношения в княжеской среде «пережитком буржуазной науки», приводил порой к парадоксальным оценкам действий того же Всеволода Ольговича: «...вчерашний сепаратист, Всеволод на Киевском столе начал проводить политику укрепления единства русских земель...»[817] Показательна в этом смысле оценка, данная Всеволоду Б.Д. Грековым, — с одной стороны, Всеволод Ольгович объявлялся сторонником объединения Руси и последователем идей Мономаха, а с другой — князем-захватчиком, который рассматривал Киев как свою добычу[818].

При этом утверждения Б.Д. Грекова прямо противоречат показаниям источников: согласно Ипат., Всеволод уступил черниговский стол не младшему брату Игорю, а Владимиру Давыдовичу[819]. Благодаря такому шагу Всеволод сохранил в своих руках контроль за рядом волостей Черниговщины и прилегающих анклавов. Став киевским князем, старший из Ольговичей прекрасно отдавал себе отчет в том, насколько непрочно его положение в Киеве. Предпринятая в самом начале киевского правления попытка вытеснить из Южной Руси Мстиславичей и Андрея Владимиро-

вича закончилась неудачей. Чтобы сохранить в создавшейся ситуации за собой киевский стол, Всеволоду требовалось решить две задачи. Первая — сохранение в своих руках контроля за большей частью Черниговской земли как реальной военной и политической опоры. Вторая — заключение союза с Мстиславичами для упрочения своих позиций киевского князя.

Реализация первой задачи столкнулась с серьезным сопротивлением младших Ольговичей — Игоря и Святослава. Они добивались от старшего брата своей доли в Черниговской земле. Бежавший из Новгорода Святослав, по свидетельству летописца, «...не ouладися с нимъ о волостехъ иде Стославъ Коурьскоу бѣ бо и Новѣ сѣдя Сѣверьскѣ. В то же веремя Всеволодъ разлоучивая съ братомъ своимъ и дая емоу Бѣлъгородъ»[820].

Перевод Святослава Ольговича из Новгород-Северского в Белгород можно расценивать, с одной стороны, как стремление поставить под контроль беспокойного брата, а с другой стороны, усилить свое влияние в Киевской земле, контролируя один из ее главных пригородов. Однако мелкие пожалования Игорю и Святославу в Киевской земле не удовлетворили их: братья требовали серьезных территориальных уступок в «отчинных» черниговских землях: «...а мъ просимъ оу тебе Черниговьскои и Новгороцкои волости а Киевьскоѣ не хочемъ онъ же Вятичь не състоупяшеть»[821].

Но в тот момент для Всеволода куда более актуальным было урегулирование отношений с Мстиславичами и Мономашичами. Ипат. описывает эту ситуацию следующим образом: «...посла Вячьславъ и Изяславъ Мьстиславичь послы свои къ Всеволодоу съ рѣчими рядится Всеволодъ же не хотѣ оучинити волѣ ихъ и послѣдѣ съдоумавъ оже емоу безъ нихъ нѣлзѣ быти и давъ имъ прошение ихъ и крстъ к нимъ цѣлова»[822]. Из текста недвусмысленно следует, что Всеволоду ради сохранения мира пришлось пойти на определенные уступки Изяславу и его дяде (вероятно, был заключен негласный союз с определенными обязательствами)[823].

Подтверждением этого союза стал размен, осуществленный Всеволодом после смерти Андрея Владимировича в

Переяславле, — Вячеслав Владимирович был переведен в Переяславль, а Туров достался сыну Всеволода Святославу[824].

Дальнейшая ситуация очень напоминает историю с вокняжением в Переяславле Всеволода Мстиславича в 1133 г.[825] Только в этот раз активность проявили младшие Ольговичи, недовольные решением Всеволода: «...они же рѣша ты намъ братъ старишии аже ны не даси а намъ самѣмъ о собѣ поискати и роспрѣвшеся съ Всеволодомъ и поѣхаша от Киева къ Переяславлю ратью на Вячьслава»[826].

Вероятно, вокняжение Вячеслава в Переяславле было воспринято как подтверждение гарантий Мономашичей на киевский стол: принимая во внимание тот факт, что после Любечского съезда Переяславль рассматривался как второй по значению город Русской земли, открывавший его князю прямую дорогу к киевскому столу. Попытка Игоря и Святослава Ольговичей выбить Вячеслава Владимировича из Переяславля не увенчалась успехом (правда, для этого Всеволоду пришлось создавать коалицию с Мстиславичами, а также призывать печенегов под предводительством Лазаря Саковского)[827].

В конечном итоге Ольговичи, потерпев поражение, удовлетворились городами по периферии Киевской земли. Вячеслав, не надеясь далее удержаться в Переяславле, с согласия Всеволода уступил город своему племяннику Изяславу Мстиславичу, а сам вернулся в Туров. Согласие Всеволода Ольговича на такой размен объясняется, на мой взгляд, тем, что в руках киевского князя оказывался Владимир-Волынский, где обосновался Святослав Всеволодович.

Подобная политика Всеволода вызывала резкое недовольство младших братьев: «...и не любяхоуть сего Олговичи братя Всеволожа и поропташа на нь оже любовь имѣть съ Мьстиславичи съ шюрьями своими а с нашими ворогы и осажалъся ими около а намъ на безголовие и безъмѣстье и собѣ»[828].

В итоге возникла серьезная угроза для Всеволода в виде создания против него объединенной коалиции Ольговичей и Давыдовичей, недовольных его политикой. Всеволоду пришлось проявить незаурядные дипломатические способ-

ности. Как свидетельствует Ипат., «Всеволодъ же не хотя того оже ся братя съвъкоупила въ диноу мысль посла къ Двдвчема рка има отстоупита вы от братоу моею азъ ваю надѣлю»[829]. Меры, предпринятые Всеволодом Ольговичем, сработали, и союз Давыдовичей и Ольговичей распался: «...она же (Давыдовичи. — *Д. К.*) перестоупиша хрстьное цѣлование отстоуписта от Игоря и от Стослава къ братоу Всеволодоу. Всеволодъ же радъ бывъ разлоучѣнью ихъ»[830].

В качестве предварительных итогов можно сказать, что династическая политика Всеволода Ольговича, несмотря на черты традиционализма (борьба против «изгойства», борьба за киевский стол как общединастическое наследие), демонстрирует новые черты. В первую очередь речь идет об отказе от корпоративно-клановой солидарности, выстраивании новых отношений, уже политических, а не потестарных по своей сути. Речь идет о создании союзов с Мономашичами и Мстиславичами в первой половине 1140-х гг.

Эффективность такой политики показали события 1146 г., когда союзные отношения со Мстиславичами позволили Всеволоду создать коалицию, усмирившую «многогливаго Володимирка», князя Галицкого. О том, кто сыграл решающую роль в этом походе, говорят летописные известия. Если киевско-переяславский источник Лавр. сообщает, что полученное от галицкого князя в качестве контрибуции серебро Всеволод «...подѣли братю свою поченъ от старѣиших и до менших»[831], то источник Ипат. прямо сообщает: «....срѣбра же собѣ Всеволодъ прия одинъ но раздая брати на части Вячеславоу Ростиславоу Изяславоу и всѣи своеи братьи кто же бяшеть с нимъ былъ»[832].

Политика Всеволода Ольговича последних лет его княжения характеризуется стремлением создавать выгодные военно-политические коалиции без оглядки на родовые и клановые традиции. Эта тенденция впоследствии наберет силу и проявит себя в середине XII в., когда за право обладать киевским столом сойдутся в схватке две коалиции — Юрий Владимирович (из рода Мономашичей) и Святослав Ольгович (последний из Ольговичей, младший брат Всеволода) против Мстиславичей (Изяслава, Святополка и Ростислава).

К исходу 1140-х гг. Русская земля как мультиполитийное образование фактически перестает существовать. Кризис династических отношений в семействе Мономаха разрушил единство княжеского клана. Это, в свою очередь, сделало невозможным удержание под контролем Киева подчиненных ему анклавов. Обособляется Новгород, уходит из-под влияния киевской политии Черниговщина, сделавшая ставку на амбициозного Всеволода Ольговича. Вышедшие на поверхность междукняжеские противоречия (как между младшими Мономашичами и Мстиславичами, так и между всеми Мономашичами и Ольговичами) были осложнены возросшей политической активностью пригородов Русской земли, проводящих независимую от Киева политику. В итоге в ходе сложного переплетения интересов княжеских группировок и поддерживающих их городских общин начинает складываться новая политическая реальность. Суть ее состояла в том, что происходило стремительное сокращение влияния Киева, в сфере которого к середине XII в. остался фактически лишь Переяславль-Русский, да и то с большой долей условности. Границы Русской земли сокращаются до размеров днепровского Правобережья, что на деле означает ее превращение в Киевскую землю. Но изучение этого процесса с середины XII и по начало XIII в. требует отдельного исследования.

Заключение

Как теперь можно сформулировать определение древнерусской / восточнославянской государственности по итогам работы?

Совершенно очевидно, что определение «Киевская Русь», вошедшее в большинство школьных и вузовских учебников, а также в ряд монографических исследований, является искусственно сконструированным понятием. То территориальное образование, которое в современных исследованиях называется Древнерусским государством, летописный нарратив определяет как Русь / Русская земля. Иных терминов на летописном пространстве X—XI вв. не встречается.

Сопоставление хронологии летописного нарратива с хронологией Восточной Европы IX—X вв. дает основание для вывода — возникновение терминов «Русь» (как этнонима и хоронима) и «Русская земля» связано с появлением в Среднем Поднепровье общности, имевшей ярко выраженные скандинавские черты. Эта общность получает наименование росов/руси.

В ходе покорения этой русью славянских племен Среднего Поднепровья (древлян, полян и уличей) формируется потестарная структура, существование которой отмечается в середине X в. Константином Багрянородным. Венценосный автор трактата «Об управлении империей» характеризует эту структуру хоронимом Ρωσία. Основу Руси Среднего Поднепровья составляла военная элита — русь, господ-

ствовавшая в Киеве и его окрестностях. Она осуществляла данническую эксплуатацию подчиненных славян-пактиотов (данников) посредством системы полюдья.

Комплексный анализ имеющихся данных позволяет заключить, что Росiа / Русская земля середины X в. представляла собой территориальную общность, консолидированную вокруг транзитных торговых путей. Эта общность обладала двухуровневой структурой, отмеченной Константином Багрянородным (внешняя и внутренняя Росiа). Вероятно, в это же время формируется княжеская корпорация из ближайших родственников Игоря и Святослава, размещавшаяся как в самом Киеве, так и в его ближайшей округе. Одновременно оформляется и представление о нераздельном владении Русской землей всей указанной совокупностью родственников и наследников — феномен так называемого нераздельного владения Русской землей, аналогичный существовавшему у франков и германцев.

Следующий этап становления Русской земли — превращение ее из территориальной общности вождестского типа — сегментарной политии — в раннегосударственную структуру. Это раннее государство контролировало не только Волховско-Днепровский торговый путь, но и прилегающие к нему анклавы.

В эпоху Владимира Святославича Русская земля становится мультиполитийной структурой, подчиняя своему влиянию окрестные «славинии». Речь идет о территориях Северо-Западной, центральной Юго-Западной Руси. К этому же времени относится окончательное оформление всех признаков раннего государства. Возникает столица, самостоятельные до того поселения на Подоле и киевских горах стараниями Владимира объединяются в единый градообразующий центр. Расширяется государственная территория, на землях бывших «славиний» возникают новые центры киевской власти, представляющие собой укрепленные поселения нового типа. Именно из них, а не из славянских племенных центров вырастает подавляющее большинство городов древнерусского времени.

Последующее развитие Русской земли как раннего государства определяется совокупностью ряда факторов. К

определяющим относятся, во-первых, развитие и усложнение междукняжеских отношений и, во-вторых, возрастание роли городских общин.

Система междукняжеских отношений, функционирующая в рамках модели «родового сюзеренитета», на протяжении XI в. проходит через несколько этапов эволюции; ключевыми точками являются завещание Ярослава 1054 г. и решения Любечского съезда 1097 г. Основными задачами всех происшедших изменений являлось сохранение единства княжеского рода и предотвращение усобиц. Решение этих задач являлось насущной необходимостью в деле сохранения единства Русской земли.

Однако рост политического влияния городских общин фактически свел на нет все эти усилия. На протяжении XI в. киевская полития добилась существенных успехов в деле ограничения княжеской власти. Это позволило уже в начале XII в. поставить киевское столонаследие под контроль веча. Кроме того, периферийные городские центры Русской земли развернули активную борьбу за свою автономию. Опираясь на разросшиеся к этому времени княжеские группировки, малые города активно стремились выйти из-под контроля Киева.

В итоге ко второй четверти XII в. некогда единый клан потомков Ярослава распадается на несколько обособленных групп, активно враждующих меду собой, — Мономашичи, Мстиславичи и Ольговичи. Утрата династического единства на фоне отчетливой тенденции к автономии отдельных политий означала конец Русской земли как мультиполитийного образования. Из-под власти киевской политии уходят лояльные до этого времени анклавы. По итогам «переяславского кризиса» 1132—1136 гг. окончательно обособляется Новгород. Порывает с Киевом в ходе событий 1134—1136 гг. Черниговщина, сделавшая ставку на амбициозного Всеволода Ольговича. Его киевское княжение означало окончательное и бесповоротное падение Русской земли как единого образования.

Кончина Ярополка и вокняжение Всеволода знаменуют собой рождение новой политической реальности. В чем же состояло ее содержание? В первую очередь в том, что на-

чинается стремительное сокращение политического влияния Киева. В сфере этого влияния остается лишь Переяславль-Русский с тянущей к нему территорией, да и то до 1170—1180-х гг. К указанному времени, как показывает анализ летописных известий, границы Русской земли сужаются до размеров днепровского Правобережья. Де-факто это означало превращение Русской земли в землю Киевскую.

Сама киевская полития после княжения Всеволода Ольговича показывает резкое снижение политической активности. На повестке дня остаются вопросы политического лавирования между суздальскими Юрьевичами, черниговскими Ольговичами и Давыдовичами с целью поддержки волынских Изяславичей и смоленских Ростиславичей. Все эти политические маневры проходят на фоне активной борьбы пригородов за право влиять на киевское столонаследие. Но историческое бытие Русской земли в ее «киевской» ипостаси — тема отдельного исследования.

Примечания

[1] Речь идет о таких коллективных работах, как: *История* СССР: В 12 т. Т. 1. М., 1966. Раздел II, гл. 7, написан Б.А. Рыбаковым и является отражением его концепции, изложенной в следующих публикациях: *Рыбаков Б.А.* Предпосылки образования Древнерусского государства // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. М., 1958. С. 733—878; *Он же.* Обзор общих явлений русской истории IX—XIII вв. // Вопросы истории. 1964. № 2.

[2] *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси. Власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 185.

[3] *Гиппиус А.А.* Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: К 60-летию В.М. Живова. М., 2006.

[4] *Полное* собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 1. М., 1997. Стб. 18; Т. 2. М., 1998. Стб. 13.

[5] Там же. Т. 3. М., 2000. С. 105—106.

[6] Там же. Т. 1. Стб. 24; Т. 2. Стб. 17.

[7] Там же. Т. 3. С. 108.

[8] Там же. Т. 1. Стб. 26; Т. 2. Стб. 18.

[9] Там же. Стб. 29; Т. 2. Стб. 20.

[10] Там же. Т. 3. С. 107.

[11] *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX—X вв.) // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24—38.

[12] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20; Т. 2. Стб. 15.

[13] Там же. Т. 3. С. 106.

[14] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии. М., 1991. С. 156—157.

[15] *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 35.

[16] *Рыбаков Б.А.* Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И.В. Сталина // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 42—

62 (текст данной работы с незначительными изменениями был воспроизведен значительно позже в тексте: *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 56—67).

[17] *Кучкин В.А.* Русская земля по летописным данным XI — первой трети XIII вв. // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. Чтения памяти член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва. 13—15 апреля 1992. М., 1992. С. 79—82. Расширенный вариант работы см.: *Кучкин В.А.* Русская земля по летописным данным XI — первой трети XIII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992—1993 гг. М., 1995. С. 74—100.

[18] *Ведюшкина И.В.* «Русь» и «Русская земля» в Повести Временных лет и летописных статьях второй трети XII — первой трети XIII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992—1993 гг. М., 1995. С. 115. Примеч. 8.

[19] Там же. С. 113.

[20] *Котляр М.Ф.* «Руська земля» в літописах XI—XIII ст. // Укр. історичній журнал. 1976. № 11. С. 97—108.

[21] Работа была проведена в 2001—2003 гг. Предварительные итоги этой работы были опубликованы мной в 2004 г.: *Котышев Д.М.* «Русская земля» в первой половине XII в.: из наблюдений над текстом Ипатьевской летописи за 1110—1150 гг. // Український історичний збірник. 2005: Зб. наук. пр. Вип. 8. Київ, 2005.

[22] Здесь уместно вспомнить о точке зрения М.Н. Тихомирова, который утверждал, что «Русью первоначально называлась только Киевская земля, откуда это название распространилось на остальные земли восточных славян» (*Тихомиров М.Н.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Советская этнография. 1947. Т. VI—VII. С. 62).

[23] ПСРЛ. Т. 3. С. 23—24, 208—209.

[24] *Ведюшкина И.В.* «Русь» и «Русская земля»... С. 113.

[25] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. I. М., 1989. С. 248. Примеч. 296; Т. II—III. М., 1991. С. 318. Примеч. 316.

[26] См.: *Соловьев С.М.* Соч. Кн. II. М., 1988. С. 24.

[27] *Федотов А.Ф.* О значении слова «Русь» в наших летописях // Русский исторический сборник. М., 1837. Т. 1. Кн. 2. С. 114.

[28] Там же. С. 107, 109—110.

[29] См.: *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. СПб., 1876. Ч. II. С. 430, 439.

[30] Там же. С. 440.

[31] См.: *Грушевский М.С.* Киевская Русь. Т. 1. Введение. Территория и население в эпоху образования государства. СПб., 1911. С. 227—228.

[32] *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 340.

[33] См.: *Приселков М.Д.* Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Уч. зап. ЛГУ. 1941. Вып. 8.

[34] *Тихомиров М.Н.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 45.

[35] Там же. С. 24.

[36] *Рыбаков Б.А.* Поляне и северяне // Советская этнография. 1947. Вып. VI—VII. С. 104.

[37] *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 25.

[38] Там же. С. 28.

[39] Там же. С. 30.

[40] *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1949. С. 371, 372—373.

[41] *Третьяков П.Н.* Анты и Русь // Советская этнография. 1947. № 6—7. С. 72.

[42] *Рыбаков Б.А.* Анты и Киевская Русь // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 337.

[43] Там же. С. 323.

[44] *Рыбаков Б.А.* Поляне и северяне // Советская этнография. 1947. № 6—7. С. 82.

[45] Там же. С. 86.

[46] Там же. С. 103.

[47] Там же. С. 104.

[48] *Рыбаков Б.А.* Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И.В. Сталина // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 56.

[49] Там же.

[50] *Рыбаков Б.А.* Древние русы // Советская археология. 1953. Т. XVII. С. 99.

[51] *Рыбаков Б.А.* Проблема образования... С. 57—63.

[52] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6.

[53] *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 128—129.

[54] См.: *Грушевский М.С.* Киевская Русь. СПб., 1911. Т. 1. С. 227; *Середонин С.М.* Историческая география. Пг., 1916. С. 144; *Андріяшев О.* Нарис історії колонізації Київської землі до кінця XV ст. // Київ та його околиця в історії і пам'ятках. Київ, 1926. С. 35—36.

[55] См.: *Антонович В.Б.* О типах погребений в курганах Киевской губернии // Труды VIII Археологического съезда. М., 1897. Т. IV. С. 69; *Самоквасов Д.Я.* Могилы Русской земли. М., 1908. С. 188—226.

[56] *Спицын А.А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. 1899. Вып. VIII. С. 323.

[57] *Готье Ю.В.* Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930. С. 239—240.

[58] *Ляпушкин И.И.* Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1946. Т. XII. С. 177—118.

[59] *Ляпушкин И.И.* Памятники культуры полей погребений первой половины I тыс. н. э. днепровского лесостепного Левобережья // Советская археология. 1950. Т. XIII. С. 25.

[60] *Корзухина Г.Ф.* К истории Среднего Поднепровья в середине I тыс. н. э. // Советская археология. 1955. Т. XXII. С. 64, 72.

[61] См.: *Рыбаков Б.А.* Предпосылки образования Древнерусского государства // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. М., 1958. С. 733—878.

[62] См.: *Тимофеев Е.И.* Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв. // Советская археология. 1961. № 3. С. 67—72; *Он же.* Юго-западная группа восточных славян по археологическим данным X—XIII вв. // Уч. зап. Хабаровского пед. ин-та. 1961. Т. VI. С. 105—127; *Русанова И.П.* Курганы полян X—XII вв. // Свод археологических источников. 1966. Вып. Е1—24.

[63] См.: *Седов В.В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 108—110.

[64] *Моця А.П.* Срубные гробницы Южной Руси. С. 104.

[65] *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья IX—XIII вв. (по данным погребальных памятников). Киев, 1987. С. 84—86; Погребальные памятники южнорусских земель IX—XIII вв. Киев, 1990. С. 23—24; *Он же.* Южнорусские земли в IX—XIII вв. (по данным погребальных памятников). С. 17—18.

[66] *Шинаков Е.А.* Дружинная культура и русско-славянское противостояние в Брянском Задесенье (рубеж X—XI вв.) // Чернігівська земля у давнину і Середньовіччя. Київ, 1994.

[67] *Михайлов К.А.* Древнерусские элитарные погребения X — начала XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах): Дисс. ... канд. ист. наук. (Рукопись.) СПб., 2005. С. 221, 227—235, 256—258.

[68] См.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1989. Т. 1.

[69] См.: *Бантыш-Каменский Д.Н.* История малой России. Ч. 1. М., 1830. С. 3—4; *Закревский Н.В.* Очерк истории города Киева. Ревель, 1836. С. 7—8; *Соловьев С.М.* Сочинения. Т. 1. М., 1987; *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 1. М., 1988; *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. 2. Львів, 1904.

[70] Подробный анализ летописного рассказа о Кии см.: *Мельникова Е.А.* Легенда о Кие: о структуре и характере летописного текста // А се его сребро: Збірник праць на пошану чл.-кор. НАНУ М.Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002.

[71] См.: ИАК. Вып. 27. Прибавление. СПб., 1908. С. 48—57; Вып. 32. Прибавление. СПб., 1909. С. 74—78; *Елшин Д.Д.* Раскопки Императорской Археологической комиссии в Киеве в 1908—1914 гг.: новые архивные материалы // Вестник СПб. ун-та. Сер. № 2 (История). 2007. Вып. 4. С. 226—230; *Козюба В.К.* Фотографії та малюнки розкопок В.В. Хвойки 1907—1908 гг. в садибі Петровського в Києві // Науково-дослідницька та просвітницька діяльність Вікентія Хвойки. Трипілля, 2010; *Корзухина Г.Ф.* Новые данные о раскопках

В.В. Хвойко в усадьбе Петровского в Киеве // Советская археология. 1956. Т. 25. С. 318—342.

[72] О неизданных материалах раскопок Д.В. Милеева см.: *Грибанова Н.* «Втрачене» джерело про археологічні дослідження 1908—1914 рр. // Церква Богородиці Десятинна в Києві. К., 1996. С. 24—28; *Козюба В.К.* Дослідження садибі Десятинної церкви у Києві в 1908—1914 рр. (за матеріалами щоденників Д.В. Милєєва) // Ruthenica. 2005. Т. 4. С. 169—214; *Михайлов К.А., Елшин Д.Д.* Новые архивные материалы по археологическому изучению древнего Киева // Археологические вести. 2004. № 11. С. 226—232.

[73] См.: *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958.

[74] См: *Каргер М.К.* К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. // КСИИМК. 1940. Вып. VI. С. 61—63.

[75] См.: *Иванцов І.О.* Стародавній Київ. Київ, 2003.

[76] См.: *Брайчевский М.Ю.* Когда и как возник Киев. Киев, 1964. С. 119—120.

[77] См.: *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 18.

[78] См.: *Мавродин В.В., Фроянов И.Я.* Ф. Энгельс об основных итогах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // Вестн. Ленингр. ун-та. № 20. Сер. История, язык, литература. 1970. Вып. 4. С. 13—14.

[79] См.: *Рыбаков Б.А.* Город Кия // Вопросы истории. 1980. № 5. С. 36.

[80] См.: *Третьяков П.Н.* Восточнославянские племена. М., 1953. С. 250—252; *Он же.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966. С. 271.

[81] См.: *Рыбаков Б.А.* Город Кия. С. 36.

[82] Там же. С. 37.

[83] См.: *Толочко П.П.* Древний Киев. К., 1976. С. 18.

[84] См.: *Килиевич С.Р.* Археологическая карта Киевского детинца // Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976. С. 184—188; Розкопки в Києві на горі Кисілівці в 1940 р. // Археологія. 1947. № 1. 147; *Русанова И.П.* Славянские древности VI—VII вв. М., 1976. С. 24, 27; *Толочко П.П.* Древний Киев. С. 44; *Он же.* Історична топографія стародавнього Києва. К., 1970. С. 52.

[85] См.: *Рыбаков Б.А.* Город Кия. С. 33—35; *Он же.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 90—107.

[86] *Толочко П.П.* Древний Киев, С. 29; *Он же.* Происхождение и раннее развитие Киева (к 1500-летию со дня основания) // История СССР. 1982. № 1. С. 43; *Он же.* Происхождение и ранние этапы истории древнего Киева // Новое в археологии Киева. Киев, 1981. С. 43—47.

[87] См.: *Голубева Л.А.* Топография домонгольского Киева: Дис. ... канд. ист. наук. (Рукопись.) М., 1946; *Она же.* Киевский некрополь // Материал и исследования по археологии СССР. № 11. (Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1.) М.; Л., 1949. С. 103—118; С. 43—80.

[88] Розкопки в Києві на горі Кисілівці в 1940 р. // Археологія. 1947. № 1. С. 141—152.

[89] См: *Богусевич В.А.* Розкопки на гори Киселівці // АП УРСР. 1952. Т. 3. С. 68 и сл.; *Он же.* Археологические раскопки на Киево-Подоле в 1950 г. Отчет о работе Подольского отряда экспедиции «Большой Киев» // Науковий архів Інституту археології НАН України (далее — НА ІА НАНУ). 1950/18. Ед. хр. 1136. С. 11—12, 13—17, 19—20, 21—22.

[90] *Богусевич В.А.* Города и замки Киевской земли IX—XIII вв. // НА ІА НАНУ. Ф. 12. № 368. С. 30.

[91] Там же. В кратком изложении эти мысли были опубликованы: *Богусевич В.А.* Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 р. // Археологія, 1954. Т. IX. С. 42—53.

[92] См.: *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 363 и сл.; *Толочко П.П.* Історична топографія стародавнього Києва. Київ, 1970. С. 111—118, 128—129; *Он же.* Происхождение и ранние этапы истории древнего Киева // Новое в археологии Киева. Киев, 1981. С.

[93] Речь идет в первую очередь о исследованиях, проводившихся по линии строительства Подольской линии Киевского метрополитена в 1972—1976 гг., см.: *Гупало К.М.* Звіт про розкопки на траси Подольской лінії Київського метрополітену // НА ІА НАНУ. Ф. 1971—1973/34д. Ед. хр. 6421—6423; *Он же.* Звіт про археологічні дослідження на Подолі // НА ІА НАНУ. Ф. 1973/22а. Ед. хр. 7473—7474; *Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю., Сагайдак М.А.* Отчет об археологических исследованиях Подола в 1974 г. // НА ІА НАНУ. Ф. 1974/28. Ед. хр. 7485—74—86; *Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю., Сагайдак М.А.* Отчет об археологических исследованиях Подола в 1975 г. // НА ІА НАНУ. Ф. 1975/25а. Ед. хр. 7571—7572; *Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю., Сагайдак М.А.* Отчет о раскопках Киевоподола в 1976 г. // НА ІА НАНУ. Ф. 1976/31а. Ед. хр. 8416—8417.

[94] См.: *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 97.

[95] См.: *Шовкопляс А.М.* Славянская керамика Киева VII—IX вв. // КСИАУ. 1959. С. 138—144.

[96] См.: *Харламов В.А.* Исследования на Замковой горе в Киеве // Археологические открытия 1977 г. М., 1978. С. 396.

[97] *Толочко П.П.* Древний Киев. С. 44; *Он же.* Происхождение и ранние этапы истории древнего Киева. С. 52.

[98] См.: *Розкопки* в Києві на горі Кисілівці в 1940 р. С. 146.

[99] См.: *Мюле Э.* К вопросу о начале Киева // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 121.

[100] См.: *Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962. С. 33, № 84; *Он же.* Клады римских монет в Восточной Европе // ВДИ. 1951. № 4. С. 274, № 502; *Розкопки* в Києві на горі Кисілівці в 1940 р. С. 147.

[101] См.: *Сагайдак М.А.* Актуальні питання зародження та формування раннього Києва // Магістеріум. Археологічні студії. Вип. 6. 2001. С. 14—15.

[102] См.: *Писаренко Ю.* Першопочатки Києва: наукові уявлення та народна традиція // Київська старовина. № 1. 2002. С. 30—32; *Зоценко В.Н.* Скандинавские древности и топография Киева «дружинного» периода // Ruthenica. Т. II. 2003. С. 27—52; *Михайлов К.А.* Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная // Российская археология. № 1. 2004. С. 35.

[103] См.: *Андрощук Ф.А.* Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // Ruthenica. Т. III. 2004. С. 7—47.

[104] См.: *Козюба В.К.* Городище на Старокиївської горі // Стародавній Іскоростень і слов'янськи гради VIII—IX вв. Київ, 2004. С. 139—152.

[105] См.: *Комар А.В.* К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. Т. IV. 2005. С. 115—137.

[106] См.: *Толочко П.П.* Историческая топография раннего Киева: реальная и вымышленная // Ruthenica. Т. VIII. 2009. С. 151—183.

[107] См.: *Котышев Д.М.* Начальный этап истории Киева (IX—X вв.) // Вестник Челябинского ун-та. Серия 1. История. 2005. № 2 (18). С. 8—13.

[108] См.: *Геппенер Н.В.* Археологічні роботи по дослідженню м. Києва в 1939 р. Київської археологічної експедиції на кол. садибі Петровського // НА ІА НАНУ. Ф. 20. ИИМК. № 48. С. 95; *Иванцов І.О.* Стародавній Київ. Київ, 2003. С. 76.

[109] См.: *Каргер М.К.* Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1939—1947 гг.). Киев, 1950. С. 97—99; *Он же.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 104.

[110] См.: *Комар А.В., Сухобоков О.В.* Городище «Монастырище» и древнерусский Ромен: проблема преемственности // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст. К., 2004. С. 166—170.

[111] См.: *Кілієвич С.Р.* Археологічні дослідження на Старокиївської гори 1958 р. // НА ІА НАНУ. Ф.є. 1958/47. Ед. хр. 6869. С. 6.

[112] См.: *Килиевич С.Р.* Детинец Киева IX — первой половины XIII вв. Киев, 1982. С. 32; *Шовкопляс А.М.* Раннеславянская керамика с горы Киселевки в Киеве // Славяне накануне образования Киевской Руси. М., 1963. С. 169—172.

[113] См.: *Толочко П.П., Килиевич С.Р.* Новые исследования Старокиевской горы // Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг. Киев, 1967.

[114] См.: *Толочко П.П., Килиевич С.Р.* Дневник Киевской археологической экспедиции ИА АН УССР и Государственного музея 1965 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1965/1Е. Ед. хр. 4946. С. 13—14, 16, 20, 27.

[115] Там же. С. 27—28.

[116] См.: *Комар А.В.* Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX—X вв. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 314; *Сагайдак М.А.* Хронология археологических комплексов Киевского Подола // НА ІА НАНУ. П. т. № 149. С. 94; *Толочко П.П., Гупало К.М., Харламов В.А.* Розкопки Києвоподолу // Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976. С. 14.

[117] См.: *Килиевич С.Р.* Детинец Киева IX — первой половины XIII вв. С. 28; *Толочко П.П.* Раскопки древнего Киева // Декоративное искусство СССР. 1972. № 1. С. 54—56.

[118] См.: *Русанова И.П.* Поселение у с. Корчак на р. Тетерев // МИА. 1963. № 108. С. 44; *Она же.* Славянские древности VI—VII вв. С. 16.

[119] См.: *Мовчанівський Ф.М.* Садиба Художньої школи. Щоденник керівника розкопок на «Десятинній садибі у Києві» // НА ІА НАНУ. Ф. ІІМК. № 9 (118) С. 83—89; *Корзухина Г.Ф.* Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1996. Вып. 5. Табл. 77.

[120] См.: *Івакін Г.Ю., Козюба В.К., Комар О.В., Манігда О.В.* Розкопки 2009 р. на Старокиївській горі поблизу Десятинної церкви // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. К., 2010. С. 169.

[121] См.: ИАК. Вып. 48. Прибавление. С. 117—118.

[122] См.: *Мовчанівський Ф.М.* Щоденник № 7 Київської археологічної експедиції 1936 р. // НА ІА НАНУ. Ф. 20. № 38. ІІМК/К № 20. С. 20.

[123] См.: *Каргер М.К.* Археологические исследования древнего Киева. С. 96.

[124] См.: *Толочко П.П., Килиевич С.Р.* Отчет о раскопках Киевской археологической экспедиции 1965 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1965/1Е. Ед. хр. 4944. С. 4—5.

[125] См.: *Толочко П.П.* Звіт про роботу Київської археологічної експедиції в 1969 р. // НА ИА НАНУ. Ф.є. 1969/20. Ед. хр. 7148. С. 2—3.

[126] См.: *Івакін Г.Ю., Козюба В.К., Комар О.В., Манігда О.В.* Археологічні дослідження ділянок біля Десятинної церкви 2008 р. // Археологічні дослідження в Україні 2008 р. К., 2009. С. 91—92.

[127] См.: *Козюба В.К.* Городище на Старокиївській горі. С. 144.

[128] См.: *Моргунов Ю.Ю.* Дерево-земляные укрепления Южной Руси X—XIII вв. М., 2009. С. 13—14; *Он же.* Фортификация Южной Руси X—XIII вв.: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2007. С. 31—32.

[129] См.: *Комар А.В.* К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева. С. 125.

[130] См.: *Комар А.В.* Киев и Правобережное Поднепровье. С. 318—319.

[131] См.: *Коваленко В.П., Моця А.П., Сытый Ю.Н.* Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998—2002 гг. // Дружинні старожитності центрально-східної Європи VIII—XI ст. Чернігів, 2003.

[132] См.: *Комар А.В.* Киев и Правобережное Поднепровье. С. 320.

[133] См.: *Сагайдак М.А.* Хронология археологических комплексов Киевского Подола // НА ІА НАНУ. П.т. № 149. С. 94.

[134] См.: *Комар А.В.* Поляне и северяне // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 174—178.

[135] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 21.

[136] *Булкин В.А., Лебедев Г.С.* Гнёздово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11—17.

[137] *Носов Е.Н.* Проблема происхождения первых городов Северо-Западной Руси // Древности Северо-Запада. СПб., 1993. С. 67.

[138] *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 100—101, 203, 205; *Он же.* Эпоха викингов в Северной Европе. СПб., 2005. С. 29. Рис. 4.

[139] *Давидан О.И.* К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией // Скандинавский сборник. 1971. № 16. С. 54—63.

[140] *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М., 1976. С. 144—146; *Мельникова Е.А.* Европейский контекст возникновения древнерусской государственности // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. С. 96—100.

[141] *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. С. 100.

[142] *Мельникова Е.А.* Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н. э. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 г. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2010. С. 43—57; *Она же.* Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе: сравнительно-типологический аспект // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. С. 89—100.

[143] *Пиренн А.* Империя Карла Великого и Арабский халифат. Конец античного мира. М., 2011. С. 195—204.

[144] *McCormick M.* Origins of the European Economy. Communications and Commerce AD 300—900. N. Y., 2001.

[145] *Мельникова Е.А.* Европейский контекст возникновения древнерусской государственности. С. 243—244; 248—249.

[146] *Louth A.* Justinian and his Legacy (500—600) // The Cambridge History of the Byzantine Empire (500—1492). Cambridge, 2008. P. 105—114, Map. 5. P. 111; *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. Stanford, 1997. P. 207—217.

[147] *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 1. Время до Крестовых походов. М., 2000. С. 289—290.

[148] См.: *Ashtor E.* A social and economic history of Near East in the Middle Ages. London, 1976. P. 71—120; *Большаков О.В.* История Халифата. М., С. 46.

[149] *Фомин А.В.* Начало распространения куфических монет в районе Балтики // Краткие сообщения Института археологии (далее — КСИА). М., 1982. № 171. С. 18.

[150] См.: *Назаренко А.В.* Происхождение древнерусского денежно-весового счета // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 76—77; *Он же.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 213—214.

[151] См. работы Т. Нунана: *Noonan T.S.* 9th centry dirham hoards from European Russia: a preliminary report // Viking-Age coinage in the Nortern Lands. London, 1981. P. 51—52; *Он же.* The Role of Arab-Khazar Relation in the Development of the Earliest Islamic Trade with Eastern Europe // Achivum Eurasiae Medii Avei. 1984. Vol. 4. P. 265; *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. 750—1200. СПб., 2000. С. 25.

[152] См.: *Истомина Э.Г.* Водные пути России во вт. пол. XVIII — начале XIX в. М., 1982. С. 134—136, 155—161.

[153] См.: *Дубов И.В.* Великий Волжский путь. Л., 1989. С. 17—32, 55—96.

[154] См.: *Мельникова Е.А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований... С. 23—31; *Она же.* Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX—X вв. // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. Киров, 1997. С. 134—135.

[155] *Пузанов В.В.* Война и внешняя торговля как факторы образования древнерусской государственности // Российская государственность: уровни власти. Историческая динамика. Ижевск, 2001. С. 3—16.

[156] См.: *Булкин В.А., Лебедев Г.С.* Гнездово и Бирка: (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11—17; *Булкин В.А.* О некоторых особенностях раннегородских центров Древней Руси // Древние города: Материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». Л., 1977. С. 71—73. Тогда же И.В. Дубов и И.Я. Фроянов указали на то, что «протогорода возникают независимо от племенных объединений и являются многоэтничными... Это важные звенья в международной торговле, возникающие отнюдь не на сельской основе. Основные занятия их населения — торговля и ремесло» (*Фроянов И.Я., Дубов И.В.* Основные этапы социального развития древнерусского города (IX—XII вв.) // Древние города... С. 70). См. также новейшее исследование К.А. Михайлова: *Михайлов К.А.* Сравнительная топография первых древнерусских городов IX—X вв. С. 11—14.

[157] *Франклин С., Шепард Дж.* Начало Руси. С. 45.

[158] *Фроянов И.Я.* Из истории зарождения Русского государства... С. 68; *Он же.* Мятежный Новгород. Очерки государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 70—71, 98—106.

[159] См.: *Ловмяньский Г.* Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // Скандинавский сборник. Таллин, 1963. Вып. 7. С. 221—249; *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги... С. 193—194.

[160] *Noonan T.S.* Khazaria as an Intermediary Between Islam and Easten Europe in the Second Half of the ninth Century: The Numismatic Perspective // Arhivium Euraziae Medii Aevi. 1985 [1987]. Vol. 5. P. 183; *Франклин С., Шепард Дж.* Начало Руси. С. 95—96.

[161] См.: *Левченко М.В.* История Византии. М.; Л., 1940. С. 143—144; *Курбатов Г.Л.* История Византии (от античности к феодализму). Л., 1984. Показательный пример — в X в. только одни налоговые сборы с константинопольских рынков составляли около 7300 золотых (!) монет в год, см.: *Диль Ш.* Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С. 124.

[162] См.: *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. С. 15—205; *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. С. 410—606; *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. М.; Смоленск, 1995. С. 83—115; *Шинаков Е.А.* Образование древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. М., 2009. С. 66—210; *Андрощук Ф.О.* Нормани і слов'яни у Подесінні (моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя). Київ, 1999.

[163] Обстоятельная аргументация этих идей содержится в трудах М. Таубе, см.: *Taube M.* Rome et la Russie avant l'invasion des Tatars (IX[e] — XIII[e] siecle). T. 1. Le Prince Askold, l Origine de l Etat de Kiev et la Premiere Conversion Des Russes. Paris, 1947.

[164] *Arne T.J.* La Suede et l'Orient. Etudes archeologiques sur les relations de la Suede et de l'Orient pendant l'age des Vikings. Uppsal, 1914.

[165] *Андрощук Ф.А.* Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // Ruthenica. 2004. Т. III. С. 8. Автор полагает, что масштаб скандинавской колонизации «вполне сравним с колонизацией датчанами Восточной Англии».

[166] *Jansson I.* Warfare, trade of colonization? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the Viking Period // The Rural Vikings in Russia an Sweden. Orebro. 1997. P. 9—64.

[167] *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 45—46.

[168] *Мошин В.А.* Начало Руси. Норманны в Восточной Европе // Byzantinoslavica. Recueil pour l'etude des relation buzantino-slaves. T. III. Prague, 1931. P. 55—58, 291, 301—305.

[169] *Алпатов М.А.* Варяжский вопрос в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории. 1982. № 5. С. 34—36.

[170] *Скрынников Р.Г.* История Российская. IX—XVII вв. М., 1997. С. 14—19 и сл.

[171] *Пузанов В.В.* К вопросу о генезисе восточнославянской государственности // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории: Материалы науч. конф., посв. 20-летнему юбилею Удмурт. гос. ун-та. Ижевск, 23 октября 1992 г. Ижевск, 1993. С. 21—44; *Его же.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. С. 190—200, 225—250, 275—293.

[172] *Пузанов В.В.* От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб., 2017. С. 232—233.

[173] Точная дата нашествия «росов» известна благодаря Брюссельской хронике: «με' Μιχαὴλ υἱὸς Θεοφίλου σὺν τῇ μητρὶ αὐτοῦ Θεοδώρα ετη δ', καὶ μόνος ετη ι', καὶ σὺν Βασιλείῳ ἔτος ἓν μῆνας δ' ἐπὶ τῆς αὐτοῦ βασιλείας μηνὶ Ἰουνίῳ ιή, ἡ, ἔτους ςτξή, τῷ ἑ ἔτει τῆς ἐπικρατείας αὐτοῦ ἦλθον Ῥὼς σὺν ναυσὶ διακοσίαις, οἱ διὰ πρεσβειῶν τῆς πανυμνήτου Θεοτόκου κατεκυριεύθησαν ὑπὸ τῶν Χριστιανῶν καὶ κατὰ κράτος ἠττήθησάν τε καὶ ἠφανίσθησαν» — Anecdota Bruxellensia, I: Chroniques byzantines du manuscrit 11376 / Ed. par F. Cumont. Gand, 1894. P. 33. («Михаил, сын Феофила — 4 года с матерью своей Феодорой, 10 лет один, год и 4 месяца с Василием. В его царствование, 18-го числа июня месяца, 8 [индикта], в 6368 году, на 5-м году его правления пришли росы с двумястами кораблями, которые, ходатайствами Всехвальной Богородицы, были христианами покорены, сокрушительно побеждены и истреблены») — перевод П.В. Кузенкова, см.: *Кузенков П.В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. Проблемы источниковедения. М., 2003. С. 156.

[174] А.А. Васильев полагал, что атаковавшие Константинополь росы пришли со стороны Средиземного моря, в то время как, по свидетельству патриарха Фотия, нападавшие явились с севера: «ἐξεῖρψεν ἀπὸ βορρᾶ ὡς εἰς ἄλλην ἐπελαύνων Ἱερουσαλήμ» — Φωτίου Ὁμιλίαι / Ἔκδοσις κειμένου, εἰσαγωγὴ καὶ σχόλια ὑπὸ Β. Λαούρδα. Θεσσαλονίκη, 1959. Σ. 30 («выполз народ с севера, словно устремляясь на другой Иерусалим») — перевод П.В. Кузенкова, см.: *Кузенков П.В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси. С. 32.

[175] *Щавелев А.С.* Русы/росы в Восточной Европе: модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян (вторая половина IX—X в.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 114.

[176] См.: *Мурашева В.В., Довгалюк Н.П., Фетисов А.А.* Византийские импорты с территории пойменной части Гнездовского поселения // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М.; СПб., 2009. Т. I. С. 546, 547.

[177] *Бахрушин С.В.* К вопросу о русском феодализме (рецензия на книгу: *Греков Б.Д.* Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л., 1935) // Книга и пролетарская революция. 1936. № 4. С. 44, 46; *Он же.* Держава Рюриковичей // Вестник древней истории. 1938. № 2. С. 90—91, 98; *Рубинштейн Н.Л.* Рецензия на «Памятники истории Киевского государства IX—XI вв.» // Историк-марксист. 1938. № 1. С. 130, 131.

[178] См.: *Фроянов И.Я.* Мятежный Новгород. С. 114—117; *Он же.* Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб., 2015. С. 142—143.

[179] *Пузанов В.В.* Образование Древнерусского государства... С. 127—128; *Он же.* От праславян к Руси. С. 253.

[180] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20.

[181] См.: *Зиборов В.К.* О перспективах изучения русских письменных источников XI в. // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. Вып. 4. № 23. Октябрь. 1989. С. 61.

[182] См.: *Зиборов В.К.* Паремийник — источник Киевских летописцев XI в. // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. 2. СПб., 2007. С. 147—186; *Он же.* О начальной части Устюжской летописи // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А.Н. Кирпичникова посвящается. Т. 1. СПб.; М., 2009. С. 307—315. Более подробно проблема раннего русского летописания рассмотрена во введении.

[183] ПСРЛ. Т. 37. М., 1981. С. 20.

[184] Там же. С. 56.

[185] *Вешнякова К.В., Булкин В.А.* Ремесленный комплекс гнёздовского поселения (по материалам раскопок И.И. Ляпушкина) // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М. Труды ГИМ. № 124. С. 51; *Мурашёва В.В., Панин А.В., Фетисов А.А.* Междисциплинарные исследования в археологии (по результатам исследования Гнёздовского археологического комплекса) // Средние века. М., 2009. Вып. 70 (3). С. 132—148.

[186] Впервые вопрос об открытых торгово-ремесленных поселениях концептуально был поставлен В.А. Булкиным и Г.С. Лебедевым (см.: *Булкин В.А., Лебедев Г.С.* Гнёздово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11—17). К началу 1990-х гг. эта концепция была признана большинством отечественных исследователей, см.: *Носов Е.Н.* Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада. СПб., 1993. С. 67.

[187] См.: *Михайлов К.А.* Сравнительная топография первых древнерусских городов IX—X вв. (к юбилею одной статьи) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства. Вологда, 2012. С. 5—20.

[188] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 21.

[189] Там же. Т. 37. С. 18.

[190] Там же. С. 57.

[191] Там же. Т. 3. С. 105—106.

[192] Там же. Т. 1. Стб. 25—26.

[193] Там же. Стб. 27.

[194] Там же. Стб. 6, 7.

[195] См.: *Мавродин В.В.* Древняя Русь. СПб., 2009. С. 103.

[196] См.: *Седов В.В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 107.

[197] См.: *Антонович В.Б.* О типах погребений в курганах Киевской губернии // Труды VIII Археологического съезда. М., 1897. Т. IV. С. 69. Д.Я. Самоквасов отнес к полянам все погребальные комплексы в Среднем Поднепровье, не принадлежавшие древлянам и северя-

нам. См.: *Самоквасов Д.Я.* Могилы Русской земли. М., 1908. С. 188—226.

[198] См.: *Готье Ю.В.* Железный век в Восточной Европе. С. 239—240.

[199] См.: *Рыбаков Б.А.* Поляне и северяне. С. 82.

[200] См.: *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 25, 28.

[201] См.: *Тимофеев Е.И.* Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв. // Советская археология. 1961. № 3. С. 67—72; *Он же.* Юго-западная группа восточных славян по археологическим данным X—XIII вв. // Уч. зап. Хабаровского пед. ин-та. 1961. Т. VI. С. 105—127; *Русанова И.П.* Курганы полян X—XII вв. // Свод археологических источников. 1966. Вып. Е1—24.

[202] См.: *Соловьева Г.Ф.* Погребальные обряды. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра // САИ. 1962. Д. 1—12. Ч. II. С. 62.

[203] См.: *Русанова И.П.* Курганы полян. Табл. 10.

[204] См.: *Седов В.В.* Восточные славяне. С. 109. Карта 14.

[205] См.: *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья IX—XIII вв. (по данным погребальных памятников). Киев, 1987. С. 58, 61 и сл.

[206] См.: *Сухобоков О.В.* Левобережная Украина в VII—XIII вв. // Чернигов и его округа в IX—XIII вв. Киев, 1988. С. 52.

[207] См.: *Сухобоков О.В.* Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975; *Он же.* Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VI—XIII рр. (за матеріалами археологічних досліджень 1968—1989 рр.). Київ, 1992.

[208] См.: *Петрашенко В.О.* Волинцевська культура на Правобережному Подніпров'ї // Археологія. 1989. № 2. С. 41—43.

[209] См.: *Комар А.В.* К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева. С. 122—123. Примеч. 35. Основные положения, критикуемые им, см. в работе: *Петрашенко В.О.* До проблеми археологічної інтерпретації літописних полян // Старожитності Русі-України. Київ, 1994. С. 182—186; *Она же.* Літописні поляне: миф чи реальность? // Археологія. 1998. № 2. С. 53—62.

[210] См.: *Готун І.А., Петраускас А.В., Петраускас О.В.* Один з аспектів етнокультурної ситуації на Правобережжі Київського Подніпров'я наприкінці I тыс. // Слов'янські обрії. Київ, 2006. С. 53—66.

[211] См.: *Седов В.В.* Русский каганат IX в. // Отечественная история. 1998. № 4. С. 3—16; *Он же.* Древнерусская народность. М., 1999. С. 59—90.

[212] В наиболее ортодоксальном и категорическом варианте данная схема изложена Б.А. Рыбаковым, см.: *Рыбаков Б.А.* Древние русы // СА. 1953. Т. XVIII. С. 23—64 и сл.

[213] См.: *Горюнов Е.А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981. С. 94; *Комар А.В.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы // Vita Antiqua. 1999.

№ 2. С. 112 и сл.; *Он же*. Ранні хозарі у Пивничному Причорномор'ї // Археологія. 2000. № 1. С. 130—140.

[214] *Петрухин В.Я.* Киев и Новгород как центры этнокультурных контактов: к проблеме формирования городских центров // Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва. 14—16 апреля 1999 г. М., 1999. С. 29.

[215] См.: *Петрухин В.Я.* Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории древнерусского государства // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992—1993. М., 1995. С. 117—124.

[216] См.: *Петрашенко В.О.* Волинцевська культура на Правобережжі Подніпров'я (за матеріалами Ходосівського поселення) // Археологія. 1989. № 2. С. 32—43; *Абазина Н.С.* Ранньослов'янське поселення Обухів VII на Стугні // Археологія. 1986. Віп. 53. С. 72—86; *Готун І.А., Лисенко С.Д., Петраускас О.В.* Багатошарове поселення Ходосівка-Диброва в світлі нових досліджень // Археологічні відкриття в Україні 2002—2003 рр.: Збірка наукових праць. Вип. 6. Київ, 2004. С. 93—100.

[217] См.: *Комар А.В.* Поляне и северяне // Древнейшиие государства Восточной Европы. 2010: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 178.

[218] См.: *Фетисов А.А., Щавелев А.С.* «Племя» полян по летописным известиям и данным археологии // История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора А.А. Спицына. СПб., 26—30 ноября 2008 г. Санкт-Петербург, 2008. С. 369—372.

[219] См.: *Комар А.В.* Погребение кочевника начала VIII в. у села Журавлиха в Среднем Поднепровье // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. Т. 5. С. 403—412.

[220] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 16—17.

[221] Там же. Стб. 25—26.

[222] См.: *Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях. С. 124—125.

[223] См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 9; *Живов В.М.* Об этническом и религиозном сознании Нестора Летописца // *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 170—186.

[224] Речь идет о событиях, описанных в «Житии Георгия Амастридского», см.: *Васильевский В.Г.* Труды. Т. 3. СПб., 1915. Житие Георгия Амастридского. С. 64—71. Существующая научная традиция говорит о том, что «Житие» является сочинением Игнатия и создано до 842 г., см.: *Бибиков М.В.* BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. Нарративные памятники. II. М., 2009. С. 135—136. П.В. Кузенков полагает, что описываемые в «Житии Георгия Амастридского» события происходили между 815 и 843 гг.,

в период господства иконоборцев; см.: *Кузенков П.В.* Из истории начального этапа византийско-русских отношений // Исторический вестник. Т. 1 (148). Начало русской государственности. М., 2012. С. 64—65.

[225] См.: *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 7—51.

[226] Там же. С. 52—58. См. также: *Назаренко А.В.* Еще раз о «Русской марке» (Ruzara Marcha) из грамоты Людовика Немецкого 862—863 гг. // От Древней Руси к России нового времени. Сб. ст. к 70-летию А.Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 55.

[227] *Назаренко А.В.* Русь IX века: Север и Юг // 1150 лет российской государственности и культуры: Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвященному Году российской истории: Москва, 18 декабря 2012 г. М., 2012. С. 46.

[228] О направлениях этого маршрута см.: *Моця А.П., Халиков А.Х.* Булгар — Киев. Пути, связи, судьбы. Киев, 1997; *Назаренко А.В.* Южнонемецкие земли в европейских связях IX—XI вв. // Средние века. 1990. Вып. 53. С. 12—136.

[229] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 22—23.

[230] Там же. Т. 3. С. 108.

[231] См.: *Бахрушин С.В.* К вопросу о достоверности Начального свода // *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 15—35.

[232] См.: *Назаренко А.В.* Север и Юг. С. 40; *Щавелев А.С.* К датировке захвата Киева князьями Олегом и Игорем Рюриковичем (летописная дата, византийские источники и археология) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М., 2016. С. 534.

[233] См.: *Франклин С., Шепард Дж.* Начало Руси. СПб., 2000. С. 146—158.

[234] См.: *Цукерман К.* Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. СПб., 2007. С. 72—73.

[235] См.: *Щавелев А.С.* К датировке захвата Киева князьями Олегом и Игорем Рюриковичем. С. 534.

[236] См.: *Роменский А.А.* Хельги у ворот Константинополя. Русь между Хазарией и Византией в начале X в. // Хазарский альманах. Т. 15. М., 2017. С. 173. Примеч. 16.

[237] См.: *Гупало К.М., Толочко П.П.* Звіт про археологічні дослідження на Подолі в 1973 році // НА ІА НАНУ. Ф. 1973/22а. Ед. хр. 7473.; публикация результатов см.: *Толочко П.П., Гупало К.М., Харламов В.О.* Розкопки Київоподолу 1973 р. // Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ, 1976. С. 47—56.

[238] Речь идет о кладах, открытых в 1851 и 1913 гг., см.: *Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954. С. 83. Уточняющая датировка нумизматических коллекций проведена В.С. Кулешовым,

см.: *Кулешов В.С.* Киевские клады пер. пол. X в. и нумизматическая хронология могильника на Старокиевской горе // Труды Гос. Эрмитажа. Вып. LXV. Первые каменные храмы на Руси. Материалы архитектурно-археологического семинара. СПб., 2012. С. 170—172; 174—177.

[239] См.: *Михайлов К.А.* Реконструкция древнейших укреплений Старокиевского городища // Археологія и давня історія України. Вип. 1. Київ, 2010. С. 308—315.

[240] См.: *Ивакин В.Г.* Киевские погребения X века // Stratum Plus. 2011. № 5. С. 245—246. Характерно, что нижней хронологической границей является как раз рубеж IX—X вв. — *Там же*. С. 244.

[241] См.: *Щавелев А.С.* Известие о «северных скифах» («росах») в трактате «Тактика» византийского императора Льва VI Мудрого // Историческая география. Т. 3. М., 2016. С. 245.

[242] См.: *Васильев А.А.* Византия и арабы. Ч. 2. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1900. С. 138—153; *Иоанн Камениата.* Взятие Фессалоники // Две византийские хроники X века. М., 1959. С. 213—241 (комментарий Р.А. Наследовой).

[243] См.: *Хроника* Симеона Магистра и Логофета / Пер. со среднегреч. А.Ю. Виноградова, вступ, ст. и коммент. П.В. Кузенкова. М., 2014. С. 206.

[244] Текст Хроники Псевдо-Симеона был издан по рукописи Parisinus dr.1712, которая по особенностям почерка датируется XII — началом XIII в. О датировке см. указание А.С. Щавелева со ссылкой на мнение М.А. Курышевой: *Щавелев А.С.* «Держава Рюриковичей» в первой половине X века: хронология, территория и социальная структура // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. № 1. С. 86. Примеч. 17.

[245] «Ῥῶς δέ, οἱ καὶ Δρομῖται φερώνυμοι, ἀπὸ Ῥῶς τινὸς σφοδροῦ διαδραμόντες ἀπηχήματα τῶν χρησαμένων ἐξ ὑποθήκης ἢ θεοκλυτίας τινὸς καὶ ὑπερσχόντων αὐτούς, ἐπικέκληνται. Δρομῖται δὲ ἀπὸ τοῦ ὀξέως τρέχειν αὐτοῖς προσεγένετο ἐκ γένους δὲ τῶν Φράγγων καθίστανται» — Symeonis Magistri Chronographia // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838. P. 705—707; «А росы, носящие также имя дромитов, прозвались в честь некоего могучего Роса, распространившись отголосками того, что было предсказано по наставлению или некоему божественному гласу и превзошло их. Дромиты они оттого, что им свойственно быстро передвигаться; происходят же они от рода франков» (*Кузенков П.В.* Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в Средние века. VIII. СПб., 2001. С. 18—21). Ср. перевод М.В. Бибикова: Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. II. Византийские источники. М., 2010. С. 182.

[246] См.: *Dolley R.H.* Pseudo-Symeon (pp. 705—7) and the Oleg controversy // The Slavonic and East European Review. Vol. 30, N 75. 1952. P. 551—555.

[247] В классическом издании Ж.-П. Миня и в издании Денниса эта фраза выглядит следующим образом: «Οὐ γὰρ ὁ αὐτός ἐστιν στόλος τῶν πλοίων τῶν τε Σαρακηνῶν βαρβάρων καὶ τῶν λεγομένων βορείων Σκυθῶν. Οἱ μὲν γὰρ Σαρακηνοὶ κουμβαρίοις χρῶνται μείζουσι καὶ ἀργοτέροις, οἱ δὲ οἷον ἀκατίαις ἐλάττοσι καὶ ἐλαφροτέροις καὶ ταχίνοις, οἱ Σκύθαι διὰ ποταμῶν γὰρ εἰς τὸν Εὔξεινον ἐμπίπτοντες πόντον, οὐ δύνανται μείζονα χρήσασθαι πλοίοις» — The Taktika of Leo VI / Text, translation, and commentary by G. Dennis [Corpus fontum historiae Byzantine. V. XLIX]. Washington, 2010. P. 532. Перевод: «Ведь флот варваров-сарацин и флот так называемых борейских скифов не один и тот же: варвары используют большие и тихоходные кумбарии, а скифы — небольшие, легкие и быстроходные челны, поскольку реки, впадающие в Понт Евксинский, не позволяют использовать крупные корабли» (*Лев VI Мудрый*. Тактика Льва / Подг. В.В. Кучма. СПб., 2012. С. 305). Тождество борейских скифов с народом Ῥῶς устанавливается посредством пересказа данной фразы Льва VI в «Тактике» Никифора Урана, где вместо βορείωνΣκυθῶν читается Ῥῶσοι: «Οὐ γὰρ τὸν αὐτός ἐστιν ἔχουσι στόλον Σαρακηνοί ἔχουσι δὲ καὶ τῶν μπάδια μεγαλώτερα καὶ αργότερα. οἱ δὲ Ῥῶσοι ἀχάτια μικρότερα καὶ ἐλαφροτέρα καὶ γοργά διαβαίνουσι γὰρ ποταμούς καὶ οὕτως ἐμβαίνοσιν εἰς τὸν Εὔξεινον Πόντον καὶ διά τουτο οὐ δύνανται εχειν μεγαλώτερα πλοία» — Dain A. Naumachica. Paris, 1943. 86.32—87.5.

[248] Есть мнение, что сведения о походе Имерия связаны не с Критом, а с экспедицией в Сирию, которая состоялась, по указанию ал-Масуди в 297 г. хиджры (20 сентября 909 — 8 сентября 910 г.) — Macoudi Les prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. T. 8. Paris, 1874. P. 281; *Роменский А.А.* Хельги у ворот Константинополя. С. 177. Примеч. 24.

[249] Constantine Porphyrogennetos. The Book of Ceremonies. In 2 vol. / Trans. by A. Moffart, M. Tall. with Greek ed. of CSHB (Bonn, 1829). Vol. 2. Book II (Byzantina Australiensia. Vol. 18 (1)). Canberra, 2012. P. 651—652, 654.

[250] См.: *Хроника* Симеона Магистра и Логофета. С. 208; *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей. СПб., 2009. С. 232; *Васильев А.А.* Византия и арабы. С. 156—157; *Кузенков П.В.* Русь Олега у Константинополя в 904 г. С. 35. Примеч. 2.

[251] См.: *Каштанов С.М.* К вопросу о происхождении текста русско-византийских договоров X в. в составе Повести временных лет // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. М., 1996. С. 39—42; *Он же*. Из истории русского средневекового источника (Акты X—XVI вв.). М., 1996. С. 4—57; *Горский А.А.* К вопросу о русско-византийском договоре 907 г. // Восточная Европа в древности и средневековье. Международная договорная практика Древней Руси. М., 1997. С. 6—10; *Бибиков М.В.* Русь в византийской дипломатии: Договоры Руси с греками X в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2005. № 1 (19). С. 5—15.

[252] См.: *Jenkins R.J.H.* General Introduction // Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Vol. II. A Commentary. Washington D.C., 1962. P. 1—8, 12—13, 18—20, 143.

[253] См.: *Козлов С.А.* Константин Багрянородный о печенежских «фемах» (DAI. cap. 37) и проблема его источников // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто: Миграции, расселение и война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 117.

[254] См.: *Melnikova E.A.* Rhosia and the Rus in Constantine VII Porphyrogennetos' De Administrando Imperio // Byzantium and the Viking World / Ed. F. Androshchuk, J. Shepard, M. White. Uppsala, 2016. P. 326—327.

[255] См.: *Щавелев А.С.* «Держава Рюриковичей» в первой половине X века... С. 92. Примеч. 52.

[256] ПСРЛ. Т. 3. С. 109.

[257] Там же. Т. 37. М., 1982. С. 18.

[258] Там же. С. 19.

[259] Там же. С. 57.

[260] Там же. С. 58.

[261] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии. М., 1991. С. 156—157.

[262] Там же. С. 390. Примеч. 13—14 (коммент. Т.М. Калининой), 15 (коммент. Б.Н. Флори). Иной точки зрения придерживается А.С. Щавелев, справедливо полагая, что под термином «лендзяне» следует усматривать летописных полян, см.: *Щавелев А.С.* Еще раз об идентификации и локализации славянского «племени» Λενζανῆνοι / Λενζενῖνοι / * ledjane // Вспомогательные и специальные науки истории в XX — начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка. Материалы XXVI Международной научной конференции. М., 2014. С. 424—427.

[263] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 13.

[264] См.: *Надеждин И.И.* О положении города Пересечена // Записки Одесского общества истории и дервностей. 1844. С. 235—253.

[265] См.: *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1885. С. 96—100.

[266] См.: *Середонин С.М.* Историческая география. Пг., 1916. С. 126.

[267] См.: *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 63.

[268] См.: *Рыбаков Б.А.* Уличи (историко-географические заметки) // КСИИМК. 1950. Вып. XXXV. С. 7.

[269] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 471 (6662 год); Стб. 511 (6669 год).

[270] См.: Там же. Т. 7. М., 2001. С. 240.

[271] См.: *Рыбаков Б.А.* Уличи. С. 6—7. Рис. 1.

[272] *Полонская Н.Д.* Археологические раскопки В.В. Хвойки 1909 и 1910 гг. в местечке Белгородка // Труды Московского предваритель-

ного комитета по устройству XV Археологического съезда. М., 1911. Т. 1. С. 49. Рис. 31; *Толочко П.П.* Киев и Киевская земля в период феодальной раздробленности. Киев, 1980. С. 140; *Кучера М.П.* Поселения Среднего Поднепровья // Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. Киев, 1984. С. 23; *Махновець Л.Е.* Київський літопис // Київ. 1984. № 7. С. 167—168; *Мовчан И.И.* Социально-топографическая структура околицы древнего Киева (рукопись) // НА ІА НАНУ. П. т. № 148. С. 167—168; *Он же.* Давньокиївська околиця. К., 1993. С. 159—160).

[273] См.: *Мовчан И.И.* Отчет о раскопках Китаевского поселения и могильника в 1973 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1973/22. Ед. хр. 6839. С. 1—13; *Он же.* Отчет о раскопках Киево-окольного отряда Киевской постоянно действующей экспедиции на территории Китаево // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1988/17а. Ед. хр. 22977. С. 22—23; *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья в IX—XIII вв. К., 1987. С. 136—137.

[274] См.: *Мовчан І.І., Климовський С.І.* Дослідження городища та курганів у Китаєво 1998 р. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1998/5. Ед. хр. 26376. С. 5—6.

[275] О городищах-убежищах см.: *Тимощук Б.А.* Археологические признаки восточнославянских городищ-убежищ // КСИА. 1985. Вып. 195. С. 15; *Он же.* Восточнославянская община VI—X вв. М., 1990. С. 33.

[276] См.: *Щавелев А.С.* Славянские «племена» Восточной Европы X — первой половины XI века: аутентификация, локализация и хронология // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2015. № 2. Июль—декабрь. С. 114. Примеч. 83.

[277] См.: *Максимов Е.В.* Отчет о работе Каневской Зарубинецкой экспедиции у городища Монастырек // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1974/24; *Максимов Е.В., Зеленецкая И.Б.* Отчет о работе Монастырекского отряда Среднеднепровской славяно-русской экспедиции ИА АН УССР в 1979 г. (раскопки у с. Гребени) // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1979/26а; *Максимов Е.В., Петрашенко В.А.* Раскопки памятников I тыс. н. э. в Среднем Поднепровье // АО 1979 г. М., 1980. С. 299; *Максимов Е.В., Петрашенко В.А.* Отчет Среднеднепровской славяно-русской экспедиции за 1980 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1980/32. Ед. хр. 9634; *Максимов Е.В., Петрашенко В.А.* Отчет Зарубинецкого отряда Днепровской экспедиции о раскопках у с. Монастырек Каневского р-на в 1984 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1984/15 Ед. хр. 21209; *Максимов Е.В., Петрашенко В.А.* Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. Киев, 1988. С. 93.

[278] *Максимов Е.В., Петрашенко В.А.* Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. С. 93; *Петрашенко В.А.* Городище Монастырек VIII—X вв. в свете новых исследований // Земли Южной Руси в IX—XIV вв. Киев, 1985. С. 80.

[279] «Приидоша Печенѣзи первое на Роускую землю и сотворивше миръ со Игорем» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 42).

[280] См.: *Щавелев А.С.* Славянские «племена» Восточной Европы. С. 114.

[281] См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 231, 323, 425, 440.

[282] См.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 318. Комм. 25. Крепость Витичев отождествляется с городищем I, расположенным на территории села в урочище Городок, см.: *Древнерусские* поселения Среднего Поднепровья. С. 63. № 117; *Куза А.В.* Древнерусские городища. С. 173. № 975.

[283] См.: *Рыбаков Б.А.* Отчет о раскопках на северном городище в Витачеве // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2607; *Он же.* Отчет о раскопках в с. Витачеве и Триполье в 1962 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1962/25. Ед. хр. 3895. Публикацию результатов раскопок см.: *Рыбаков Б.А.* Владимировы крепости на Стугне // КСИА. 1965. Т. 100. С. 128.

[284] См.: *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 107.

[285] См.: *Моця О.П.* Погости в системі давньоруських населених пунктів // Археологічні студії. Київ, 2003. Вип. 2. С. 199—203.

[286] См.: *Шинаков Е.А.* «Дружинные лагеря» // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст. Київ—Чернівці, 2004. С. 307—311.

[287] См.: *Макушников О.А.* Гомельское Поднепровье в V — середине XIII вв. Социально-экономическое и культурное развитие. Гомель, 2009. С. 78—95.

[288] См.: *Бондарь А.Н.* Укрепленные пункты на территории междуречья Днепра и нижнего течения Десны в конце IX—X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 305.

[289] См.: *Богусевич В.А.* Розкопки на горі Киселевці // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. III. Київ, 1952. С. 66—72.

[290] См.: *Мовчан І.І.* Давньокиївська околиця. Київ, 1993. С. 159—160.

[291] См.: *Моця А.П.* Погребальные памятники южнорусских земель IX—XIII вв. Киев, 1990. С. 124—125.

[292] См.: *Бліфельд Д.І.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977. С. 92—99.

[293] См.: *Моця А.П.* Срубные гробницы Южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 103—104.

[294] См.: *Самоквасов Д.Я.* Могилы Русской земли. М., 1908. С. 201.

[295] См.: *Ширинский С.С.* Курганы X в. у деревни Пересаж // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 106.

[296] См.: *Шекун В.А.* Исследования на Черниговщине // Археологические открытия 1983 г. М., 1985. С. 374.

[297] См.: *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI вв. М.; Смоленск, 1995. С. 120.

[298] Наиболее четкая формулировка была дана Ф.А. Андрощуком, см.: *Андрощук Ф.А.* Курганы в раскопках Д.Я. Самоквасова и «дру-

жинная» погребальная культура // Слов'яни і Русь у наукової спадщині Д.Я. Самоквасова. Чернігів, 1993. С. 29.

[299] См.: *Орлов Р.С.* Явление бифуркации в дружинной культуре Древней Руси // Археологія і давня історія України. Київ, 2010. Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології. С. 151—155; *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси. С. 95—101; *Каинов С.Ю.* Древнерусский дружинник второй половины X в. Опыт реконструкции // Военный сборник. Статьи и публикации по Российской военной истории до 1917 г. М., 2004. С. 11.

[300] См.: *Щавелев А.С.* Русы/росы в Восточной Европе: модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян (вторая половина IX—X в.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 112.

[301] См.: *Клиге Р.К., Воронов А.М., Селиванов А.О.* Формирование и многолетние изменения водного режима Восточно-Европейской равнины. М., 1993. С. 55.

[302] См.: *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 51.

[303] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica). СПб., 2000. С. 66, 128.

[304] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. М., 1950. С. 297—298.

[305] Так полагает, напр., Б.А. Тимощук, см.: *Тимощук Б.А.* Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С. 126.

[306] См.: *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.) // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). 1969. № 152. С. 128; *Приходнюк О.М.* Семья у восточных славян в раннем средневековье (по материалам поселений на территории УССР) // Открытия молодых археологов Украины. Киев, 1976. С. 13.

[307] См.: *Тимощук Б.А.* Восточнославянская община. С. 79; *Он же.* Восточные славяне: от общины к городам. С. 129 и сл. Вероятно, подобная структура славянских поселений отразилась на страницах «Стратегикона» Маврикия, писавшего о том, что «хории склавов и антов расположены в ряд вдоль рек и соприкасаются друг с другом, так что между ними нет достойных упоминания промежутков, а лес или болота или заросли тростника примыкают к ним, то при нападениях, против них предпринимаемых, обычно случается так, что со вступлением в первую хорию там задерживается в бездействии все войско; остальные же хории, поскольку они расположены по соседству и имеют рядом леса, заметив это движение войск, легко избегают предназначенного им из-за близости расстояния» (*Стратегикон* Маврикия / Подг. В.В. Кучма. СПб., 2004. С. 104).

[308] См.: *Приходнюк О.М.* Слов'яни на Поділлі (VI—VII ст. н. є.). Київ, 1975. С. 11; *Русанова И.П.* Славянские древности между Днепром и Западным Бугом // Свод археологических источников (далее — САИ). 1973. С. 23—24.

[309] См.: *Большаков О.Г., Якобсон В.А.* Об определении понятия «город» // История и культура народов Востока. Л., 1983.

[310] См., напр.: *Коротаев А.В.* Об одной из предпосылок классообразования, политогенеза и урбанизации // Социально-пространственные структуры в стадиальной характеристике мирового культурно-исторического процесса. М., 1992. Ч. 1. С. 48; *Wright H.* Prestate Political Formation // On the Evolution of Complex Societies. Malibu. 1982; *Wright H., Johnson G.* Population, Exchange and Early State Formation in Southwestern Iran // American Anthropologist. 1975. vol. 77. № 2.

[311] См.: *Childe H.G.* The Urban Revolution // Town Planning Review. 1950. v. 21; *Adams McC.* The Evolution of Urban Society. Chicago. 1960. P. 11; *Массон В.М.* К вопросу о «городской революции» // Тезисы докладов на IV сессии по Древнему Востоку. М., 1968. С. 15; *Он же.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С. 121—124; *Он же.* Алтын-Депе: Раскопки города бронзового века в Южном Туркменистане. Л., 1981; *Он же.* Первые цивилизации. Л., 1989. С. 160—176.

[312] См.: *Ауліх В.В.* Зимнівське городище. Київ, 1972; *Сымонович Э.А.* Городище Колочин I на Гомельщине // Славяне накануне образования Киевской Руси. Киев, 1963. С. 93—97; *Приходнюк О.М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я. Київ, 1980. С. 127.

[313] См.: *Славяне* Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990. С. 430.

[314] *Соловьева Г.Ф.* Славянские племенные союзы по археологическим данным: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1953. С. 10—13; *Она же.* Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. // Советская археология. Т. XXV. М., 1956. С. 156—166.

[315] См.: *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968. С. 128; *Рыбаков Б.А.* Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси // Проблема возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 26—28; *Мавродин В.В.* О племенных княжениях восточных славян // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 55; *Мавродин В.В., Фроянов И.Я.* Об общественном строе восточных славян VIII—IX вв. в свете археологических данных // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978. С. 130—131.

[316] *Тимощук Б.А.* Общинный строй восточных славян VI—X вв. (по археологическим данным Северной Буковины): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1983. С. 22—23; *Он же.* Слов'яни Північної Буковини VI—IX ст. Київ, 1976. С. 74—78, 152—154; *Он же.* Восточные славяне: от общины к городам. С. 30—38.

[317] См.: *Тимощук Б.А.* Общинный строй восточных славян... С. 23.

[318] О надобщинных «племенных» центрах у Б.А. Тимощука см.: *Тимощук Б.А.* Восточные славяне... С. 48—59.

[319] Примечательна и хронология: одна из ключевых работ Г. Джонсона — «Spatial organization of Early Uruk Settlement» — увидела свет на страницах сборника работ международного коллоквиума «Археология Ирака», вышедшего в Париже в 1980 г. Диссертация Б.А. Тимощука была защищена в Институте археологии в Москве в 1983 г.

[320] См.: *Кучера М.П.* Нові дані про городища Житомирщини // Археологія. 1982. Вип. 41. С. 72—73.

[321] См.: *Древнерусские* поселения Среднего Поднепровья. С. 30.

[322] См.: *Кучера М.П.* Нові дані про городища Житомирщини. С. 72—73; *Звиздецкий Б.А.* Городища IX—XIII вв. на территории летописных древлян. С.

[323] См.: *Древнерусские* поселения Среднего Поднепровья. С. 33.

[324] См.: *Звиздецкий Б.А.* Городища IX—XIII вв. на территории летописных древлян. С. 6; Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. С. 42.

[325] См.: *Мовчан И.И.* Давньокиївська околиця. С. 159—160.

[326] См.: *Дяденко В.Д.* Раннеславянские памятники на территории Белгорода // КСИА УССР. 1962. Вып. 12. С. 85—86.

[327] См.: *Кучера М.П.* Давньоруські городища на Правобережжі Київщини // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ, 1976. С. 184; *Малеев Ю.Н.* Исследования на городище летописного Василева // АО 1978. М., 1979. С. 362; *Он же.* Исследования детинца летописного Василева // АО 1983. М., 1985. С. 310.

[328] Древняя Русь в средневековом мире. М., 2014. С. 640.

[329] См.: *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 318—329.

[330] См.: *Новосельцев А.П.* Арабские источники об общественном строе восточных славян IX — первой половины X в. // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 22—26.

[331] П.П. Толочко прямо пишет о том, что «Олег и его окружение поступили на службу среднеднепровскому раннефеодальному государству». См.: *Толочко П.П.* Древняя Русь. С. 24.

[332] Наиболее последовательно данное положение отстаивает в своих работах В.В. Пузанов, см.: *Пузанов В.В.* К вопросу об этапах становления древнерусской государственности // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. СПб., 1994. С. 6—11; *Он же.* Славяно-норманнский симбиоз и становление русской государственности // Этнотолерантность: философские, психологические и культурологические аспекты. Ижевск, 2002. С. 248—260; *Он же.* Образование Древнерусского государства: межэтнический симбиоз и иерархия территорий // Формирование российской государственности: разнообразие взаимодействий «центр — периферия». Екатеринбург, 2003. С. 111, 112; *Он же.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 237—260; *Он же.* От праславян к Руси: становление Древнерусского государства. СПб., 2017. С. 232—256.

[333] См.: *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. С. 60.

[334] См.: *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 450

[335] См.: *Мавродин В.В.* Древняя и средневековая Русь. СПб., 2009. С. 240.

[336] См.: *Куза А.В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 199.

[337] См.: *Толочко П.П.* Древний Киев. Киев, 1983. С. 222.

[338] См.: *Котляр Н.Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 48—49.

[339] См.: Янин В.Л. Роль Новгорода в отечественной истории // Вестник Новгородского государственного университета. 2006. № 38. С. 6.

[340] См.: сообщение под 6393 (885) г.: «и бѣ обладая Олегъ Поляны и Деревляны [и] Сѣверены и Радимичи а с Уличи и Тѣверци имяше рать» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 24).

[341] См.: *Фроянов И.Я.* Лекции по русской истории... С. 147.

[342] *Древняя* Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. III. Восточные источники. М., 2009. С. 48.

[343] См.: *Noonan Th.* Why the Vikings first came to Russia // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. 1986. Bd. 34. S. 321—348.

[344] См.: *Мельникова Е.А.* Две экономики периода образования Древнерусского государства (постановка проблемы) // Образы аграрной России IX—XVIII вв. Памяти Натальи Александровны Горской. М., 2013. С. 60—61.

[345] См.: *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Наили Велихановой. Баку, 1986. С. 91, 124.

[346] См.: *Бойцов М.А.* В шкурах или пурпуре. К облику варварских королей времен «падения» Римской империи // Искусство власти: Сб. в честь профессора Н.А. Хачатурян. СПб., 2007. С. 46—87.

[347] См.: *McCormick M.* Origins of the European Economy. Communications and Commerce AD 300—900. N.Y., 2001. P. 758, 768; Karras R.M. The Slave in the Scandinavian Economy // Slavery and Society in Medieval Scandinavia. New Haven, London, 1988. P. 69—95; The Cambridge Economic History of Europe: Trade and Industry in the Middle Ages // Ed. M.M. Postan, E. Miller, C. Postan. Cambridge, 1987. P. 417.

[348] См.: *Shepard J.* Constantinople — Gateway to the North: the Russians // Constantinople and its Hinterland: Papers from the Twenty-Seventh Spring Symposium of Byzantine Studies / Ed. C. Mango, G. Dagron. Aldershot, 1995. P. 254—255.

[349] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60.

[350] См.: *Мавродин В.В.* Древняя и средневековая Русь. С. 272; *Греков Б.Д.* Киевская Русь. С. 301—302.

[351] См.: *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955. С. 30; *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 149;

Зимин А.А. Феодальная государственность и Русская Правда // Исторические записки. 1965. Т. 76. С. 241—242; *Свердлов М.Б.* Латиноязычные источники по истории Древней Руси IX—XIII вв. Германия. «Правда Русская». История текста. Избранные статьи. СПб., 2017. С. 397.

[352] *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси. С. 151.

[353] *Сахаров А.Н., Новосельцев А.П., Буганов В.И., Назаров В.Д.* История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 1997. С. 73.

[354] «Второй этап в развитии государственности Руси начался... с наступления княжения преемницы Игоря Ольги, с решительных мер княгини по упорядочению системы и норм взимания дани, организации опорных пунктов центральной власти на местах, распространения административной и судебной систем на подвластные Киеву земли» (*Котляр Н.Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 51—52). Данное положение без изменений воспроизведено в новом издании, см.: *Котляр Н.Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 2016. С. 36.

[355] См.: *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI—X вв.). СПб., 1996. С. 400—401.

[356] Там же. С. 403.

[357] Там же. С. 405.

[358] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54.

[359] Еще А.А. Шахматов предположил, что фраза «примышляше къ первои да[н]и» означала, что первоначальная дань уже была собрана с древлян Свенельдом, которому она была передана Игорем после покорения древлян. См.: *Шахматов А.А.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2002. С. 247.

[360] См.: *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси. С. 151. Добавлю от себя, что понятие «архаичное государственное право» является своеобразным оксюмороном; архаическое право — традиционное неписаное право, существующее, как правило, в догосударственных общностях.

[361] *Howard-Johnston J.* The De administrando imperio: A Re-examination of the Text and a Re-evaluation of its Evidence about the Rus // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / Éd. par M. Kazanski, A. Nercessian et C. Zukerman. (Réalités Byzantines, 7). Paris, 2000. P. 301—336. При этом А.С. Щавелев полагает, что окончательная редакция трактата появляется в период с 952 по 959 г. См.: *Щавелев А.С.* Славянские «племена» Восточной Европы... С. 106.

[362] См.: *Ардзинба В.Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982. С. 169; *Кобищанов Ю.М.* Священные цари // Традиционные и синкретические религии Африки. М., 1986. С. 199; *Он же.* Полюдье и его трансформация при переходе от раннего к развитому феодальному государству // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 145—146.

[363] См.: *Гуревич А.Я.* Древненорвежская вейцла (из истории возникновения раннефеодального государства в Норвегии) // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958. № 3. С. 144; *Колесницкий Н.Ф.* К вопросу о раннеклассовых общественных структурах // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. Кн. 1. С. 623.

[364] См.: *Рыбаков Б.А.* Смерды // История СССР. 1979. № 2. С. 39; *Новосельцев А.П.* Арабские источники об общинном строе восточных славян IX — первой половины X в. (полюдье) // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 23.

[365] См.: *Брайчевский М.Ю.* По поводу одного места из Константина Багрянородного // Византийский временник. Т. XVII. 1960. С. 144—145; *Новосельцев А.П.* Арабские источники. С. 24; *Черепнин Л.В.* Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. // *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма. М., 1972. С. 152; *Рыбаков Б.А.* Смерды. С. 46; *Он же.* Киевская Русь и русские княжества. С. 329; *Рогов А.И., Флоря Б.Н.* Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X—XII вв.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 105; *Горский А.А.* Система властвования на Руси в середине X в.: русские «крепости» Константина Багрянородного // Слов'яни і Русь: археологія та історія: збірка праць на пошану П.П. Толочка з нагоди його 75-річчя. Київ, 2013. С. 56—61.

[366] См.: *Дьяконов М.А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005. С. 145—146; *Присёлков М.Д.* Киевское государство во второй половине X в. по византийским источникам // Уч. зап. ЛГУ. Серия ист. наук. Вып. 8. 1941. С. 235; *Мавродин В.В.* Древняя и средневековая Русь. С. 171; *Данилова Л.В.* Сельская община средневековой Руси. М., 1994. С. 180; *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество. С. 448—484.

[367] «Правитель ежегодно объезжает их (славян. — *Д. К.*). И если у кого-то из них есть дочь, то царь отбирает себе по одному из ее платьев ежегодно. А если сын, то также берет по одному из его платьев. Если у кого-то нет ни сына, ни дочери, отбирает себе платье жены или наложницы» (*Ибн Русте.* Книга дорогих ценностей // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. 3. Восточные источники. М., 2009. С. 47).

[368] О подобной трактовке см.: *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество. С. 474—477.

[369] *Мельникова Е.А.* Две экономики периода образования Древнерусского государства. С. 61.

[370] См.: *Dalton G.* Economic Th eory and Primitive Society // American Anthropologist. 1961. Vol. 63. P. 20; Hedeager L. Warrior Economy and Trading Economy in Viking-Age Scandinavia // Journal of Economic Anthropology. 1994. Vol. 2/1. P. 130—148.

[371] *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Глава 9. Комментарии // Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 308—310.

[372] См.: *Петрухин В.Я., Шелов-Коведяев Ф.В.* К методике исторической географии. «Внешняя Росия» Константина Багрянородного и античная географическая традиция // Византийский временник. 1988. Т. 49. С. 184—190.

[373] См.: *Назаренко А.В.* ΠΕΞΟΙ ΡΩΣΙΑ: к политической географии Древнерусского государства середины X века // Gaudeamus igitur: Сб. статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 294—301.

[374] *Григорьев А.В.* Северская земля в VIII — начале XI в. по археологическим данным. Тула, 2000. С. 185.

[375] См.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 44—45.

[376] См.: *Гупало К.М. Толочко П.П.* Звіт про археологічні дослідження на Подолі в 1973 році // НА ІА НАНУ. Ф. 1973/22а. Ед. хр. 7473. С. 29—30; *Он же.* Звіт про розкопки на траси Подольської лінії Київського метрополітену в 1971—1972 рр. // НА ІА НАНУ. Ф. 1971—1972/34д. Ед. хр. 6421. С. 7; *Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю., Сагайдак М.А.* Отчет об археологических исследованиях Подола в 1975 г. // НА ІА НАНУ. Ф. 1975/25а. Ед. хр. 7571. С. 5—7; *Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю., Сагайдак М.А.* Археологические исследования Подола в 1974 году // НА ІА НАНУ. Ф. 1974/28. Ед. хр. 7485. С. 6—11.

[377] См.: *Сагайдак М.А.* К истории градообразования на территории Древней Руси (VI — первая половина XI века) // История русского искусства: В 22 т. Т. 1. Искусство Киевской Руси IX — первая четверть XII в. М., 2007. С. 102—104; *Он же.* Про деякі спірні питання історичної топографії ранньосередньовічного Києва // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький, 2005. Вип. 16. С. 94—104.

[378] См.: *Сагайдак М.А.* Актуальні питання зародження та формування раннього Києва // Магістеріум: Археологічні студії. Київ, 2001. Вип. 6. С. 1—16.

[379] См.: *Козюба В.К.* Городище на Старокиївській горі // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст. Київ, 2004. С. 139—152; *Михайлов К.А.* Реконструкция древнейших укреплений Старокиевского городища // Археологія і давня історія України. Київ, 2010. Вип. 1. С. 314.

[380] См.: *Ивакин В.Г.* Киевские погребения X в. // Stratum plus. 2001. № 5. С. 245, 249.

[381] См.: *Каргер М.К.* К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. // КСИИМК. 1940. Вып. VI. С. 61—63; *Он же.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 112.

[382] См.: *Рыбаков Б.А.* Город Кия // Вопросы истории. 1980. № 5. С. 47; *Толочко П.П.* Происхождение и ранние этапы истории древнего Киева // Новое в археологии Киева. Киев, 1981. С. 59.

[383] *Толочко П.П.* Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 148.

[384] О степени аргументированности построений относительно существования Киева в эпоху VI—VIII вв. мне уже приходилось высказываться ранее, сравнение полевой археологической документации с опубликованными выводами заставляет думать о целенаправленных манипуляциях с полученными в ходе раскопок данными. См.: *Котышев Д.М.* Ранняя история Киева в контексте истории Восточной Европы VIII—X вв. // Труды Института российской истории РАН. Т. 12. С. 13—28.

[385] См. известие под 6477 (969) «Реч Стославъ къ мтри своєи и къ боляромъ своимъ не любо ми єсть в Києвѣ быти хочю жити с Переяславци в Дунаи яко то єсть середа в земли моєи яко ту вся блгая сходятся от Грекъ злато паволоки вина [и] овощеве розноличныя и-Щехъ же из Урогъ сребро и комони из Руси же скора и воскъ медъ и челяд» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 67).

[386] См.: *Berges W.* Das Reich ohne Hauptstadt // Das Hauptstadtproblem in der Geschichte. Tubingen. 1952. S. 1—29; *Peyer H.C.* Das Reisekonigtum des Mittelalters Vierteljahresschrift fur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Wiesbaden. 1964. S. 1—21; *Назаренко А.В.* Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения // Древняя Русь и славяне. Историко-филологические исследования. М., 2009. С. 103; *Котляр Н.Ф.* Странствующие дворы галицких князей // Восточная Европа в древности и средневековье. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен: XX Чтения памяти В.Т. Пашуто, Москва, 16—18 апр. 2008 г. М., 2008. С. 110—115; *Он же.* Странствующие дворы галицких князей // Древнейшие государства Восточной Европы: 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2011. С. 445—462.

[387] См.: *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 211—214.

[388] См.: *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 34—44.

[389] *Михайлов К.А.* Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная // Российская археология. 2004. № 1. С. 42. Подобному прецеденту автор статьи находит весьма убедительные параллели из погребальной практики Северной Европы в X—XI вв.

[390] См.: *Ёлшин Д.Д.* Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты: Дисс. ... канд. ист. наук (рукопись). СПб., 2008. С. 154, 230. Рис. 1.8; *Красовский И.С.* О плане Десятинной церкви в Киеве // Росс. археология. 1998. № 3. С. 153, рис. 1.7; *Богусевич В.А.* Про феодальні двори Києва XI—XIII ст. // Археологія. 1957. Т. XI. С. 16.

[391] См.: *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982. С. 9; *Мюле Э.* К вопросу о начале Киева //

Вопросы истории. 1989. № 4. С. 120—122; *Клейн Л.С.* Воскрешение Перуна. СПб., 2004. С. 151—170; *Котышев Д.М.* К вопросу об интерпретации «языческого капища» в Киеве // Вестник церковной истории. № 1—2 (45—46). 2017. С. 117—126; *Ёлшин Д.Д.* Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе. С. 178—180.

[392] *Ёлшин Д.Д.* Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе. С. 178—180.

[393] См.: *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1985. С. 15.

[394] См.: *Мавродин В.В.* Древняя и средневековая Русь. С. 128; *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля: Очерки истории Северной Белоруссии. М., 1966. С. 134—136; *Он же.* Смоленская земля в IX—XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 136; *Дубов И.В.* К проблеме «переноса» городов Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы историографии. Л., 1983. С. 70—82.

[395] *Звіздецький Б.А.* Городища IX—XIII ст. на території літописних древлян. Київ, 2008. С. 134—135; *Прищепа Б.А.* Погоринські міста в X—XIII ст. Рівне, 2016. С. 144.

[396] См.: *Звиздецький Б.А.* Про деякі особливості древлянських городищ VIII—X ст. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст. С. 41—50, Рис. 1. С. 42; *Звиздецкий Б.А.* Городища IX—XIII вв. на территории летописных древлян: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук (Рукопись). Киев, 1990. С. 6.

[397] См.: *Бондарь А.Н.* Укрепленные пункты на территории междуречья Днепра и нижнего течения Десны в конце IX—X вв. С. 305.

[398] Наиболее детально в Среднем Поднепровье раннеславянские оборонительные сооружения изучены раскопками городища Монастырек; конструкции рва и вала были раскрыты во время исследований 1982—1984 гг. См.: *Максимов Е.В., Петрашенко В.А., Зеленецкая І.Б.* Отчет Каневской экспедиции о раскопках городища Монастырек в 1982 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1982/12; *Петрашенко В.А.* Отчет Зарубинецкого отряда Днепровской древнерусской экспедиции о раскопках на городище Монастырек Каневского р-на Черкасской обл. в 1983 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1983/16а; *Максимов Е.В., Петрашенко В.А.* Отчет Зарубинецкого отряда Днестровской древнерусской экспедиции о раскопках городища у с. Монастырек Каневского р-на Черкасской обл. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1984/15. Предварительные итоги были опубликованы годом позже, см: *Петрашенко В.А.* Городище Монастырек VIII—X вв. в свете новых исследований // Земли Южной Руси в IX—XIV вв. Киев, 1985. С. 71—73.

[399] См.: *Козюба В.К.* Городище на Старокиївській горі. С. 141—144. Рис. 4. С. 145.

[400] См.: *Коваленко В.П.* Отчет об исследованиях летописных городов на Черниговщине в 1980 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1980/52; *Коваленко В.П.* Отчет об исследованиях летописных городов на Чер-

ниговщине в 1981 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1981/31; *Коваленко В.П., Шекун О.В., Фомін О.В.* Давньоруський Звеничів и скарб арабських дирхемів // Археологія. 1992. № 1. С. 60—71; *Бондарь А.Н.* Крепости правильной геометрической формы в Дании и Южной Руси в период становления государственности // Древняя Русь и средневековая Европа. Возникновение государств. М., 2012. С. 19—26.

[401] См.: *Носов Е.Н.* Тридцать лет раскопок городища: итоги и перспективы. С. 32—34. Рис. 6—7.

[402] См.: *Полонская Н.Д.* Археологические раскопки В.В. Хвойко 1909—1910 гг. в м. Белгородке // Труды Московского предварительного комитета по устройству XV археологического съезда. М., 1911. С. 51—53.

[403] См.: *Малєєв Ю.М.* Охоронні розкопки м. Василєва: (до 1000-річчя пам'ятки) // Археологія. 1984. Т. 48. С. 106—107.

[404] О исследованиях Заречья и Переяславля Южного см.: *Раппопорт П.А.* Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцовой кладки // КСИИМК. 1953. Вып. 52. С. 21—23; *Он же.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. // МИА. 1956. № 52. С. 142.

[405] *Довженок В.Й., Гончаров В.К., Юра Р.О.* Древньоруське місто Воїнь. Київ, 1966. С. 26.

[406] См.: *Милеев Д.В.* Раскопки в Киеве в 1909 г. // Известия Археологической комиссии. Приб. к вып. 32. СПб., 1909. С. 132; *Раппопорт П.А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. С. 91; *Козюба В.К.* Дослідження садиби Десятинної церкви у Києві в 1908—1914 рр. (за матеріалами щоденників Д.В. Мілєєва) // Ruthenica. Т. IV. 2005. С. 212—213; *Ёлшин Д.Д.* Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе. С. 155—160.

[407] См.: *Моргунов Ю.Ю.* Фортификация Южной Руси X—XIII вв.: Автореф. дисс. ...докт. ист. наук. М., 2007. С. 19—20; *Он же.* Древоземляные укрепления Южной Руси X—XIII вв. М., 2009. С. 75—77.

[408] *Малеев Ю.Н.* Применение сырцовой кладки в древнерусском военном зодчестве // Чернигов и его округа в IX—XIII вв. Чернигов, 1990. С. 52; *Раппопорт П.А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. С. 75, 80, 87—88, 90; *Он же.* Строительное производство Древней Руси (X—XIII вв.). СПб., 1994. С. 60; *Оустерхаут Р.* Византийские строители. М.; Киев, 2005. С. 174—175; *Моргунов Ю.Ю.* Дерево-земляные укрепления Южной Руси. С. 76.

[409] См.: *Куза А.В.* Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981. С. 6—39; *Тимощук Б.А.* Древнерусские города Северной Буковины // Там же. С. 116—136; *Он же.* Восточнославянская община VI—X вв. М., 1990. С. 121—123; *Звиздецкий Б.А.* Городища IX—XIII вв. на территории летописных древлян. С. 6.

[410] См.: *Фроянов И.Я.* К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 57—93.

[411] См.: *Михайлова И.Б.* Племенные центры Киевского Поднепровья // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 1993. № 1. С. 19.

[412] Там же. С. 12.

[413] Там же. С. 18.

[414] Подробнее об этом см. § 4 главы 5.

[415] См.: *Мезенцева Г.Г.* Звіт про роботу Белгородської археологічної експедиції в 1970 році // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1970/68. Ед. хр. 5832. С. 16; *Она же.* Звіт про роботу Белгородської археологічної експедиції в 1972 році // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1972/89. Ед. хр. 0277. С. 14—15; *Непомящих В.Ю.* Білгород Київський (X — перша половина XIII ст.): Дисс. ... канд. ист. наук: Рукопись. Київ, 2017. С. 59—60.

[416] См. карту: *Михайлова И.Б.* Малые города Южной Руси в VIII — начале XIII века. СПб., 2010. С. 46—47.

[417] См.: *Древнерусские* поселения Среднего Поднепровья. С. 14. Рис. 2 (Карта городищ Среднего Поднепровья).

[418] См.: *Звиздецький Б.А.* Городища IX—XIII ст. на території літописних древлян. С. 134. Рис. 1; С. 235. Рис. 2; *Прищепа Б.А.* Погориньскі міста в X—XIII ст. Рівне, 2016. С. 144. Рис. 97; С. 172. Рис. 117; С. 174. Рис. 118.

[419] См.: *Моргунов Ю.Ю.* О пограничном строительстве Владимира Святославича на переяславском Левобережье // Российская археология. 1999. № 3. С. 69—78.

[420] См.: *Кучера М.П.* Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев, 1987. С. 78—79, 177.

[421] *Саутхолл Э.* О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 131. Более подробно о сегментарных политиях см.: *Southall A.* The Segmentary State in Africa and Asia // Comparative Studies in Society and History. 1988. Vol. 30, № 1. pp. 52—82.

[422] См.: *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М., 2000. С. 146.

[423] См.: *Шувалов П.В.* Импорт политтехнологий и варварские государства // ВЕДС. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2012. С. 276—281.

[424] См.: *Милов Л.В.* О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1. С. 142—163.

[425] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 126—127; *Милов Л.В.* Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право / Ius Antiquum. 1996. № 1. С. 201—218.

[426] См.: *Милов Л.В.* Некоторые вопросы истории Культуры Древней Руси // Вестник Московского ун-та. Сер. 8: История. 1986. С. 37—38.

[427] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 127.

[428] См.: *Милов Л.В.* Византийская Эклога и «Правда Ярослава» (к рецепции византийского права на Руси) // ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ. К 79-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 1999. С. 137—138.

[429] См.: *Милов Л.В.* К вопросу об истории церковного устава Владимира // Florilegium: К 60-летию Б.Н. Флори. М., 2000. С. 244—246.

[430] См.: *Соловьев С.М.* История отношений между князьями Рюрикова дома. М., 1847.

[431] См.: *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М., 1988. Т. 1. С. 148—150, 182, 200, 201—202.

[432] См.: *Грушевский М.С.* Очерк по истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891; *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. М., 1993. С. 21, 34.

[433] См.: *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 490, 501; *Юшков С.В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 177; *Он же.* Общественно-политические отношения и право Киевского государства. М., 1950. С. 103; *Пашуто В.Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М.; Л., 1965. С. 11—76; *Он же.* Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси // Польша и Русь. М., 1974. С. 9—17; *Черепнин Л.В.* О характере и форме древнерусского государства в X—XIII вв. // Исторические записки. 1972. Т. 89. С. 360; *Он же.* Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII вв. // Польша и Русь. С. 29; *Толочко П.П.* Южная Русь в период феодальной раздробленности // Польша и Русь. С. 227.

[434] См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 43, 62, 242.

[435] См.: *Назаренко А.В.* «Родовой сюзеренитет» Рюриковичей над Русью в X—XI вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. С. 149—157.

[436] См.: *Толочко А.П.* Структура княжеской власти в Южной Руси в середине IX — середине XIII вв. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1989; *Он же.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев. 1992; *Он же.* Русь: держава і образ держави. Київ, 1994; *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М., 2004.

[437] См.: *Котышев Д.М.* От «родового строя» к «родовому сюзеренитету»: княжеская власть в парадигмах советской исторической науки // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. XVIII—XX вв.: Сб. статей. Челябинск, 2006. С. 371—379.

[438] См.: *African* Political Systems / Eds. M. Fortes, E.E. Evans-Pritchard. New York: Oxford University Press, 1940; *Fried M.* The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. New York: Random House, 1967; *The Early* State / Eds. H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague: Mouton, 1978; *Томановская О.М.* Изучение проблемы генезиса государств на африканском материале // Основные проблемы африканистики. М., 1973; *Хазанов А.М.* Разложение первобытно-общинного строя и формирование классового общества // Первобытное общество. Эпоха классообразования. М., 1975; *Куббель Л.Е.* Сонгайская держава. Опыт исследования социально-поли-

тического строя. М., 1974; *Он же*. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М., 1979; *Он же*. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.

[439] См.: *Фроянов И.Я.* Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб., 2015. С. 65; *Пузанов В.В.* От праславян к Руси: становление древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб., 2017. С. 320—333.

[440] Так, говоря о старших и младших Ярославичах, Ключевский полагал, что младшие братья приравнивались к племянникам — «по местническому счету старший племянник четвертому дяде в версту» (*Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 1. С. 95).

[441] См.: *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. Т. 1. М., 1876. С. 530—531 и сл.

[442] *Леонтович Ф.И.* Задружно-общинный характер политического быта древней России // ЖМНП. 1874. № 7. С. 142—143.

[443] *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 1. С. 65.

[444] См.: *Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. Т. 1. Киевская Русь. М.; Л., 1938. С. 138; *Он же*. Княжое право древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 496.

[445] *Назаренко А.В.* Родовой сюзеренитет. С. 150.

[446] См.: *Firth R.* We, the Tikopia. London, 1936. P. 361; *Kirchgoff P.* Principles of Clanship in Human Society // Reading in Antropology. V. 2. N.Y., 1959. P. 259—270.

[447] *Sahlins M.* Social Stratification in Polinesia. Seattle, 1958. P. 140—141.

[448] *Куббель Л.Е.* Возникновение частной собственности, классов и государства // История первобытного общества. Т. 3. Эпоха классообразования. М., 1988. С. 226.

[449] *Назаренко А.В.* Родовой сюзеренитет... С. 156.

[450] См.: *Кёнигсбергер Г.* Средневековая Европа. 400—1500 гг. М., 2001. С. 106.

[451] См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121, 129.

[452] Владимир родился в 6528 (1020), в 1034 или 1036 г. получил от отца новгородское княжение, см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 150; Т. 2. Стб. 138.

[453] См.: *Толочко О.П.* Русь: держава і образ держави. Київ, 1994. С. 10, 30.

[454] См.: *Carneiro R.* The Calusa and the Powhatan, Native Chiefdom of North America // Reviews in Anthropology. 1992. V. 22.

[455] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69.

[456] Там же. Стб. 121.

[457] *Назаренко А.В.* Родовой сюзеренитет... С. 154.

[458] Относительно даты поездки Ольги в Константинополь существуют две основные версии: 946 и 957 г., см.: *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 174—192; *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII ве-

ков. М., 2001. С. 219—310. Датировка, отстаиваемая А.В. Назаренко, на мой взгляд, обоснована более убедительно.

[459] См.: *Назаренко А.В.* Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X в.: Киев и «Внешняя Русь» Константина Багрянородного // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света: материалы Международной конференции, состоявшейся 14—18 мая 2007 г. в Гос. Эрмитаже. Труды Гос. Эрмитажа. Т. XLIX. СПб., 2009. С. 418—422.

[460] См.: *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Т. 1: вводная часть, текст, примечания. Пг., 1916. С. 52; *Томсен В.* Начало русского государства // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 222; *Назаренко А.В.* Городские центры или зоны полюдья? О политической структуре Киевской Руси первой половины — середины X в. // Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А.В. Кузи. Київ, 2014. С. 38—39.

[461] См.: *Грушевський М.С.* Історія України-Русі. Т. 1. Київ, 1913. С. 424—425; *Горский А.А.* Система властвования на Руси в середине X в.: русские «крепости» Константина Багрянородного // Слов'яни і Русь: археологія та історія: збірка праць на пошану П.П. Толочка з нагоди його 75-річчя. Київ, 2013. С. 56—61.

[462] См.: *Стефанович П.С.* Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X—XI веках. М., 2012. С. 377—440.

[463] *Назаренко А.В.* Городские центры или зоны полюдья. С. 41.

[464] См.: *Thietmar von Merseburg.* Chronik // Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Bd. 9. Berlin. 1906. IV, 58, V, 23; Adam Bremensis. Gesta. Hannover, Leipzig. 1917. II, 74.

[465] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 75.

[466] Там же. Стб. 79.

[467] Там же. Стб. 150.

[468] *Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. Т. 1. С. 139. Более подробно эта мысль была развита ученым на страницах «Княжого права»: «Вопрос о преемстве в княжом владении древнейшего периода колеблется между перспективой раздела... на ряд отдельных линий, общего владения на ряд отдельных отчин, и политической необходимостью единства для интересов молодого государства, только что построенного усилиями целого ряда поколений...» (*Пресняков А.Е.* Княжое право. С. 34).

[469] См.: *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси. С. 32—34; *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 241—243.

[470] См.: *Бугославський С.А.* Україно-руські пам'ятки XI—XII ст. про князів Бориса та Гліба. К., 1928. С. 13—14; *Ильин Н.Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957. С. 209; *Хорошев А.С.* Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). М., 1986. С. 13—36; *Назаренко А.В.* Порядок престолонаследия на Руси XI—XII вв.: наследственные разделы и попытки десигнации // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и поли-

тическая практика. М., 1995. С. 91—92. Примеч. 14; *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси... С. 29; *Poppe A.* La prince et l'Eglise en Russie de Kiev depuis la fin du X-e siecle jusqu'au debut de XII-e siecle // APH. 1969. T. 20. P. 116—117.

[471] См.: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 336; *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 1. С. 182—185; *Грушевский М.С.* Очерк истории Киевской земли. С. 57; *Греков Б.Д.* Киевская Русь.; *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 328—329; *Пашуто В.Т.* Черты политического строя Древней Руси. С. 74; *Черепнин Л.В.* К вопросу о характере и форме древнерусского государства. С. 320; *Он же.* Пути и формы политического развития русских земель. С. 25.

[472] См.: *Пресняков А.Е.* Княжое право. С. 37; *Он же.* Лекции по русской истории. Т. 1. С. 156; *Котляр Н.Ф.* Ярославов ряд 1054 г.: политические перспективы и последствия // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 1996. С. 39; *Он же.* Древнерусская государственность. С. 160, 161—162.

[473] *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси. С. 33, 34—35.

[474] См.: *Назаренко А.В.* К проблеме княжеской власти и политического строя древней Руси (замечания и размышления по поводу книги: *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992) // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 173—175.

[475] См.: *Назаренко А.В.* Братское совладение, отчина, сеньорат (династический строй Рюриковичей X—XII вв. в сравнительно-историческом аспекте) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008. С. 132—179.

[476] *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства в Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство. Л., 1986. С. 279.

[477] *Пузанов В.В.* Древнерусская государственность. С. 357—358; *Он же.* От праславян к Руси. С. 403.

[478] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 161.

[479] См.: *Комарович В.Л.* Поучение Владимира Мономаха // История русской литературы. Т. 1. М.; Л., 1945. С. 20 и сл.

[480] См.: *Franklin S.* Some Apocryphal Sources of Kievan Russian Historiography // Oxford Slavonic Papers. 1982. New series. V. 15. P. 6—15; *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси: 750—1200. СПб., 2000. С. 358—359.

[481] *Пузанов В.В.* Древнерусская государственность. С. 352; *Он же.* От праславян к Руси. С. 394—395.

[482] См.: *Назаренко А.В.* К проблеме княжеской власти. С. 174—177.

[483] См.: *Пресняков А.Е.* Княжое право. С. 38—39.

[484] *Назаренко А.В.* Древнерусское династическое старейшинство. С. 53.

[485] См.: *Назаренко А.В.* Родовой сюзеренитет... С. 153; *Он же.* Порядок престолонаследия на Руси XI—XII вв. С. 504.

[486] См.: *Annales* regni Francorum. Hannover, 1895. P. 138, 146. При этом необходимо заметить, что десигнация наследников была произведена при жизни отца. Тексты капитуляриев см.: *Monumenta* Germanie Historica. Legium Sectio II. Capitularia reghum Francorum. Hannover. 1883. T. 1. P. 126ff, 270 ff.

[487] *Пресняков А.Е.* Княжое право. С. 37.

[488] Там же. С. 57.

[489] *Назаренко А.В.* Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее Новое время (XI—XVIII вв.): Тезисы докладов научной конференции. Москва, 3—5 декабря 1996 г. М., 1996. С. 69.

[490] Так, А.П. Толочко, характеризуя систему старейшинства, установленную рядом 1054 г., и в частности статус Изяслава, пишет о том, что «ему отдавался столичный Киев как "принцепский" (великокняжеский) удел» (*Толочко А.П.* Князь в Древней Руси. С. 33). Как мне представляется, этот тезис возник благодаря тем параллелям, которые были проведены еще А.Е. Пресняковым в работе «Княжое право». Речь идет о уже упоминавшихся выше сопоставлениях завещания Ярослава с узаконениями Бржетислава I и Болеслава III (см.: *Пресняков А.Е.* Княжое право. С. 38—39; *Козьма Пражский.* Чешская хроника. М., 1962. С. ; *Magisrt Vincentii.* Chronica Polonorum. Krakov, 1994. Cap. 3. 26; «*Великая* хроника» о Польше. Руси и их соседях / Пер. Л.М. Поповой, вступ. ст. и коммент. Н.И. Щавелевой. М., 1987. С. 106). Аналогии, видимо, сыграли с историками злую шутку — раз завещание Ярослава провозглашалось исторической аналогией чешскому и польскому тестаментам, то и взаимосвязь старейшинства и стольного города обратно экстраполировалась на древнерусскую практику середины XI в.

[491] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23.

[492] См.: *Гиппиус А.А.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести Временных лет // Вереница литер: К 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 60—61 и сл.

[493] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 230.

[494] Там же. Стб. 161.

[495] *Назаренко А.В.* Была ли столица в Древней Руси? С. 70—71.

[496] См.: *Лосева О.В.* Русские месяцесловы XI—XIV вв. М., 2001. С. 95—98.

[497] См.: *Карпов А.Ю.* «Слово на обновление Десятинной церкви» по списку М.А. Оболенского // Архив русской истории 1992. Вып. 1. С. 86—111; *Серегина Н.С.* Песнопения русским святым: По материалам рукописей певческой книги XI—XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб., 1994. С. 306.

[498] *Назаренко А.В.* Была ли столица в Древней Руси? С. 71.

[499] Киевский митрополит Ефрем известен по сообщению НІЛ под 1055 г. и в записи Мстиславова Евангелия об освящении храма Святой Софии в Киеве 4 ноября, см.: ПСРЛ. Т. 3. С. 183; *Апракос* Мстислава Великого. М., 1983. С. 234; *Лосева О.В.* Русские месяцесловы XI—XIV вв. М., 2001. С. 98—99. О митрополите Ефреме см. также: *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 193—194; *Поппэ А.* Митрополиты и князья Киевской Руси // *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). СПб., 1996. С. 451; *Чичуров И.С.* Антилатинский трактат киевского митрополита Ефрема (ок. 1054/55 — 1061/62 гг.) в составе греческого канонического сборника Vat. GR. 828 // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. 2007. Вып. 3 (19). С. 107—132.

[500] Булла впервые была опубликована Н.П. Лихачевым (см.: *Лихачев Н.П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 2 // Труды Музея палеографии. Л., 1930. Т. 2. С. 11—12. Рис. 8), на сегодня считается утерянной, см.: *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1. С. 174. № 42.

[501] См.: *Grumel V.* Titulature de Metropolites Byzantins. I. Les metropolites syncelles // Revue des etudes byzantines. 1945. T. 3. P. 105. *Laurent V.* Le corpus des sceaux de l'empire Byzantin. Paris, 1963. T. V. 1. P. 602 (№ 783). *Poppe A.* La tentative de reforme ecclesiastique en Russie au milieu du XIe siecle // Acta Poloniae Historicae. 1972. T. 25. P. 26.

[502] См.: *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 214. Г. Подскальски сформулировал это кратко и лаконично: «До крещения как бы "еще-нестрана", Русь становится "страною" и одновременно членом христианского (византийского) сообщества государств» (*Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237). СПб., 1996. С. 37).

[503] Именно этим обстоятельством объясняется, на мой взгляд, увлечение Владимира византийской символикой. Один из наиболее ярких примеров — чекан так называемых «златников» Владимира, образцами для которых послужила продукция византийского монетного двора Василия II и Константина VII. На аверсе монет изображение князя на троне, облаченного в царские одежды и венец византийского образца, на реверсе — образ Христа Пантократора. Сходство этих монет с византийскими было таково, что в XIX в. их первоначально принимали за имперские солиды, см.: *Толстой И.И.* Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского: Нумизматический опыт. СПб., 1882. С. 7; *Он же.* Древнейшие русские монеты. СПб., 1893. С. 14, 17; *Сотникова М.П., Спасский И.Г.* Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X—XI вв. Л., 1983. С. 8, 127—156.

[504] См.: *Молдован А.М.* «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона. Киев, 1984. С. 78—91, 92, 99; *Новосельцев А.П.* К вопро-

су об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4. С. 150—159; *Назаренко А.В.* Порядок престолонаследия на Руси. С. 514. Примеч. 46; *Коновалова И.Г.* О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. С. 108—135; *Она же.* Вхождение Руси в систему политических отношений Хазарии, Халифата и Византии (IX в.) // Средневековая Русь. М., 2007. Вып. 7. С. 7—30; *Рыбаков Б.А.* Запись о смерти Ярослава Мудрого // Советская археология. 1959. № 1. С. 244—249; *Он же.* Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964. С. 14—16; *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1966. С. 39—41.

[505] Так, поддерживая А.П. Толочко в его критике концепции «коллективного сюзеренитета», А.В. Назаренко констатирует факт: «Тем не менее не видим пока никакого реального политического института, помимо киевской митрополии, который бы мог претендовать на статус общерусского» (см.: *Назаренко А.В.* К проблеме княжеской власти... С. 178).

[506] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 173.

[507] *Карпов А.В.* Ярослав Мудрый. М., 2005. С. 447.

[508] См.: *Мовчан И.И., Писаренко Ю.Г.* Отчет о раскопках Киево-окольного отряда Киевской постоянно действующей экспедиции на территории Китаево весной-летом 1988 года // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1988/17а; Ед. хр. 22947. С. 11; *Мовчан І.І., Климовський С.І.* Дослідження городища та курганів у Китаєво 1998 р. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1998/5. Ед. хр. 26376. С. 5.

[509] См.: *Климовський С.І.* Городище-сховище у київському Китаєві // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст. Київ, 2004. С. 119—120.

[510] См.: *Мовчан И.И.* Отчет о раскопках Китаевского поселения и могильника в 1973 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1973/22. Ед. хр. 6839. С. 6—13; *Мовчан И.И., Писаренко Ю.Г.* Отчет о раскопках Киево-окольного отряда Киевской постоянно действующей экспедиции на территории Китаево весной—летом 1988 года. С. 22—23; *Мовчан І.І., Климовський С.І.* Дослідження городища та курганів у Китаєво 1998 р. С. 5—6.

[511] См.: *Мовчан И.И.* Киев и округа // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. М., 1988. Т. 2. С. 281. *Он же.* Социально-топографическая структура околицы древнего Киева // НА ИА НАНУ. П. т. № 148. С. 143—145.

[512] См.: *Хвойко В.В.* Древние обитатели Среднего Приднепровья. Киев, 2008. С. 95—113; *Полонская Н.Д.* Археологические раскопки В.В. Хвойко 1909—1910 гг. в м. Белгородке // Труды Московского предварительного комитета по устройству XV археологического съезда. М., 1911. С. 65 и сл.; *Бліфельд Д.І.* Дослідження древнього Білгорода // АП УРСР. Т. III. Київ, 1952. С. 29—36; *Кирпичников А.Н.* К истории древнего Белгорода в X—XI вв. // КСИИМК. 1959. № 73. С. 21—23.

[513] Наиболее значительные исследования были проведены в 1966—1975 гг. экспедицией Киевского государственного университета под руководством Г.Г. Мезенцевой (*Мезенцева Г.Г.* Про топографію стародавнього Білгорода // УІЖ. 1968. № 8. С. 114—118; *Она же.* О некоторых особенностях планировки древнего Белгорода // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С, 38—41; *Она же.* Давньоруський могильник Білгорода Київського (дослідження 1974—1976 рр. // Археологія. 1980. № 35. С. 98—110; *Она же.* Археологические исследования Белгорода Киевского // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. М., 1980. С. 40—42).

[514] О частновладельческом характере Белгорода в разное время писали В.А. Богусевич, Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров и О.М. Рапов (*Богусевич В.А.* Походження и характер древньоруських міст Наддніпрянщині // Археологія. 1951. Т. V. С. 46—47; *Греков Б.Д.* Киевская Русь. С. 362; *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 298—299; *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси. С. 44).

[515] *Кирпичников А.Н.* К истории древнего Белгорода. С. 30; Раппопорт П.А. О типологии древнерусских поселений // КСИА. 1967. Вып. 110. С. 4—5; *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978. С. 16—17.

[516] *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 73.

[517] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 122.

[518] *Кирпичников А.Н.* К истории древнего Белгорода. С. 21—23; *Дяденко В.Д.* Раннеславянские памятники на территории Белгорода. С. 85—86; *Мезенцева Г.Г.* О некоторых особенностях планировки древнего Белгорода. С. 39.

[519] См.: *Дяденко В.Д.* Раннеславянские памятники на территории Белгорода. С. 85—86.

[520] См.: *Мезенцева Г.Г.* Звіт про роботу Белгородської археологічної експедиції в 1970 році // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1970/68. Ед. хр. 5832. С. 16; *Она же. Мезенцева Г.Г.* Звіт про роботу Белгородської археологічної експедиції в 1972 році // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1972/89. Ед. хр. 0277. С. 14—15.

[521] См.: *Котышев Д.М.* Белгород Киевский в XI—XII вв. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1998. Вып. 3(16). С. 23—24; *Он же.* Киев—Белгород—Вышгород: из истории взаимоотношений города и пригородов Киевской земли //Слов'янські обрії. 2006. Віп. 1. С. 120.

[522] *Непомящих В.Ю.* Білгород Київський (X — перша половина XIII ст.). — Дисс. ...канд. ист. наук: Рукопись. Київ, 2017. С. 59—60.

[523] *Мезенцева Г.Г.* Звіт про роботу... 1972 році. С. 14.

[524] *Непомящих В.Ю.* Білгород Київський. С. 60—61.

[525] *Пархоменко В.А.* У истоков русской государственности (VIII—XI вв.). Л., 1924. С. 50; *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 187.

[526] См.: *Мезенцева Г.Г.* Отчет о работе Белгородской археологической экспедиции в 1975 г. НА ІА НАНУ. Ф. є. 1975/65. Ед. хр. 7661. С. 29—30.

[527] См.: *Мезенцева Г.Г.* Отчет о работе Белгородской археологической экспедиции в 1976 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1976/14. Ед. хр. 8124. С. 12—13.

[528] См.: *Полонская Н.Д.* Археологические раскопки В.В. Хвойко 1909—1910 гг. в м. Белгородке. С. 65—68; *Раппопорт П.А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. М.; Л., 1956. С. 54, 73—90; *Кучера М.П.* Звіт про роботу розвід загону по обстеженню городищ Київщини у 1973 р. С. 1—4.

[529] См.: *Рыбаков Б.А.* Розкопки в Переяславе-Хмельницком в 1945 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 1. Київ, 1949. С. 23; *Раппопорт П.А.* Очерки... С. 82—87; *Рыбаков Б.А.* Владимировы крепости на Стугне // КСИА УССР. 1965. Вып. 100. С. 126; *Кучера М.П.* Звіт про роботу розвід загону по обстеженню городищ Київщині в 1972 р. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1972/24. Ед. хр. 6251; *Малеев Ю.Н.* Отчет о археологических исследованиях на городище летописного Василева в 1978 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1978/103. Ед. хр. 8928. С. 2—6; *Он же.* Отчет о раскопках на городище летописного Василева // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1983/143. Ед. хр. 21128. С. 9—11.

[530] О целях и задачах этого пограничного строительства см.: Моргунов Ю.Ю. О пограничном строительстве Владимира Святославича на Переяславском Левобережье // Российская археология. 1999. № 3. С. 69—78.

[531] *Моргунов Ю.Ю.* Фортификация Южной Руси X—XIII вв.: Автореф. дисс. ... окт. ист. наук. М., 2007. С. 19—20; *Он же.* Древо-земляные укрепления Южной Руси X—XIII вв. М., 2009. С. 75—76.

[532] Более детально о сооружении и назначении оборонительной линии по р. Стугна см.: *Кучера М.П.* Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев, 1987. С. 177.

[533] См.: ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 500.

[534] *Звіздецький Б.А., Моця О.П.* Вивчення «української» частини середньовічного торгового шляху Київ — Регенсбург у 1998 р. // Археологічні відкриття в Україні 1997—1998 рр. К., 1998. С. 77; *Моця О.П.* Шляхи часів Київської Русі: темпи «руху» на «путех» // Археологія. 2010. № 2. С. 38—39.

[535] *Кирпичников А.Н.* К истории древнего Белгорода. С. 30.

[536] Речь идет о поселениях Игнатовка, Гореничи, Лука и Мостище (*Русанова И.П.* Славянские древности между Днепром и Западным Бугом. М., 1973. С. 38).

[537] См. об этом: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства... С. 73.

[538] См.: Беляева С.А., Блажевич Н.В. Отчет о разведках и раскопках в Среднем Поднепровье в 1979 г. С. 11; *Козюба В.К.* Звіт про археологічні дослідження в Київській області в 2001 році. С. 6; *Непомящих В.Ю.* Про науково-дослідні роботи на території об'єктів

культурної спадщини розташованих в адміністративних межах в с. Білогородка Києво-Святошинського району Київської області у 2013 р.// НА ІА НАНУ.Ф є. 2013. С. 15—16.

[539] См.: *Непомящих В.Ю.* Про науково-дослідні роботи. С. 16—17.

[540] См.: *Баран В.Д., Терпиловский Р.В., Некрасова А.М.* Отчет о работах Средневековой славяно-русской экспедиции. С. 4; *Непомящих В.Ю.* Про науково-дослідні роботи. С. 12—13.

[541] *Непомящих В.Ю.* Білгород Київський. С. 102—105.

[542] См.: *Кучера М.П.* Давньоруські городища на Правобережжі Київщини // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ, 1976. С. 181; *Беляева С.А., Блажевич Н.В.* Отчет о разведках и раскопках в Среднем Поднепровье в 1979 г. С. 2—7; *Древнерусские* поселения Среднего Поднепровья. С. 46—47, № 62—66; С. 48, 68.

[543] См.: *Котышев Д.М.* Эволюция территориальной структуры среднеднепровского правобережья в конце X — начале XII в. // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38 (176). Вып. 37. С. 20—21.

[544] *Толочко П.П.* Древнерусский феодальный город. С. 149.

[545] В оригинале так: «In magna has civitate, que istius regni caput est, plus quadringente habentur eclesiae et mercatus VIII, populi autem ignota manus; quae, sicut omnie haes provincia, ex fugitivorum robore servorum huc undique confluencium et maxime ex vtlocibus Danus, multium se nocetibus Pecinegis hactenus resistebat et alios vincebat». Цитируется по: Thietmari chronicon // Ausgewahlte Qellen zur deutchen Geschichte des Mittelaters. Berlin. Bd. IX. o.J. P. 474.; Перевод дается по: *Свердлов М.Б.* Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX—XIII в. СПб., 2017. С. 57.

[546] *Грушевський М.С.* Виїмки з жерел до історії України-Руси. Львів., 1895. С. 95; *Хрестоматия* средневековых латинских авторов. М., 1956. С. 67; *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество у восточных славян VI—X вв. СПб., 1996. С. 182—183. Примеч. 515.

[547] См.: *Толочко П.П., Килиевич С.Р.* Отчет о раскопках Киевской археологической экспедиции в 1965 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1965/1Е. Ед. хр. 4944. С. 3, 7—9; *Толочко П.П., Килиевич С.Р.* Отчет об археологических раскопках на Старокиевской горе 1966 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1966/8. Ед. хр. 4961. С. 2—5; *Толочко П.П., Килиевич С.Р.* Отчет об археологических раскопках на Старокиевской горе в 1967 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1967/1. Ед. хр. 4965. С. 2—4; *Толочко П.П., Килиевич С.Р.* Отчет об археологических раскопках на Старокиевской горе в 1968 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1968/6б. Ед. хр. 5354. С. 3—7; *Килиевич С.Р.* Отчет об археологических раскопках на Старокиевской горе в 1969 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1969/20б. Ед. хр. 5431. С. 3—7.

[548] См.: *Толочко П.П., Килиевич С.Р.* Археологические раскопки на Старокиевской горе // АИУ 1968. Киев, 1971. Вып. 3. С. 236—237.

[549] См.: *Килиевич С.Р.* Детинец Киева в IX — первой половине XIII вв. Киев, 1982. С. 98.

[550] Во время раскопок в целом ряде жилищ были обнаружены остатки строительного материала, аналогичного материалу Десятинной церкви. Так, в жилище № 1 (раскопки 1966 г.) из плинфы была сложена печь. То же мы наблюдаем и в жилище № 3 (раскопки 1969 г.). В жилище № 1 (раскопки 1965 г.) возле печи обнаружена шиферная резная плита. В жилище № 3 (раскопки 1966 г.) наряду с битой плинфой найдены поливные плитки, предназначенные для украшения пола. Все упомянутые материалы были использованы при сооружении жилищ. Поэтому начало строительства Десятинной церкви является нижней датой сооружения этих жилищ.

[551] См.: *Стефанович В.А.* З археологічних розвідкових розкопок 1913 р. в Києві // Наукові записки ІІМК. 1935. Кн. 5—6. С. 185—196; *Самойловський І.М.* Міська брама X ст. у Києві // Археологія. 1965. Т. 19. С. 183—188.

[552] См.: *Толочко П.П., Килиевич С.Р.* Отчет об археологических раскопках на Старокиевской горе в 1967 г. С. 2—3; *Килиевич С.Р.* Отчет об археологических раскопках на Старокиевской горе в 1969 г. С. 3—7; *Она же.* Детинец Киева С. 97—98. Рис. 68.

[553] См.: *Сагайдак М.А.* Великий город Ярослава. С. 52; *Толочко П.П., Ивакин Г.Ю.* Киев // Археология Украинской ССР. К., 1985. Т. 3. С. 259.

[554] См.: *Богусевич В.А., Раппопорт П.А., Линка Н.В.* Отчет о раскопках вала «города Ярослава» в Киеве в 1952 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1952/15б. Ед. хр. 1775. С. 3—5.

[555] *Раппопорт П.А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. М.; Л., 1956. С. 91—97.

[556] «В лѣто 6545. Заложи Ярославъ городъ великыи оу негоже града суть Златая врата заложи же и црквь стыя Софья митрополью» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 151).

[557] «В лѣто 6525. Ярославъ иде къ Берестию и заложена бысть святыя Софія в Киевѣ» (ПСРЛ. Т. 3. С. 16, 181).

[558] См.: *Асеев Ю.С.* Архитектура древнего Киева. Киев, 1982. С. 44.

[559] См.: *Сагайдак М.А.* Хронология археологических комплексов Киевского Подола // НА ІА НАНУ. П. т. 149. С. 94, 97—99; *Толочко П.П.* Новые данные о городском строительстве в Древнем Киеве // ПКНО. 1975. М., 1976. С. 451; *Сагайдак М.А., Боровский Я.Е.* Отчет об археологических раскопках в «городе» Ярослава в 1979 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1979/16б. Ед. хр. 9195. С. 19—20.

[560] См.: *Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю., Сагайдак М.А.* Архитектурно-археологические исследования церкви Успения Богородицы Пирогощей (1976—1977 гг.) // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1977/9б. Ед. хр. 8309. С. 31—34; *Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю., Степаненко Л.Я.* Раскопки Пирогощи в 1978—1979 гг. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1979/16в. Ед. хр. 9199. С. 4, 15, 19.

[561] См.: *Харламов В.А.* Київська садиби X ст. // Археологія. 1977. Т. 24. С. 37—46.

[562] См.: *Фроянов И.Я.* К истории зарождения Русского государства. С. 81.

[563] См.: *Назаренко А.В.* Порядок престолонаследия на Руси X—XII вв.: наследственные разделы и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. М., 2001. Т. 1. Древняя Русь. С. 500—519; *Он же.* Древнерусское династическое старейшинство по «ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели — реальные и мнимые // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 30—54.

[564] *Гущин А.Р.* Структура княжеского рода в домонгольский период // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 1996. С. 17.

[565] ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 161.

[566] Указанная фраза читается после слов «Всеволоду Переяславль» в следующих списках: Комиссионном списке НІЛ младшего извода, в Новгородской IV и Софийской I летописях, см.: ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 182; Т. 4. М., 2004. С. 117; Т. 6. Вып. 1. М., 2000. С. 181. В основных списках ПВЛ этой фразы нет, см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 161; Т. 2. М., 1998. Стб. 149—150; *Шахматов А.А.* Повесть Временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. С. XXV, 385. Примеч. к с. 204. С. 18; *Лихачев Д.С.* Комментарии (1053 г.) // ПВЛ. СПб., 1996. С. 490; *Назаренко А.В.* Древнерусское династическое старейшинство. С. 32. Примеч. 4.

[567] Вячеслав Ярославич скончался на смоленском столе в 1057 г., после чего туда был переведен с Волыни Игорь Ярославич, который тоже преставился смоленским князем в 1060 г. См: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 162—163.

[568] См.: Там же. Стб. 199, 201.

[569] Старшего сына Игоря, Давыда, ПВЛ упоминает впервые под 1081 г., сообщая о том, что «Б҃жа Игоревичь Двдъ с Володаремь Ростиславичемь» до Тмутаракани, см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 204. После всех перипетий 1080-х гг. Давыд Игоревич по решению Любечского съезда получил Волынскую землю. За активное участие в истории с ослеплением Василька Теребовльского по решению Уветичского съезда Давыд был лишен владимиро-волынского стола, получив Дорогобужскую волость, где и скончался в 1112 г., см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 274. Имя другого сына Игоря Ярославича источникам неизвестно, однако на страницах Повести неоднократно фигурирует некий «Мстиславъ Игоревъ внукъ», см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 277, 282 (под 6611 и 6615 гг.). На основании этих упоминаний, а также данных княжеского синодика в «Хождении игумена Даниила», через привлечение сфрагистических данных, В.Л. Янину удалось установить имя неизвестного сына Игоря — «Всеволодъ», см.: *Янин В.Л.* Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» // ТОДРЛ. Т. XVI. 1960. С. 129; *Он же.* Актовые печати Древней Руси. Т. 1. М., 1970. С. 20—23. Сын Всеволода Игоревича,

Мстислав «Игорев внук» скончался, по свидетельству Воскресенской летописи, в 1113 г., см. ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 23.

[570] Достоверно источники сообщают только о сыне Давыда Игоревича Всеволоде и его потомках — Борисе, Глебе и Мстиславе. Имена этих князей так или иначе связываются с городенским княжением: сам Всеволод Давыдович упоминается как городенский князь в 1127 и 1141 гг., включая сообщение о его смерти, см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 297, 309; Т. 9. М., 2000. Стб. 154. Сыновья Всеволода Давыдовича Борис и Глеб впервые возникают на страницах летописи под 1144 г. в составе участников похода на Владимира Галицкого, см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 315. Борис Давыдович фигурирует как городенский князь под 6658 г., его брат Глеб как городенский князь упоминается под 1168 г.; Мстислав Всеволодович поименован городенским князем под 1183 г., см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 528, 631. Статус Городенского княжества и его роль в политических коллизиях Южной и Юго-Западной Руси на сегодня являются предметом активной дискуссии, см.: *Назаренко А.В.* Городенское княжество и Городенские князья в XII в. // ДГВЕ. 1998. М., 2000. С. 169—182; *Плахонин А.Г.* «История Российская» Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 299—330.

[571] О «федерализации» древнерусских земель во второй половине XI в. см.: *Пузанов В.В.* Древнерусская государственность... С. 357; *Он же.* От праславян к Руси. Становление древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб., 2017. С. 401—402.

[572] *Грушевский М.С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 62—63; *Он же.* Історія Україні — Русі. Т. 2. Львів, 1904. С. 51—54; *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 41—43.

[573] См.: *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 499; *Бахрушин С.В.* Некоторые спорные вопросы истории Киевской Руси // Историк-марксист. 1937. № 3. С. 165—175.

[574] *Черепнин Л.В.* К вопросу о характере и форме древнерусского государства X — начала XIII вв. // Исторические записки. Т. 89. М., 1972. С. 359—360, 363—364; *Он же.* Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII в. // Польша и Русь. М., 1974. С. 25—26, 29—30; *Котляр Н.Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 166; *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 442—443.

[575] См.: *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 329.

[576] См.: *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 32. Касаясь вопроса о соправительстве старших Ярославичей, А.Н. Насонов писал: «Разгадку самого триумвирата найдем, если обратим внимание на то, что эти

три князя представляли собой совместно "Русскую землю" с тремя ее центрами — Киевом, Черниговом и Переяславлем» (Там же. С. 32).

[577] См.: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства древней Руси. Л., 1988. С. 84—85.

[578] *Пузанов В.В.* Главные черты политического строя Киевской Руси X—XI вв. // Исследования по русской истории: Сб. статей к 65-летию проф. И.Я. Фроянова. СПб.—Ижевск, 2001. С. 32; далее, обращаясь к концепции «родового сюзеренитета», В.В. Пузанов говорит о том, что родовая иерархия князей определялась иерархией «старших» и «младших» городов (Там же. С. 33).

[579] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 162.

[580] См.: *Рапов О.М.* Княжеские владения... С. 48.

[581] «Преставися Игорь во Смоленсце и разделися Смоленескъ на три части» (ПСРЛ. Т. 4. С. 118; Т. 6. Стб. 183; Т. 15. М., 2000. Стб. 153).

[582] *Пресняков А.Е.* Княжое право... С. 42—43. Примеч. 78. От себя добавлю, что отмеченная Пресняковым практика разделения вымороченного удела между оставшимися в живых наследниками находит полную аналогию в существовавшем у франков институте Anwachsungsrecht, отмеченную А.В. Назаренко, см.: *Назаренко А.В.* «Родовой сюзеренитет» Рюриковичей над Русью в X—XI вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. С. 156.

[583] См.: *Греков Б.Д.* Киевская Русь. С. 490; Юшков С.В. Общественно-политический строй и право. С. 329.

[584] См.: *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955 г. М., 1958. С. 16.

[585] См.: *Щапов Я.Н.* О функциях общины в Древней Руси // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 19, 20.

[586] См.: *Фадеев Л.А.* Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов // Русский город. 1976. С. 20—21.

[587] См.: *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 134.

[588] См.: *Дворниченко А.Ю.* Городская община средневековой Руси (к постановке проблемы) // Историческая этнография. Л., 1985. Вып. 3. С. 119.

[589] *Рабинович М.Г.* Очерки... С. 134.

[590] *Кирпичников А.Н.* Посад средневековой Ладоги // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 171.

[591] С храмом Святой Ирины отождествляются остатки храма, раскопанного на Большой Владимирской улице. Он представлял пятинефную церковь либо трехнефную с галереями: она имела три апсиды. Сам храм был выполнен в технике смешанной кладки (*О ходе* открытия древностей в Киеве до 1834 г. // ЖМНП. СПб., 1836. Ч. XII. Ноябрь. С. 267—268; ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918. С. 167. Рис. 238; С. 168. Рис. 239; С. 169. Рис. 240; *Каргер М.К.* Древний

Киев. М.; Л., 1961. С. 218—226; *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X—XIII вв. Л., 1982. С. 15, № 15). С описанным храмом схож храм, открытый раскопками Д.В. Милеева в саду Митрополичьей усадьбы в 1909—1910 гг. (ИАК. Приб. к вып. 39. СПб., 1911. С. 171—172; *Милеев Д.В.* Вновь открытая церковь в Киеве XI в. // Труды IV съезда русских зодчих в С.-Петербурге в 1911 году. СПб., 1911. С. 117—121; *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. 2. С. 226—231; *Раппопорт П.А.* Русская архитектура. С. 14. № 13). Георгиевский храм исследовался неоднократно, в 1934, 1937 и 1939 гг., однако результаты этих работ не были зафиксированы должным образом. Исчерпывающие представления о планировке храма и его конструктивных особенностях дали раскопки 1979 г., см.: *Боровский Я.Е., Сагайдак М.А.* Отчет об археологических раскопках в «городе» Ярослава // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1979/16б. Ед. хр. 9195. С. 2—11. Публикацию результатов см.: *Боровский Я.Е., Сагайдак М.А.* Археологические исследования верхнего Киева в 1978—1982 гг. // Археологические исследования Киева в 1978—1983 гг. С. 52—57; *Боровський Я.Е., Сагайдак М.А.* Нове в дослідженні Георгіївської церкви в Києві // Пам'ятки архітектурі і монументального мистецтва в світлі нових досліджень. Київ, 1996. С. 29—32. Рис. 1, 2.

[592] ОР РНБ. Погод. 59. Л. 151—151 об.

[593] См.: ИАК. Приб. к вып. 39. С. 172; *Милеев Д.В.* Вновь открытая церковь... С. 119, 121; *Голубева Л.А.* Киевский некрополь // МИА. 1949. № 11. С. 117; *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. 2. С. 231.

[594] Наиболее обширный некрополь в Святой Софии занимал алтарную часть Апостольского придела. Именно в нем открыто в 1936 г. одно из самых богатых погребений в расшитой золотом одежде. Золотная вышивка представляет собой уникальную композицию (Богоматерь Оранта с ангелами в окружении святых и растительного орнамента), не имеющую аналогов среди произведений прикладного искусства домонгольского времени. Данное погребение относилось, скорее всего, к числу захоронений киевских митрополитов (*Зацепіна Г.Н.* Звіт за проведені роботи у 1936 р. в Київської Софії // НА ІА НАНУ. Ф. 20. № 71. С. 11—13; *Новицька М.О.* Давньоруське гаптування з фігурними зображеннями // Археологія. 1970. Т. 24. С. 88—99. О погребениях в Софийском соборе см. также: *Фундуклей И.И.* Обозрение Киева в отношении к древностям. Киев, 1847. С. 889; *Лебединцев П.Г.* Описание Киево-Софийского собора. Киев, 1882. С. 55).

[595] См.: *О ходе* открытия древностей в Киеве... С. 267—268; *Фундуклей И.И.* Обозрение Киева... С. 16; ОАК за 1913—1915 гг. С. 168; *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. 2. С. 218.

[596] Укрепления Копырева конца начинались от участка напротив улицы Рейтарской, 38, где вал «города Ярослава» раздваивался. Линия валов, идущая по направлению к ул. Смирнова-Ласточкина, и являлась линией укреплений этой части древнего Киева. Отдельные участки рва зафиксированы раскопками 1968 и 1986 гг.; см.: *Боров-*

ский Я.Е., Зоценко В.М., Калюк А.П., Павлова В.В. Отчет об археологических исследованиях на Копыревом конце в Киеве в 1986 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1986/28б; результаты опубликованы: *Боровский Я.Е., Зоценко В.Н., Сагайдак М.А.* Исследования древнего Киева // АО 1986. М., 1989. С. 225.

[597] См.: *Каргер М.К.* Древний Киев. С. 391—402, 402—407; *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X—XIII вв. С. 18. № 22—23; *Мовчан И.И., Писаренко Ю.Г., Пеняк П.С.* Отчет о раскопках Киево-окольного отряда Киевской постояннодействующей экспедиции в 1989 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1989/28а. Ед. хр. 23382. С. 26—32; публикация результатов см.: *Мовчан И.И.* Новый могильник на Щекавице и проблемы некрополя древнего Киева // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб., 1997. С. 105; *Он же.* Погребальные комплексы древнего Киева // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 1. С. 105.

[598] См.: *Покровский М.Н.* Избр. произв. М., 1966. Кн. 1. С. 159; *Греков Б.Д.* Киевская Русь. С. 493; *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания в Древней Руси XI—XIII вв. М., 1963. С. 100; *Мавродин В.В.* Народные восстания в Древней Руси XI—XIII вв. М., 1961. С. 66; *Пашуто В.Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 26; *Толочко П.П.* Древний Киев. Киев, 1983. С. 212.

[599] Наиболее обоснованным представляется мне мнение И.Я. Фроянова. Как полагает историк, изгнание Изяслава и посажение на стол Всеслава явилось результатом рецидива языческой ментальности, согласно которой неудачливый князь был изгнан и заменен князем-кудесником, человеком, чьи магические способности признавал даже христианин-летописец, см.: *Фроянов И.Я.* Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. СПб., 1995. С. 184—187.

[600] *Фроянов И.Я.* Политический переворот 1068 г. в Киеве // Славяно-русские древности. СПб., 1995. Вып. 2. С. 189; *Он же.* Древняя Русь. С. 187.

[601] См.: *Грушевский М.С.* Очерк истории Киевской земли. С. 74, 312.

[602] См.: *Воронин Н.Н.* Восстание смердов в XI веке // Исторический журнал. 1940. № 2. С. 61; *Греков Б.Д.* Киевская Русь. С. 493; *Мавродин В.В.* Народные восстания в Древней Руси XI—XIII вв. М., 1961. С. 66; *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. С. 179. М.Н. Тихомиров и В.Т. Пашуто увидели в действиях Изяслава иную подоплеку — желание ограничить влияние купеческой знати и поставить под контроль княжеской власти именно торг, а не вечевое собрание, см.: *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв., М., 1955. С. 100; *Пашуто В.Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. С. 26.

[603] См.: *Зимин А.А.* Холопы на Руси. М., 1973. С. 145.

[604] См.: *Фроянов И.Я.* Политический переворот 1068 г. в Киеве. С. 195; *Он же.* Древняя Русь. С. 194.

[605] См.: *Лукин П.В.* Зачем Изяслав Ярославич «възгна торгъ на гору»? К вопросу о месте проведения вечевых собраний в средневековом Киеве // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007. С. 54—55.

[606] См.: *Пузанов В.В.* Древнерусская государственность. С. 361; *Он же.* От праславян к Руси. С. 408.

[607] См.: *Фроянов И.Я.* Древняя Русь IX—XIII вв. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М., 2013. С. 151.

[608] См.: *Берлинский М.Ф.* Краткое описание Киева. СПб., 1820. С. 66.

[609] См.: *Закревский Н.В.* Описание Киева. Т. 2. М., 1868. С. 840; *Петров Н.И.* Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897. С. 107—108; *Богусевич В.А.* Про феодальні двори Києва XI—XIII ст. // Археологія. 1957. Т. XI. С. 14—20; *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 271; *Толочко П.П.* Історична топографія. С. 123—124; *Килиевич С.Р.* Детинец Киева IX — первой половины XIII веков: По материалам археологических исследований. Киев, 1982. С. 102—103.

[610] См.: *Максимович Н.А.* Обозрение старого Киева. К., 1877. Т. 2. С. 107—108.

[611] *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI—XVII вв. М., 1991. С. 57—58; *Кондаков Н.И.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. 214; *Прахов А.В.* О вновь открытых фресках Киево-Софийского собора и киевском кладе 1885 г. // ЗРАО. 1877. Т. 2. С. 51—56; *Висоцькій С.А.* Іпатівський літопис про Золоті ворота у Києві та Володимирі // УІЖ. 1980. № 2. С. 68.

[612] «Изяслав же сего не послуша и нача[ша] люди его корити на воєводу на Коснячька идоша на гору съ вѣча и придоша на дворъ Коснячковъ и не обрѣтше его сташа оу двора Брячиславля и рѣша поидем высадим дружину свою ис погреба и раздѣлишася надвоє половину ихъ иде к погребу а половина ихъ иде по мосту си же придоша на княжь дворъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 171). Вероятнее всего, здесь имеется в виду мост через ров перед Софийскими (Батыевыми) воротами (недалеко от перекрестка Б. Житомирской и Владимирской улиц).

[613] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 416.

[614] Там же. Стб. 321, 396, 397, 416, 637.

[615] См.: Там же. Т. 2. Стб. 634.

[616] К сожалению, Васильевская церковь, возведенная в 6691 (1183) г., получившая позднее наименование Трехсвятительской, была разобрана в 1934—1935 гг., не подвергнувшись при этом серьезному архитектурно-археологическому исследованию. Поэтому точная датировка сооружения, основанная на анализе строительных материалов и строительной техники, на сегодняшний день неосуществима.

[617] См.: *Елшин Д.Д.* Комплекс монументальных сооружений конца X века на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты: Дисс. ... канд. ист. наук (Рукопись). СПб., 2008. С. 153.

[618] См.: *Корзухина Г.Ф.* Новые данные о раскопках В.В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве // Советская археология. 1956. Т. XXV. С. 339.

[619] См.: Там же. С. 332—334.

[620] *Хвойко В.В.* Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (с комментариями и иллюстрациями). Киев, 2008. С. 88.

[621] См.: *Корзухина Г.Ф.* Новые данные о раскопках В.В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве. С. 340.

[622] *Елшин Д.Д.* Комплекс монументальных сооружений конца X века на Старокиевской горе. С. 149.

[623] См.: *Килиевич С.Р.* Детинец Киева. С. 102.

[624] *Килиевич С.Р.* Отчет об археологических исследованиях на территории Великого княжего двора в Киеве 1972 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1972/34б. Ед. хр. 6226. С. 2—4, 7—10; *Она же.* Отчет о раскопках 1973 г. Старокиевского отряда Киевской археологической экспедиции по ул. Десятинной № 2 // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1973/22б. Ед. хр. 6667. С. 4—9; *Она же.* Отчет об археологических раскопках на Киевском детинце 1975 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1975/25в. Ед. хр. 7830. С. 2—8; *Она же.* Отчет о раскопках 1976 г. Старокиевского отряда киевской археологической экспедиции на территории киевского детинца (ул. Владимирская, № 2) // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1976/14б. Ед. хр. 7940. С. 3—5; *Она же.* Отчет о раскопках 1977 г. Старокиевского отряда киевской археологической экспедиции в усадьбе № 5 по Десятинному переулку // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1978/20а. Ед. хр. 8751. С. 2—4.

[625] См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 397.

[626] См.: ОАК за 1913—1915 гг. С. 168; *Каргер М.К.* Древний Киев, Т. 2. С. 76—77; *Раппопорт П.А.* Русская архитектура. С. 15, № 16.

[627] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 275—276; *Назаренко А.В.* Владимир Мономах и киевское столонаследие: традиция и попытка реформы // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 г. Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 284.

[628] См.: *Фроянов И.А.* Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 184; *Петров А.В.* От язычества к святой Руси. Новгородские усобицы: к изучению древнерусского вечевого уклада. СПб., 2003. С. 113—114.

[629] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 201.

[630] *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 88.

[631] Формально точкой отсчета можно считать ряд Ярослава 1054 г., по которому черниговский и переяславский стол были закреплены за

Святославом и Всеволодом. Конечно, есть сведения о вокняжении в Чернигове в 6532 (1024) г. Мстислава Владимировича, но тут надо учитывать обстоятельства его вокняжения: правление Мстислава в Чернигове стало результатом соглашения между ним и Ярославом в 6534 (1026) г. Но можно ли говорить об оформлении самостоятельного черниговского княжения после 1026 г.? Мне это представляется весьма сомнительным сразу по нескольким причинам. Во-первых, после смерти Мстислава в Чернигове не появляется новый князь, но, как следует из текста ПВЛ, «...перея власть его всю (то есть Мстислава. — *Д. К.*) Ярославъ и быс самовластець Русьстѣи земли». То есть перед нами наглядный пример раздела в рамках системы «родового сюзеренитета», при котором разделы в княжеской семье не приводят к образованию самостоятельных владений-уделов.

[632] Указанный памятник, по общепринятому мнению, является второй частью так называемого «Сказания о Борисе и Глебе», текста, созданного не позднее середины XII в. (см.: *Дмитриев Л.А.* Сказание о Борисе и Глебе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 398—408). Самый ранний текст памятника помещен в Успенском сборнике, датируемом концом XII — началом XIII в., см.: Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 20—21 (об анализе почерков).

[633] *Успенский* сборник. С. 62; *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 58; *Назаренко А.В.* Митрополии Ярославичей во второй половине XI века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № (27). С. 85. Примеч. 1.

[634] Но при этом сведения о митрополите Неофите читаются в Софийской I летописи и зависящих от нее сводах, см.: ПСРЛ. Т. 6. Стб. 198; Т. 7. С. 341. На мой взгляд, категорически отрицать оригинальность известий в источнике СIЛ, восходящих к источнику типа Ипатьевской, нет оснований. Зависимость СIЛ—HIV от южнорусского источника вполне на сегодня доказана (см.: *Шахматов А.А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 212—213; *Насонов А.Н.* История русского летописания. С. 279—293; *Шибаев М.А.* Софийская I летопись Младшей редакции: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 14); поэтому вопрос о присутствии или отсутствии известия о черниговском митрополите в тексте ПВЛ требует отдельного рассмотрения.

[635] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208.

[636] *Успенский* сборник XII—XIII вв. С. 86.

[637] См.: *Приселков М.Д.* Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 2003. С. 76—80.

[638] См.: *Приселков М.Д.* Русско-византийские отношения в IX—XII вв. // Вестник древней истории. М., 1939. № 3. С. 104.

[639] См.: *Поппэ А.* Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии // Виз. Временник. 1968. Т. 28. С. 92; Т. 29. С. 69; *Щапов Я.Н.* Государство и церковь... С. ; *Vodoff V.* Niassace de la chretiente russe: la conversion du pines Vladimir de Kiev (988) et ses

consequences (XI—XIII siecles). Paris, 1988. P. 133—134. Г. Подскальский, следуя существовавшей до Приселкова историографической традиции, допускает возможность существования временной митрополичьей резиденции в Переяславле, см.: *Подскальский Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). СПб., 1996. С. 49, 55—56.

[640] См. известие ПВЛ под 6586 (1078) г.: «Всеводъ же [иде] противу брату Изяславу на Волынь и створиста миръ и пришедъ Изяславъ сѣде Кыевѣ мсца иоуля еі дн[ь] Олегъ же снъ Стославль бѣ оу Всеволода Чернигов҃ѣ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 199).

[641] Вероятнее всего, в Чернигове Олег оказался после возвращения Изяслава, о чем свидетельствует «Поучение» Мономаха: «...и Олегъ придє из Володимеря выведенъ и возвах и к собѣ на обѣдъ со оцмь в Чернигов҃ѣ на Краснѣмь дворѣ и вдахъ оцю т грив золота» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 247). О волынском княжении Олега до 1078 г. см.: *Ивакин И.М.* Князь Владимир Мономах и его поучение. М., 1901. Ч. 1. С. 150; *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси. С. 101; *Войтович Л.В.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 373.

[642] См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 204.

[643] Дата смерти Глеба Святославича в ПВЛ — 6586 (1078) — единственное упоминание такого рода. Новгородская летописная традиция датирует это событие следующим 6587 (1079) г. — «Того же лѣта убиенъ бысть Глѣбъ Святославичь в Заволочии майя 30» (ПСРЛ. Т. 3. С. 201). Достоверность этого сведения подтверждается и сообщением *Киево-Печерского* патерика, см.: Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики. М., 1999. С. 37. Любопытные данные встречаются в перечне князей Новгородской Первой летописи под 989 г.: «...и выгнаша из города и бѣжа за Волокъ и убиша Чюдъ» (ПСРЛ. Т. 3. С. 161). Ряд исследователей склонен усматривать взаимосвязь событий 1078 г. с выступлением новгородцев под предводительством волхва в 1071 г., см.: *Лихачев Д.С.* Комментарии // ПВЛ. С. 503; *Фроянов И.Я.* Мятежный Новгород. С. 179—182; *Петров А.В.* От язычества к святой Руси. С. 109.

[644] На страницах ПВЛ Давыд Святославич впервые упомянут под 6603 (1095) г. как новгородский князь, которого новгородцы заменили на Мстислава Владимировича: «Исходяща иде Двдъ Стославичь из Новагорода Смолиньску Новгородци же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича [и] поємше ведоша и Новугороду» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 229).

[645] Под 6601 (1093) годом в ПВЛ Ростислав фигурирует как переяславский князь: «размысливъ посла (Владимир Мономах. — *Д. К.*) по Стополка Турову а самъ иде Чернигову а Ростиславъ Переѣславлю» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 217).

[646] См.: *Пузанов В.В.* Древнерусская государственность. С. 357—358.

[647] См.: *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси. Власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 35—36.

[648] См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 217.

[649] О возможности такого соглашения см.: *Назаренко А.В.* Владимир Мономах и киевское столонаследие... С. 280.

[650] См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 226.

[651] Об иерархии городов в «Русской земле» см.: *Пузанов В.В.* Древнерусская государственность. С. 271; *Он же.* От праславян к Руси. С. 280—281. Кроме того, В.В. Пузанов совершенно справедливо отмечает, что главной целью политики Всеволода «было укрепление позиций собственного семейства, обеспечение будущего своего дома» (*Пузанов В.В.* Древнерусская государственность. С. 370—371; *Он же.* От праславян к Руси. С. 420).

[652] См.: *Плетнева С.А.* Половцы. М., 1990. С. 51—53.

[653] Там же. С. 48—53.

[654] См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 231.

[655] *Соловьев С.М.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847. С. 122; *Он же.* Сочинения. Кн. 1. М., 1988. С. 372; *Грушевский М.С.* История Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 108—109; *Он же.* Історія України — Русі. Т. 2. Львів, 1905. С. 90; *Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. Т. 1. Киевская Русь. М.; Л., 1938. С. 160; *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 500; *Черепнин Л.В.* «Повесть временных лет», ее редакция и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. 1948. Т. 25. С. 321—330; *Мавродин В.В.* Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956. С. 215; *Пашуто В.Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. С. 21; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 449.

[656] См.: *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Сочинения. Т. 1. М., 1987; *Котляр Н.Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 234.

[657] *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 92.

[658] См.: *Пузанов В.В.* Древнерусская государственность. С. 391.

[659] *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. 4. Период удельный (1054—1240). М., 1850. С. 370—371.

[660] См.: *Дімник М.* Любецький з'їзд і пониження статусу Олега Горславича // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі: Матеріали Міжнар. наук. конф., присвяч. 900-літтю з'їзду князів Київської Русі у Любечі Чернігів, 1997. С. 14—20. Более подробно эта проблема раскрыта в исследовании: *Dimnik M.* Dynasty of Chernigov 1054—1146. Toronto. 1994. P. 304—305. О проблемах династической рокировки в роду Святославичей см.: *Котляр М.Ф.* До проблеми утворення Новгород-Сіверского князівства // Український історичний журнал. 1995. № 6. С. 55—60; *Он же.* Древнерусская государственность.

[661] *Назаренко А.В.* Владимир Мономах и киевское столонаследие. С. 282.

[662] См.: *Пузанов В.В.* Древнерусская государственность. С. 383; *Он же.* От праславян к Руси. С. 434.

[663] См.: *Пресняков А.Е.* Княжое право. С. 61; *Котляр Н.Ф.* Древнерусская государственность. С. 226 и сл.; *Пузанов В.В.* Древнерусская государственность. С. 391; *Он же.* От праславян к Руси. С. 443.

[664] За период с 1097 по 1113 г. в тексте ПВЛ устойчиво употребляется словосочетание «Святополкъ, Волдимеръ и Давыдъ» (всего 8 раз). Стабильность такой формулировки дает основания предполагать, что перед нами основные действующие лица триумвирата.

[665] *Dimnik M.* Dynasty of Chernigov 1054—1146. P. 38—39.

[666] *Назаренко А.В.* Владимир Мономах и киевское столонаследие... С. 282.

[667] *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции. С. 370—371.

[668] *Пузанов В.В.* Древнерусская государственность. С. 383; *Он же.* От праславян к Руси. С. 434.

[669] Так, А.А. Гиппиус полагает, что запись о Любечском съезде принадлежит к числу древнейших слоев ПВЛ (записи так называемого Печерского свода, являющегося анналистическим продолжением Начального свода 1090-х гг.); пространная повесть об ослеплении Василька принадлежит уже автору ПВЛ, под которым А.А. Гиппиус склонен подразумевать Сильвестра, — см.: *Гиппиус А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет. II // Славяноведение. 2008. № 2. С. 9. Ему возражает Т.Л. Вилкул, считающая, что в текст статьи 6605 (1097) г. были внесены изменения, но эти изменения являются не только результатом работы редактора ПВЛ, но и ретроспективным вмешательством в текст самой ПВЛ составителем Киевского свода конца XII в., см.: *Вилкул Т.Л.* О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописей за XII в. (предварительные заметки) // Palaeoslavica. XIII. 2005; *Она же.* Известия «Повести временных лет» о Любечском снеме 1097 года: интерпретации и ошибочные чтения // Славяноведение. 2009. № 2. С. 19. Примеч. 8.

[670] Об авторстве Даниила см.: *Словарь* книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 109—112.

[671] *Хождение* игумена Даниила // Памятники литературы Древней Руси. XII в. М., 1980. С. 114.

[672] См.: *Веневитинов М.А.* Хождение игумена Даниила в Святую землю в начале XII века // Летопись занятий Археографической комиссии. 1876—1877. СПб., 1884. С. 86—98.

[673] В ряде списков на третьем месте фигурирует Давыд Всеславич. И первый издатель «Хождения» А.С. Норов, и М.А. Веневетинов признали это ошибкой переписчиков — см.: *Путешествие* игумена Даниила по Святой земле в начале XII века. СПб., 1864. С. 162; *Веневитинов М.А.* Хождение игумена Даниила. С. 97.

[674] См.: *Янин В.Л.* Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» // ТОДРЛ. 1960. Т. 16. С. 112—131; *Петрухин В.Я.* Древняя Русь: Князья, народ, религия // Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь. М., 2000. С. 195.

[675] Эта тенденция нашла свое отражение даже в тексте ПВЛ Сильвестровской редакции, именно там появился целый ряд сведений о самом городе и переяславских событиях, особенно за вторую половину XI в. — см.: *Котышев Д.М.* Переяславские известия в летописании конца XI — начала XII века (княжеские и волостные взаимоотношения в летописной традиции) // Финно-угры — славяне — тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации): Сб. мат-лов Всероссийской научной конференции. Ижевск, 2009. С. 343—351.

[676] *Назаренко А.В.* Владимир Мономах и киевское столонаследие... С. 283.

[677] ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 275—276.

[678] *Успенский* сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 69.

[679] См.: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. М., 1988. С. 389; *Грушевский М.С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст. Киев, 1891. С. 121.

[680] *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси XI—XII вв. СПб., 2003. С. 178.

[681] См.: *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 502—502; *Мавродин В.В.* Народные восстания в Древней Руси XI—XIII вв. М., 1961. С. 72; *Смирнов И.И.* Очерки социально-экономических отношений Руси XI—XIII вв. М.; Л., 1963. С. 241; *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 235.

[682] См.: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 59.

[683] *Фроянов И.Я.* Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб., 2015. С. 435.

[684] См.: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 59.

[685] См.: *Пузанов В.В.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 391; *Он же.* От праславян к Руси: становление Древнерусского государства. СПб., 2017. С. 443.

[686] ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 265—257.

[687] *Грушевский М.С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст. С. 131.

[688] *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. С. 53.

[689] *Пузанов В.В.* Древнерусская государственность. С. 380; *Он же.* От праславян к Руси. С. 430.

[690] *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 39.

[691] В 6621/1113 г., сразу после вокняжения в Киеве, Мономах посадил в Смоленске сына Вячеслава, см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 276; годом спустя Ипат. сообщает, что скончавшийся в Переяславле 16 марта 6622/1114 г. Святослав был переведен туда отцом из Смоленска, см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 277. О.М. Рапов сообщал со ссылкой на В.Н. Татищева, что Вячеслав владел Смоленском совместно с братом Глебом, см.: *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 129—130; *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. М.; Л., 1962. С. 142.

[692] После бегства из Владимира-Волынского Ярослава Святополчича Мономах отправляет туда княжить сына Романа, скончавшегося на владимирском столе 6 января 6625/1119 г.; его сменил Андрей, отправленный туда в следующем, 6626/1120 г., см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 285.

[693] См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 284.

[694] Там же.

[695] Под 6628/1120 г. Ипат. и Лавр. сообщают о походе Юрия «на Болгары по Волзѣ», см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 292. Т. 2. Стб. 286. Это одно из первых известий о самостоятельной деятельности Юрия в качестве ростово-суздальского князя.

[696] Там же. Т. 1. Стб. 295.

[697] Там же. Т. 2. Стб. 289.

[698] Там же. Т. 3. С. 206.

[699] *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 61.

[700] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 303—304.

[701] Известие об этом читается в Ипат. под 6640 ультрамартовским (мартовским 6639/1131—1132) годом: «В се же лѣто заложена быс цркви камяна стая Бца рекомая Пирогоща» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 294). Об ультрамартовском характере погодной статьи см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. С. 135. Руины Успенской церкви были исследованы в 1976—1979 гг., см.: *Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю., Сагайдак М.А.* Архитектурно-археологические исследования церкви Успения Богородицы Пирогощей // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1977/9б. Ед. хр. 8309. С. 28, 32; *Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю., Степаненко Л.Я.* Раскопки Пирогощи в 1978—1979 гг. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1979/16в. Ед. хр. 9199. С. 4, 19—20; *Ивакин Г.Ю.* Еще раз о датировке церкви Успения Пирогощей // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб., 1996. С. 51, 53.

[702] Заложение церкви Пирогощей традиционно рассматривалось как свидетельство союза Мстислава с городской общиной, в первую очередь с ее торгово-купеческими кругами. Указанная точка зрения была высказана И.И. Малышевским и обрела вторую жизнь в работах некоторых современных историков (*Малышевский И.И.* О церкви и иконе св. Богородицы под названием «Пирогощи» // ЧИОНЛ. 1891. Кн. 5. С. 113—117; *Гупало К.Н.* Подол в Древнем Киеве. С. 36; *Ивакин Г.Ю.* О церкви Успения Богородицы... С. 171—172).

Решающим аргументом в пользу этой гипотезы является фраза Лавр. под 6639 г.: «В то же лѣт заложи црквь Мстиславъ стыя Бца Пирогощюю» (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 301). В то же самое время Ипат. ничего не говорит об участии Мстислава. Можно предположить, что киевский источник Лавр. донес до нас ту информацию, которая была опущена в Ипат., но тогда остается открытым вопрос, почему об этом факте не сообщает проложное житие Мстислава, подробно перечисляя возведенные им постройки: «създа церковь Новегороде Благовещения и покова ю златомъ и сребромъ и камениемъ многоценнымь, Киеве же създа церковъ во имя свое св. Феодора и святи ю священиемъ великымъ съ митрополитомъ Михаиломъ» (см.: *Серебрянский Н.М.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. Прил. Ч. IV. № 12. С. 48). Впрочем, информация о Пирогощей могла скрываться и за словами «ины церкви многы».

[703] См.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. С. 43, 48—49, 133.

[704] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296—297.

[705] Там же. Т. 2. Стб. 290—291.

[706] «Всеволодъ же нача ся молити Мьстиславу и бояры его подъоучивая и дары дая моляшеться имъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 291).

[707] См.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. С. 130—131, 135.

[708] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 294.

[709] Там же.

[710] Там же. Стб. 295.

[711] Там же.

[712] Там же. Т. 1. Стб. 302. Поскольку вывод Изяслава из Переяславля был совершен против его воли («с нужею»), Ярополк, как следует из дальнейших сообщений, постарался сгладить возмущение племянника, «...даша Изяславу Туровъ и Пинескъ к Мѣньску то бо бяшеть его осталося передьнѣ волости его». Вероятно, с этой же целью Изяслав получил от дяди не только земельные, но и денежные пожалования («...и даша дани Печерьскыѣ и от Смолиньска даръ»).

[713] См.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. С. 50.

[714] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 302.

[715] В Ипат. статья 6642 г. является ультрамартовской и сообщает о событиях мартовского 6641 (1133/4) г. Такая же картина наблюдается и в Лавр., см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. С. 50, 135.

[716] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 295.

[717] Тем же. Т. 1. Стб. 302.

[718] И в Ипат., и в Лавр. статья 6643 г. является ультрамартовской, в которой излагаются события 6642 (1134/5) мартовского года, см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. С. 50, 135.

[719] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 295.

[720] Там же. Т. 1. Стб. 302.

[721] Там же. Т. 2. Стб. 295.

[722] Там же. Т. 1. Стб. 302.

[723] См.: *Соловьев С.М.* История отношений между князьями Рюрикова дома. М., 2003. С. 71—75; *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. Т. 1. М., 1987. С. 193; *Грушевский М.С.* Очерк истории Киевской земли. С. 145; *Он же.* Історія України-Руси. Т. II. Львів, 1905. С. 127—131; *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. С. 63—64, 71—72; *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 61; *Фроянов И.Я.* Древняя Русь IX—XIII вв. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. С. 216; *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси. С. 42.

[724] См.: *Котышев Д.М.* Переяславский кризис 1130-х гг. и политическое развитие Южной Руси // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2016. Т. 26. № 4. С. 31—41.

[725] См.: *Грушевский М.С.* Очерк истории Киевской земли. С. 145; *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. С. 63—64, 71—72.

[726] См.: *Котышев Д.М.* «Ряд» Ярослава 1054 г.: Историографические и исторические проблемы // Историк и его дело: Судьбы ученых и научных школ: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. К 90-летию со дня рождения профессора Василия Евгеньевича Майера. Ижевск, 2008. С. 182—190; *Назаренко А.В.* Древнерусское династическое старейшинство по «ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели — реальные и мнимые // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 31, 54.

[727] См.: *Плетнева С.А.* Половцы. М., 1990. С. 48—53.

[728] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 256—257.

[729] Более подробно об этих обстоятельствах см. § 5 главы 4 настоящей работы.

[730] Об отражении изменения этого статуса в летописной традиции см.: *Котышев Д.М.* Переяславль Русский в южнорусском летописании XI века // Вестник Удмуртского университета. 2013. Серия 5: История и филология. Вып. 3. С. 73—76.

[731] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 301.

[732] Там же. Стб. 291; Т. 2. Стб. 284.

[733] Эту ситуацию в свое время с тонкой иронией очень точно оценил А.П. Толочко: «Киевляне и Мономах молчаливо делали вид, что ничего, собственно, не произошло: решение Любечского съезда об утверждении отчинных прав на политическое старейшинство за одной династией осталось в силе, только династия отныне другая — Всеволодовичи» (*Толочко А.П.* Князь в Древней Руси. С. 40).

[734] Ключевым моментом в восшествии Мономаха на киевский стол была, конечно, воля «кыян»: «свѣтъ створиша Кияне послаша к Володимеру глюще поиди княже на столъ отенъ и дѣденъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275). О обстоятельствах призвания Владимира подробно говорилось выше.

[735] О возрастании политического статуса Белгорода см. § 4 настоящей главы.

[736] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 295; Т. 2. Стб. 289.

[737] См.: *Кучкин В.А.* Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в средние века и новое время. М., 1999. С. 71; *Назаренко А.В.* Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история. 1993. № 2. С. 65 и сл.

[738] См.: *Baumgarten N.A.* Genealogies et manages occidentals des Rurikides ruses de X au XIII siekle // Oriental Christiana Periodical. Vol. IX. Part. 1. Roma, 1927. Tabl. V. № 7—11.

[739] «В се же лѣт (6615/1107 г. — *Д. К.*) преставися Володимеряя мсця мая въ з днь» (ПСРЛ. Т. Стб. 281).

[740] *Поучение* Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI—XII вв. СПб., 1997. С. 468.

[741] Относительно старшинства младших Мономашичей в литературе единого мнения нет. Н.А. Баумгартен полагал, что старшим наследником во втором браке Мономаха был Роман (*Baumgarten N.A.* Genealogies et manages occidentals des Rurikides ruses de X au XIII siekle. Tabl. V. № 13, 16, 17). В.Л. Янин и В.А. Кучкин считают страшим сыном Юрия, см.: *Янин В.Л.* Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха. С. 120; *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 68; *Кучкин В.А.* Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха. С. 60. Аргументация В.А. Кучкина в пользу старшинства Юрия представляется мне на сегодняшний день наиболее убедительной.

[742] Роман Владимирович, средний сын от второго брака Мономаха, впервые упомянутый под 6621/1113 г. в связи со своей женитьбой (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 276), был отправлен отцом на княжение во Владимир-Волынский в 6625/1117 г., где и скончался год спустя, см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 285.

[743] Там же. Т. 3. С. 23, 208.

[744] Речь идет о событиях 6664/1157 мартовского года (в Ипат. эти события помечены ультрамартовским стилем (см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. С. 168), включающих в себя поход Юрия Долгорукого с союзными князьями на Мстислава Изяславича и осаду Владимира-Волынского, которая закончилась безуспешно. Летописец, поясняя обстоятельства этого похода, говорит о том, что «Гюрги же Володимира не собѣ искашеть но цѣловалъ бяшеть хрстъ къ брату своему Андрѣеви въ животѣ и еще яко по животѣ его волость оудержати снви его» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 486). На это соглашение как на часть династической политики младших Мономашичей обратил внимание еще В.А. Кучкин, см.: *Кучкин В.А.* Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха. С. 81. Примеч. 111.

[745] О том, насколько болезненно относился к вопросу собственного участия во владении Русской землей Юрий Долгорукий, свидетельствует факт, отмеченный летописью под 6657 (1149/50) мартовским годом (см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. С. 148), когда Изяслав Мстиславич выслал сына Юрия Долгорукого Рости-

слава из Южной Руси обратно к отцу в Суздальскую землю: «Гюрги же видя сором҃ сна своего сжаливъ соб҃ реч тако ли мн҃ части н҃ьтоу в Роускои земли и моимъ д҃ьтемъ скоупивъ силоу свою Половци и поиде над҃ьяся на Бъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 374).

[746] Впервые об этом высказался В.Т. Пашуто, рассматривая «причастие» как неотъемлемый элемент политической структуры Древней Руси, охарактеризованной им понятием «коллективного сюзеренитета». О «причастии» как элементе «коллективного сюзеренитета» см.: *Пашуто В.Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 348; *Котляр Н.Ф.* Отражение в «Слове о полку Игореве» государственной структуры Руси периода феодальной раздробленности // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986. С. 65—68; 13. С. 78—79; *Котляр Н.Ф.* Удельная раздробленность на Руси. Киев, 2013. С. 29.

[747] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 302—303.

[748] Там же. Стб. 295.

[749] Там же. Т. 1. Стб. 302.

[750] Там же. Т. 2. Стб. 296—297.

[751] «...На ту же осень оув҃давъ оже идеть Ярополкъ съ братьею к Чернигову и иде тамо же» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 302—303).

[752] Там же. Стб. 296

[753] Там же. Стб. 297.

[754] Там же. Стб. 303.

[755] См.: *Фроянов И.Я.* Мятежный Новгород. СПб., 1992. С. 186—206.

[756] ПСРЛ. Т. 3. С. 24—25.

[757] Там же. С. 209—210.

[758] Там же. Т. 2. Стб. 299.

[759] *Грушевський М.С.* Історія Україні-Руси. Т. 2. С. 275—276; *Линниченко И.А.* Вече в Киевской области. Киев, 1881. С. 38.

[760] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 302. Анализируя эти события, И.Б. Михайлова пришла к выводу, что «со второй четверти XII в. внутренне сплоченная община — пригород встала на путь конфронтации с главным городом земли с целью освободиться от его власти» (*Михайлова И.Б.* Древнерусский Вышгород // Проблемы истории Северо-Запада Руси (Славяно-русские древности. Вып. 3). СПб., 1995. С. 104—105).

[761] *Древнерусские* поселения Среднего Поднепровья. № 69.

[762] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60.

[763] См.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 44—45, 314. Иной точки зрения придерживался О.Н. Трубачев, отождествляя с Вышгородом топоним «Σβμδατας» и трактуя это поселение как одно из предшествовавших «единому Киеву». Нетрудно заметить, что в своих предположениях О.Н. Трубачев фактически воспроизводит построения В.Г. Ляскоронского (*Трубачев О.Н.* Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 15; ср.:

Ляскоронский В.Г. Киевский Вышгород в удельно-вечевое время. Киев, 1913. С. 23—24).

[764] См.: *Довженок В.Й.* Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 рр. // Археологія. 1950. Т. III. С. 80—81. О предположительной датировке этих укреплений см. ниже.

[765] См.: *Голубева Л.А.* «Квартал металлургов» в Вышгороде // Славяне и Русь. М., 1968. С. 26—30. Самая достоверно ранняя находка на городище — это исследованный в 1981 г. железоделательный горн. Материалы из его заполнения, включая фрагмент стеатитового котла типа Resi 1979, Abb. 5:7 норвежского или западношведского изготовления, см.: *Зоценко В.Н., Пекарская Л.В.* Отчет о раскопках Вышгородского городища в 1981 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1981/15 (результаты частично опубликованы в: *Пекарская Л.В., Зоценко В.Н.* Археологические исследования древнерусского Вышгорода в 1979—1981 гг. // Археологические исследования Киева 1978—1983 гг. Киев, 1985. С. 129); *Зоценко В.Н.* Древнерусский Вышгород. Историко-археологический обзор // Борисо-Глебский сборник. Paris, 2009. С. 24.

[766] См.: *Фундуклей И.И.* Обозрение могил, валов и городищ в Киевской губернии. Киев, 1847. С. 35; *Довженок В.Й.* Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 рр. С. 90; *Зоценко В.Н.* Скандинавські старожитності Вишгороду // Старожитності Вишгородщини. Збірка тез доповідей і повідомлень 13-ої науково-практичної конференції, присвяченої «Дню пам'яті Ярослава Мудрого» 24—25 травня 2007 р. Вишгород, 2009. С. 58—59.

[767] «Вышгород возник в IX в. как полифункциональный центр входившей в полянский племенной союз локальной, "дочерней" группы славян...» (См.: *Михайлова И.Б.* Племенные центры Киевского Поднепровья // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 1993. № 1. С. 12; *Она же.* Древнерусский Вышгород. С. 98).

[768] См.: *Довженок В.Й.* Про дофеодальний період в історії Русі // Археологія. 1952. Т. VI. С. 11.

[769] См.: *Довженок В.Й.* Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 рр. // Археологія. 1950. Т. III. С. 68, 69. Табл. I. Рис. 1—2, 5.

[770] См.: *Толочко П.П., Зоценко В.Н.* Отчет о раскопках Вышгородского отряда Киевской археологической экспедиции в 1979 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1979/16; *Зоценко В.Н.* Отчет о раскопках Вышгородского отряда Киевской археологической экспедиции в 1980 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1980/17а.

[771] И.Б. Михайлова утверждала, что вышгородское городище «окружено селищами с культурным слоем X в.» (*Михайлова И.Б.* Племенные центры Киевского Поднепровья. С. 12). Однако на поселениях, обследованных в районе Вышгорода, зафиксирован только слой древнерусской эпохи — речь идет о селищах I—III близ с. Казаровичи и селище у с. Лютеж; все указанные поселения датируются XI—XIII вв. (*Телегин Д.Я., Березанская С.С., Митрофанова В.И.*

Отчет об археологических исследованиях в зоне Киевского водохранилища в 1962 г. // НА ІА НАНУ. Ф. 1962/15).

[772] См.: *Раппопорт П.А.* К вопросу о системе обороны Киевской земли // КСИА УССР. 1954. Вып. 3. С. 25.

[773] Укрепления вышгородской крепости выполнены в технике, отличающей ее от белгородской, василевской, черниговской и т. д. Исследования 1935—1937 гг. показали, что конструкция вышгородского вала состояла из срубов, прилегавших вплотную друг к другу и заполненных глиной (*Довженок В.Й.* Древній Вишгород // Вісн. АН УРСР. 1949. № 8. С. 46; *Он же.* Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 рр. С. 80). Этот конструктив очень напоминает по своему исполнению оборонительные сооружения «города Ярослава» в Киеве (*Раппопорт П.А.* Отчет об исследовании вала «города Ярослава» в Киеве // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. № 1612) и датируется, вероятно, тем же временем. Правда, в 1952 г. прорезка вышгородского вала выявила иную, характерную уже для XII в. конструкцию. П.А. Раппопорт обоснованно считал, что конструкция, исследованная в 1935—1937 гг., представляет собой остатки укреплений XI в., столетием позже уничтоженных при перепланировке (*Раппопорт П.А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52. М.; Л., 1956. С. 101. Примеч. 1).

[774] В рамках указанной традиции встречаются подчас диаметрально противоположные оценки деятельности вышгородцев — от «боярской партии», поддержавшей Святополка в его борьбе за киевский стол (см.: *Довженок В.Й.* Древній Вишгород. С. 45; *Лесючевский В.И.* Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства // Советская археология. 1946. Т. VIII. С. 234 и сл.), до выступления городской общины, направленной не конкретно против Бориса, а против Киева и его гегемонии, — см.: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства... С. 85 и сл., *Михайлова И.Б.* Древнерусский Вышгород. С. 100—102. В качестве подтверждения связи Святополка Владимировича с Вышгородом укажу на факт, оставшийся не замеченным И.Б. Михайловой, — находку во время раскопок в Вышгороде Ф.Н. Молчановским вислой печати с изображениями фигур в пластинчатом доспехе и с нимбом с одной стороны и святого Петра с другой (*Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси. Т. 3. М., 1998. С. 18—19; С. 113. № 2б), атрибутируемая Святополку.

[775] См.: *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших летописных сводах // *Шахматов А.А.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2002. С. 59. И.Б. Михайлова замечает, что само летописное сказание — «источник, отражающий не сколько конкретные события, сколько представления современников об окружающей их действительности, передающий атмосферу настроений общества, в которых оно слагалось» (*Михайлова И.Б.* Древнерусский Вышгород. С. 102). На этом основании она отрицает фактографический подход к изучению летописной статьи 6523 г., предпринятый в ряде работ (см., напр.: *Ильин Н.Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник (Опыт

анализа). М., 1957; *Хорошев А.С.* Политическая история русской канонизации. М., 1986. С. 31 и сл.).

[776] См.: *Абрамович Д.И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1915. С. 9; *Лященоронский В.* История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев. 1897. С. 282; *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до половины XIV в.). Л., 1940. С. 121; *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства... С. 85.

[777] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 182; Правда Русская. Т. 1. М.; Л., 1940. С. 71, 80.

[778] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 200.

[779] См.: *Голубинский Е.Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 44—46; *Васильев В.* История канонизации русских святых. М., 1893. С. 66; *Лесючевский В.И.* Вышгородский культ Бориса и Глеба... С. 236; *Шахматов А.А.* Разыскания... С. 58. Примеч. 3; *Приселков М.Д.* Очерки церковно-политической истории Руси X—XIII вв. СПб., 1913. С. 71—72; *Лихачев Д.С.* «Повесть Временных лет» (историко-литературный очерк) // ПВЛ. С. 307—308; *Алешковский М.Х.* Глебоборисовские энколпионы 1072—1150 гг. // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 112; *Хорошев А.С.* Политическая история... С. 16—22; *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. 2. М.; Л., 1961. С. 316—317; *Ильин Н.Н.* Летописная статья 6523 г. С. 180); *Милютенко Н.И.* Переяславское сказание о Борисе и Глебе в составе Летописца Переяславля-Суздальского // ТОДРЛ. Т. XLVII. СПб., 1993. С. 65—81; *Она же.* Правители-мученики — святые покровители своих народов (К эволюции образа) // Церковная археология. Ч. 2. СПб.; Псков, 1995. С. 7—9.

[780] Для сравнения — если площадь детинца в конце X в. составляла 2,5 га, а окольного города — 1,5 га, то уже к началу XII в. цифры существенно изменяются, составляя соответственно 7,5 и 6 га, — см.: *Довженок В.Й.* Вышгород // Археология Украинской ССР. Т. 3. Киев, 1985. С. 305; *Куза А.В.* Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 71.

[781] См.: *Довженок В.Й.* Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода... С. 88.

[782] См.: *Чумаченко В.В.* Отчет Вышгородского отряда Среднеднепровской экспедиции за 1972 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1972/12б; *Зоценко В.Н., Пекарская Л.В.* Отчет о раскопках Вышгородского городища в 1981 г. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1981/15в.

[783] См.: *Довженок В.Й.* Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 рр. С. 90—91.

[784] См.: *Успенский* сборник. С. 50, 55; *Антонович В.Б.* Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895. С. 18.

[785] Как повествует «Сказание», Святослав «умыслисъ здати церковь камяну святома», однако «създав ее до 80 локът возвыше, преставися». Всеволод после смерти старшего брата вокняжился в Кие-

ве и «преим вьсю власть Русьскыя земле и сверши ю всю. И яко бысть съвершена, и абие в ту нощь върютися ею верхъ и съкрушися вься». И только Олег Святославич «оумысли въздвигнути церковь съкроушшившую ся вышегороде камяную и приведе зделателе повеле зъдати, въдавъ имъ въсе пообилоу» (см.: *Успенский* сборник. С. 69).

[786] Там же.

[787] *Раппопорт П.А.* Древнерусская архитектура X—XIII вв. С. 27—28, № 37; *Каргер М.К.* Древний Киев. Т. 2. С. 335—336. *Он же.* К истории киевского зодчества XI в. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде // Советская археология. Т. 16. М.; Л., 1952. С. 225—247.

[788] *Успенский* сборник. С. 69.

[789] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 280—282.

[790] Там же. Стб. 282.

[791] *Успенский* сборник. С. 69.

[792] *Смирнов И.И.* Очерки социально-экономических отношений Руси XI—XIII вв. С. 247.

[793] *Успенский* сборник. С. 57.

[794] ПВЛ сообщает под 1078 г., что «Ярополку сѣдящу Вышегородѣ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 200), что дает основание для утверждений о начале самостоятельного вышгородского княжения (*Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства... С. 72; *Михайлова И.Б.* Древнерусский Вышгород. С. 103). Хотя получение после смерти отца от своего дяди Всеволода Турова и Владимира (Там же. С. 87) ставит вышгородское княжение Ярополка под вопрос, однако И.Б. Михайлова считает, что «на рубеже XI—XII вв. киевская община еще практиковала передачу Вышгорода и Владимира одному правителю» (*Михайлова И.Б.* Древнерусский Вышгород. С. 104). Но с 1078 и до 1136 г., когда в Вышгороде оказывается Всеволод Мстиславич (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 302; Т. 2. Стб. 300), никаких достоверных сведений о княжении в городе нет.

[795] ПСРЛ. Т. IX. М., 1965. С. 65, 66. Сообщение Никоновской летописи о заложении храма Преображения в Белгороде может являться и опиской, поскольку в тексте ПВЛ закладка храма под таким названием отнесена к Василеву.

[796] «Бысть же время перенесению стыима мчнкома Романа и Двда и съвъкупити въше ся вься братия Изяславъ Стославъ Всеволодъ митрополитъ Георгии кыевськыи дроугыи Неофитъ чьрниговськыи еппис Петръ переяславськы и Никита бѣлогордъскы и Михаилъ гурьгевськы» (Успенский сборник. С. 62).

[797] «В лѣт 6596 [1088] Сщна быс црки стго Михаила манастыря Всеволожа митрополитомь Иоаномь и епспым Лукою Исаемь» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 199).

[798] «[В] лѣт 6597 [1089] [С]щна быс цркви Печер]ъская стыя Бца манастыря Феодосьева Іоаномь митрополитомъ і Лукою Бѣлогородьскымь єпспомь Исаиємь Черниговьскым єпспомь» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 207—208).

[799] «В лѣт 6623 [1115]... в суботу наоутрия же въ в днь перенесоша стая и быс сборъ великъ сшедшюся народу съ всихъ странъ митрополитъ Микифоръ съ всими епспы съ Фектистомъ Черниговьскымъ с Лазаремъ Переяславьскымъ с попомъ Никитою Бѣлогородьскымъ и с Данилою Гурьговьскымъ и съ игумены с Прохоромъ Печерьскымъ и съ Селивестромъ стго Михаила и Сава стго Спса и Григории стго Андрѣя Петръ Кловьскыи и прочии игумени» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 280).

[800] См.: *Рыбаков Б.А.* Отчет об археологических раскопках на Белгородское городище Института археологии АН СССР в 1968 г. // НА ІА НАНУ. 1968/52а. Ф. э. 6259. С. 3—9.

[801] *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. М., 1902. Т. 1. 1-я пол. С. 668—669.

[802] *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 36; *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 279; *Darrouzes J.* Notitae episcopatuum ecclesife Consnantinopolitanae. Paris. 1981. P. 367.

[803] *Правда* Русская. Т. 1. М.; Л., 1940. С. 110.

[804] По мнению И.Я. Фроянова, Иванка следует рассматривать как представителя черниговской общины, см.: *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 230—231.

[805] Во время раскопок В.В. Хвойки в усадьбе Вернадского была обнаружена печать с изображением святого Василия Кесарийского, которая относится к группе печатей, связываемых исследователями с личностью Владимира Мономаха (ИАК. Прибавление к вып. 39. СПб., 1911. С. 173; *Янин В.Л.* Актовые печати... С. 187. 258. Табл. 10. Рис. 100).

[806] ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 289.

[807] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 20 (далее — НПЛ).

[808] ПСРЛ. Т. 4. Пг., 1915. Ч. 1. Вып. 1. С. 142; Т. 5. Вып. 1. С. 159.

[809] Там же. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 28.

[810] См.: *Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969. С. 292—293.

[811] В сферу непосредственного влияния города попадали шесть поселений древнерусского времени, расположенные вдоль р. Ирпень. Пять из них находятся вверх по течению от города и одно — ниже. Это поселения Яблоновка и Новоселки Макаровского района и Жорновка, Гореничи, Белгородка и Софиевская Борщаговка Киево-Святошинского района Киевской области. Из них только поселение у с. Жорновка представляет собой городище, остальные — селища. Стационарных раскопок на поселениях не проводилось. Городище обследовал М.П. Кучера в 1972 г., выявив остатки оборонительных сооружений в виде рва и вала, а также керамику XII—XIII вв. (*Кучера М.П.* Давньоруські городища на Правобережжі Київщини // Дослідження з слов'яно-руської археології. К., 1976. С. 181). Селища

были обследованы в 1979 г. разведочным отрядом Среднеднепровской экспедиции ИА АН УССР (*Беляева С.А., Блажевич Н.В.* Отчет о разведках и раскопках в Среднем Поднепровье в 1979 г.// НА ІА НАНУ. Ф. 1980/19). В ходе этих разведок было установлено, что поселения содержат керамику XII—XIII вв., а на селище недалеко от Белгородского городища зафиксированы следы непрерывного функционирования поселения на протяжении XII—XIV вв. См.: Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. С. 46—47. № 62—66; С. 48, 68.

[812] См.: *Мезенцева Г.Г.* Звіт про роботу Белгородської археологічної експедиції Київського ордена Леніна державного університету ім. Т.Г. Шевченка в 1973 р. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1973/87. Ед. хр. 6718. С. 10—12; *Она же.* Звіт про роботу Белгородської археологічної експедиції... в 1974 р. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1974/70. Ед. хр. 7338. С. 9—14; *Она же.* Звіт про роботу Белгородської археологічної експедиції... в 1975 р. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1975/65. Ед. хр. 7671. С. 5—13; *Она же.* Звіт про роботу Белгородської археологічної експедиції... в 1976 р. // НА ІА НАНУ. Ф. є. 1976/75. Ед. хр. 8124. С. 6—7.

[813] См.: *Мезенцева Г.Г.* Звіт про роботу Белгородської археологічної експедиції... в 1976 р. С. 5—6.

[814] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 308; Т. 2. Стб. 305.

[815] *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. С. 76.

[816] *Грушевский М.С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. С. 156.

[817] *Толочко П.П.* Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 119.

[818] См.: *Греков Б.Д.* Киевская Русь. С. 509—510.

[819] См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 304.

[820] Там же. Стб. 310.

[821] Там же. Стб. 312

[822] Там же. Стб. 306.

[823] См.: *Грушевский М.С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. С. 156—157.

[824] См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 309; Т. 2. Стб. 310.

[825] См.: Там же. Стб. 295—297.

[826] Там же. Стб. 312.

[827] Там же. Т. 1. Стб. 311; Т. 2. Стб. 313—314.

[828] Там же. Т. 2. Стб. 314.

[829] Там же.

[830] Там же.

[831] Там же. Т. 1. Стб. 313.

[832] Там же. Т. 2. Стб. 317.

Для возрастной категории 16+

Котышев Дмитрий Михайлович

ОТ РУССКОЙ ЗЕМЛИ К ЗЕМЛЕ КИЕВСКОЙ

Становление государственности в Среднем Поднепровье IX—XII вв.

Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректор *А.В. Максименко*

Подписано в печать 24.05.2019.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская. Гарнитура «LiteraturnayaC».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.
Уч.-изд. л. 13,17 + вклейка = 13,60.
Тираж 2 000 экз. Заказ №

ООО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

Издательство «Центрполиграф» представляет серию «Новейшие исследования по истории России»

Вып. 1. Соколов К.И. Пламя над Волгой. Крестьянские восстания и выступления в Тверской губернии в конце 1917—1922 гг.

Вып. 2. Пенской В.В. Центурионы Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в.

Вып. 3. Черкасова М.С. Северная Русь. История сурового края. XIII—XVII вв.

Вып. 4. Морозова О.М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. Страницы истории Белого движения на Юге России.

Вып. 5. Пенской В.В. Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Феллина. 1558—1561 гг.

Вып. 6. Абакумов О.Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826—1866 гг.

Вып. 7. Посадский А.В. Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918—1922 гг.

Вып. 8. Волвенко А.А. Донское казачество позднеимперской эпохи. Земля. Служба. Власть. Вторая половина XIX в. — начало XX в.

Вып. 9. Коршунова Н.В. Крах политической доктрины императора Павла I, или Как нельзя управлять страной.

Вып. 10. Шинаков Е.А. От Чернигова до Смоленска. Военная история юго-западного русского порубежья с древнейших времен до XVII в.

Вып. 11. Аверьянов К.А. Загадка завещания Ивана Калиты. Присоединение Галича, Углича и Белоозера к Московскому княжеству в XIV в.

Вып. 12. Магилина И.В. Посольство монахов-кармелитов в России. Смутное время глазами иностранцев. 1604—1612 гг.

Вып. 13. Малето Е.И. Средневековая Русь и Константинополь. Дипломатические отношения в конце XIV — середине XV в.

Вып. 14. Пенской В.В. Военное дело Московского государства. От Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV — начало XVII в.

Вып. 15. Темушев В.Н. Русско-литовское пограничье. Гомельская земля в конце XV — первой половине XVI в.

Вып. 16. Бенцианов М.М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV—XVI вв.

Вып. 17. Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917—1922 гг.

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Д.М. КОТЫШЕВ

ОТ РУССКОЙ ЗЕМЛИ К ЗЕМЛЕ КИЕВСКОЙ

Становление государственности в Среднем Поднепровье в IX—XII вв.

Ранняя история Русской земли является составной частью процесса зарождения древнерусского государства. Среднее Поднепровье в IX—X вв. стало ареной знаменательного исторического события: перехода восточных славян от варварства к цивилизации. Южная Русь X в. предстает громадным котлом, переплавившим различные племена. Из этой своеобразной социальной и этнической «крицы» был выкован уклад древнерусской эпохи. Время Владимира Святославича является тем самым рубежом, который отделяет позднепервобытную эпоху восточных славян от раннегосударственной. Последующий период — XI—XII вв. — это время расцвета и начала упадка Русской земли. Под влиянием целого ряда причин уже к середине XII в. она распадается на Киевскую, Черниговскую и Переяславскую земли.

ISBN: 978-5-227-08766-9

Выпуск 18